

к. 9(с)

НЗЧ

559834

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК X

ЧУВАШГОСИЗДАТ

1954

Национальная библиотека ЧР

00559834

9/10
1834

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК X

*Печатается по постановлению Ученого
Совета Научно-исследовательского инсти-
тута языка, литературы и истории при
Совете Министров Чувашской АССР*

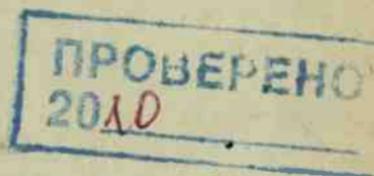
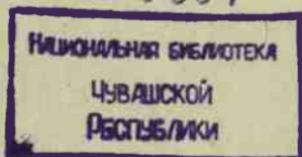
ЧУВАШСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ — 1954

У

СОДЕРЖАНИЕ

Кузьмин В. Л. Задачи дальнейшего изучения языка, литературы и истории чувашского народа	3
Горский С. П., доктор филологических наук. Вопросы истории чувашского литературного языка	20
Сироткин М. Я., кандидат педагогических наук. Чувашская литература первых лет Советской власти (1917—1920 гг.)	52
Канюков В. Я. Дореволюционная чувашская детская литература	91
Денисов П. В. Проблемы устного народного творчества и этнографии чуваш в произведениях Н. И. Ашмарина	147
Волков Г. Н., кандидат педагогических наук. Педагогические воззрения чувашского народа в поговорках и пословицах	183

559834

Редакционная коллегия: В. Л. КУЗЬМИН (отв. за выпуск),
С. П. ГОРСКИЙ, Т. Г. ГУСЕВ,
Н. Ф. ДАНИЛОВ, М. Я. СИРОТКИН.

Подписано к печати 28.VI. 1954 г.

Объем 10,76 печ. лист., учетно-издат. 11,24 л.

Бумага 84×108/32.

HT 01315.

Заказ № 638.

Тираж 1500 экз.

Цена 7 р. 75 к.

Типография № 2 Министерства культуры Чувашской АССР, г. Алатырь.

В. Л. КУЗЬМИН

ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Исторические решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС и последующие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР открывают величественные перспективы дальнейшего развития социалистической экономики и культуры в нашей стране, нового подъема передовой советской науки на пути к коммунизму.

Исходя из требований основного экономического закона социализма, Коммунистическая партия Советского Союза направляет развитие экономики страны и культурного уровня трудящихся по пути неуклонного подъема, обеспечивает успешное выполнение народнохозяйственных планов и культурного строительства.

Пятый пятилетний план определяет новый мощный подъем народного хозяйства СССР и обеспечивает дальнейший значительный рост материального благосостояния и культурного уровня народа.

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство проявляют огромную заботу о процветании передовой советской науки. Советское государство развернуло строительство большой сети научно-исследовательских институтов, создало самые благоприятные условия для расцвета науки, усилило их оснащение необходимыми материалами и средствами, обеспечило широкий размах подготовки научных кадров.

В пятой пятилетке должна быть улучшена работа научно-исследовательских институтов и научная работа в высших учебных заведениях. Директивы XIX съезда партии предлагают полнее использовать научные силы для решения важнейших вопросов развития народного хозяйства, обобщения передового опыта, обеспечивая широкое практическое применение научных открытий.

В отчетном докладе Г. М. Маленкова о работе Центрального Комитета партии указывается, что необходимо «развивать даль-

ше передовую советскую науку с задачей занять первое место в мировой науке. Направлять усилие ученых на более быстрое решение научных проблем использования громадных природных ресурсов нашей страны. Укреплять творческое содружество науки с производством, имея в виду, что это содружество обогащает науку опытом практики, а практическим работникам помогает быстрее решать стоящие перед ними задачи»¹.

Советская наука развивается на основе марксистско-ленинской теории, которая озаряет путь продвижения нашей партии, нашему народу вперед, к полному торжеству коммунизма.

Решения XIX съезда партии еще раз показали, что коммунистическое строительство в СССР совершается на основе данных науки, что марксистско-ленинская теория лежит в основе поступательного движения советского общества. Наши исследования должны помогать советскому народу строить коммунизм. Труды в области общественных наук, в том числе истории, языка и литературы, должны способствовать укреплению союза рабочего класса и крестьянства, советского патриотизма, дружбы народов нашей страны, их морально-политического единства, раскрывать превосходство советского общественного и государственного строя, советской идеологии и культуры над растленной буржуазной культурой.

Решения XIX съезда партии и сентябрьского Пленума ЦК КПСС, указания И. В. Сталина, сделанные в трудах «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР», ставят перед научными учреждениями Чувашской АССР огромные задачи в научно-исследовательской работе. Эти задачи еще больше увеличиваются в связи с предстоящим строительством Чебоксарской ГЭС на Волге.

За последние годы научная мысль в Чувашии добилась значительных успехов. В республике имеются высшие учебные заведения и научные учреждения, выросли национальные научные кадры. Разрабатываются проблемы истории, языка и литературы чувашского народа, а также вопросы по многим другим областям наук (экономика, медицина, искусство и др.).

Вместе с другими научными учреждениями некоторый вклад в науку вносит и Институт языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, основное внимание которого направлено на разработку проблем истории, языка и литературы чувашского народа. С 1949 года институтом издано девять выпусков «Записок» и подготовлены к печати два выпуска. В области изучения истории народа проделана значительная работа по подготовке «Очерков истории Чувашской АССР» (т. 1);

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 78.

разработан ряд вопросов по этногенезу чуваш,¹ о присоединении Чувашии к Русскому государству,² выполнены работы по некоторым вопросам социально-экономических отношений в Чувашии в XIX в. Подготовлены и опубликованы небольшие брошюры и статьи о революции 1905—07 гг. в Чувашии³, по вопросам подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, подготовлены сборник статей по истории Чувашской АССР советского периода, сборник материалов по истории крестьянской войны под руководством Е. Пугачева в Чувашии.

Значительная работа проведена институтом и по вопросам чувашского языкознания. Завершено издание 17-томного «Словаря чувашского языка» профессора Н. И. Ашмарина, издан «Русско-чувашский словарь» объемом 112 авт. листов под редакцией члена-корреспондента АН СССР, профессора Н. К. Дмитриева, издан специальный выпуск «Записок» института, посвященный вопросам языкознания, подготовлены сборник статей по научной грамматике чувашского языка (т. 1, морфология), монографии профессора В. Г. Егорова «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» и профессора С. П. Горского «Очерки истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода».

Издан ряд научных работ и по чувашской литературе. Например, выпущена в свет монография М. Я. Сироткина «Очерки дореволюционной чувашской литературы», опубликован ряд литературно-критических статей и рецензий о творчестве отдельных писателей и поэтов, подготовлена и в настоящем выпуске печатается работа В. Я. Канюкова «Дореволюционная чувашская детская литература», изданы сборники по чувашскому фольклору И. С. Тукташа и Н. Ф. Данилова, проведена значительная работа по сбору произведений устнопоэтического творчества чувашского народа. Докторантом Института мировой литературы им. Горького Академии наук СССР М. Я. Сироткиным завершено большое монографическое исследование по истории чувашской советской литературы.

¹ См. проф. А. П. Смирнов. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948 г.

П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948 г.

Материалы сессии института истории АН СССР и Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, посвященной вопросам истории чувашского народа. Журнал «Советская этнография», № 3, 1951 г.

² Т. Г. Гусев. Присоединение Чувашии к Русскому государству. Записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ЧНИИ). Вып. IV, Чебоксары, 1950 г.

М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к Русскому государству. Журнал «Советская этнография», № 3, 1951 г.

³ П. Г. Григорьев. Революция 1905—1907 гг. в Чувашии. (На чувашском яз.). Чебоксары, 1952 г., 102 стр.

Некоторая работа в области изучения чувашского языка, литературы и истории проделана отдельными кафедрами Чувашского государственного педагогического института, а также по линии Чувашского государственного издательства.

В настоящее время основной задачей научных учреждений является перестройка всей научно-исследовательской работы на основе решений XIX съезда партии, сентябрьского Пленума ЦК КПСС, трудов И. В. Сталина по языкознанию и «Экономические проблемы социализма в СССР», поднятие идейно-теоретического уровня научных трудов, развертывание критики и самокритики для исправления недостатков и ошибочных положений, допущенных в ряде работ, усиление творческой работы по разработке и решению важнейших и первоочередных проблем в области языкознания, литературы и истории чувашского народа.

* * *

Несмотря на некоторые успехи, в работе по изучению языка, литературы и истории чувашского народа имеются крупные недостатки. Научно-исследовательская работа в республике в целом ведется неудовлетворительно и отстает от требований, предъявляемых к науке Коммунистической партией и советским народом в соответствии с задачами культурного строительства.

Большим недостатком в научно-исследовательской работе в области истории является отсутствие до сего времени разработанного курса истории Чувашской АССР. Многие вопросы и даже отдельные периоды истории Чувашии не получили своего хотя бы краткого освещения.

Несколько лучше обстоит дело с изучением древнейшей истории чуваш. По этому периоду опубликованы работы профессоров А. П. Смирнова, П. Н. Третьякова и В. Г. Егорова, проведена специальная научная сессия в Москве (в январе 1950 г.). Однако нельзя сказать, что все вопросы древнейшей истории чуваш, особенно их этногенеза, полностью разрешены. Остается спорным вопрос о Волжской Болгарии, истории чуваш в составе этого государства. Нет необходимой согласованности в разработке этого вопроса между историками Татарской и Чувашской республик.

Значительной работой, посвященной вопросам этногенеза чуваш, является исследование профессора В. Г. Егорова «К вопросу о происхождении чуваш и их языка»,¹ где автор дает интересный лингвистический материал по вопросам о происхождении чуваш и их языка. Однако решение сложного вопроса этногенеза чуваш не под силу одним языковедам или историкам, если они работают разрозненно. Решение этой проблемы требует совместной и согласованной работы историков, археологов, этнографов, языкове-

¹ См. Записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VII, Чебоксары, 1953, стр. 64—91.

дов, антропологов и др., согласованного исследования этого вопроса со стороны историков всего среднего Поволжья.

Более того, важнейшей задачей, вытекающей из указаний И. В. Сталина по вопросам языкознания, является приближение языкознания к истории, установление тесного контакта языкознания с исторической наукой. «...Язык и законы его развития,—указывал И. В. Сталин,—можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Почти неразработанной остается история чувашского народа периода феодализма, особенно со времени образования Золотой орды и включая период Казанского ханства. Плохо еще исследован вопрос о разложении феодально-крепостнической системы в Чувашии. Для того, чтобы глубже понять социально-экономические отношения в Чувашии в эпоху феодализма, необходимо вскрыть действие экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производственных сил, сосредоточив внимание на проблеме роста производительных сил при феодализме, подчеркивая при этом решающую роль феодальной собственности на землю и на подчиненную роль внеэкономического принуждения.

Большое место в разработке истории эпохи феодализма должно занимать изучение вопроса о развитии классовой борьбы—крестьянских восстаний и выступлений горожан, направленных против феодально-крепостнического гнета. При этом следует особо подчеркивать совместную борьбу чувашских крестьян с русскими крестьянами и трудящимися других народностей.

Историю классовой борьбы нельзя писать без анализа социально-экономических отношений. К сожалению, авторы некоторых работ забывают об этом. Такие недостатки допущены, например, в статье П. Г. Григорьева «Волнения чувашского крестьянства в 1841—42 гг.»², где классовая борьба не рассматривается в связи с социально-экономическими и политическими преобразованиями, происшедшими в первой половине XIX в., особенно в период реформ П. Д. Киселева. В результате этого в статье неверно освещается вопрос о причинах крестьянских волнений.

Нельзя также забывать о совместной борьбе чувашского народа с русским народом против своих общих врагов, как внутренних, так и внешних.

В литературе по истории Чувашии получил, в основном, правильное освещение вопрос о прогрессивной роли присоединения Чувашии к Русскому государству. Однако вопрос о влиянии рус-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 22.

² См. Записки ЧНИИ. Вып. 1, Чебоксары, 1941, стр. 3—54.

ского народа на дальнейшую судьбу чувашского народа после присоединения разработан недостаточно. Написанная сотрудником института Н. Р. Романовым работа на тему «Прогрессивное влияние русской культуры на экономическое и культурное развитие чувашского народа» до сих пор остается не опубликованной.

Не разрешена полностью проблема о развитии капиталистических отношений в Чувашии, хотя этот вопрос в исторической литературе поднимался не один раз. Причем мнения исследователей по этому вопросу расходятся: одни утверждают, что «Чувашия не имела никакой промышленности»,¹ вторые доказывают, что Чувашия до Великой Октябрьской социалистической революции прошла значительный путь капиталистического развития, хотя капитализм еще не получил полного развития; третьи указывают на наличие в дореволюционной Чувашии всех стадий развития капитализма².

Несомненно, Я. К. Павлов и В. Н. Любимов впадают в две противоположные крайности. Задача наших историков—по серьезному взяться за разрешение этой проблемы, дать исторически достоверное монографическое исследование по вопросу о развитии капиталистических отношений в Чувашии.

В связи с этим следует указать и на неразрешенность вопроса о формировании чувашской буржуазной нации. Статьи В. Н. Любимова и П. Г. Григорьева о формировании чувашской буржуазной нации все еще не разрешают этой проблемы³. В решении этих вопросов необходимо исходить из указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина, которые отмечали прогрессивность объективного процесса развития производительных сил при капитализме, уничтожения национальной замкнутости, ломки патриархальных устоев, экономического объединения территорий.

В свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» важнейшее значение приобретает проблема зарождения рабочего класса в Чувашии, роста рабочего движения и укрепления союза рабочего класса с крестьянством в эпоху империализма. И. В. Сталин, указав на обнищание большинства населения как на один из важнейших источников обеспечения максимальной капиталистической прибыли, научно обосновал прогрессирующее ухудшение положения трудящихся и дальнейшее обострение классовой борьбы в эпоху империализма. Задачи наших историков—дать высокодейственные научные труды по указанным вопросам на основе теоретических положений марксизма-ленинизма.

¹ Я. К. Павлов. «Образование Чувашской Автономной Советской Социалистической республики». Рукопись кандидатской диссертации. М. 1948. Хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

² См. В. Н. Любимов. К вопросу о возникновении чувашской нации. Записки ЧНИИ, вып. VI, Чебоксары, 1952, стр. 142.

³ См. П. Г. Григорьев. К вопросу об образовании чувашской буржуазной нации. Записки ЧНИИ, вып. VII, стр. 153—163.

Одним из крупнейших недостатков в работе историков является неудовлетворительная разработка истории Чувашской АССР советского периода.

Решения XIX съезда партии и сентябрьского Пленума ЦК КПСС обязывают историков конкретно разработать вопросы социалистического преобразования экономики и культуры народов нашей страны за годы Советской власти, показать превосходство общественного и государственного строя нашей страны перед капиталистическим строем, показать действие основного экономического закона социализма на примере Советского государства.

Неоценимое значение для разработки истории советского общества имеют труды В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС.

В свете решений XIX съезда партии и трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина необходимо решительно улучшить изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в Чувашии.

Имеющаяся литература по истории социалистической революции в Чувашии¹ пока что не удовлетворяет полностью всем требованиям исторической науки. Так, например, в работе Я. К. Павлова «Установление Советской власти в Чувашии» допущены значительные пробелы методологического характера и искажения отдельных исторических фактов.² Недостатком этой статьи является также отсутствие анализа социально-экономических предпосылок Октябрьской революции в Чувашии. Вопрос о роли масс, как творца истории, не стоит в центре исследования, а остается в тени. Ошибочная методологическая позиция автора привела к тому, что в первом разделе статьи совершенно отсутствует показ руководящей и организующей роли Коммунистической партии в революционном движении масс, показ деятельности Московской, Петроградской и, особенно, Казанской, Симбирской и Нижегородской организаций большевиков среди трудящихся Чувашии.

В работах по истории Октябрьской социалистической революции и дальнейшего социалистического преобразования экономики и культуры чувашского народа, прежде всего, следует показать огромную помощь, оказанную трудящимся Чувашии со стороны великого русского народа, русского рабочего класса, а также других народов.

¹ См. Я. К. Павлов. Установление Советской власти в Чувашии. Записки ЧНИИ, вып. II, Чебоксары, 1949, стр. 3—54.

В. Л. Кузьмин. Из истории реализации ленинского декрета о земле в Чувашии. Записки ЧНИИ, вып. VII, Чебоксары, 1953, стр. 3—24.

² Критику работы Я. К. Павлова «Установление Советской власти в Чувашии» см. в нашей статье в «Записках» ЧНИИ, вып. VI, Чебоксары, 1952, стр. 196—213.

Имеющиеся брошюры и небольшие статьи по истории Чувашской АССР советского периода написаны на невысоком научном уровне, носят в большинстве случаев фактографический, описательный характер, в них отсутствует глубокий анализ исторических явлений. В этих статьях слабо вскрыты объективные закономерности развития социалистического общества, плохо показана роль трудящихся масс в социалистическом преобразовании народного хозяйства и культуры Чувашии.

Одной из важнейших движущих сил советского социалистического общества является дружба народов СССР. В результате осуществления национальной политики Коммунистической партии у нас ликвидирована вековая национальная рознь, преодолена экономическая и культурная отсталость ранее угнетенных народов, в том числе и чуваш. Коммунистическая партия считает своей важнейшей обязанностью обеспечить дальнейшее укрепление единства и дружбы народов Советского Союза.

Огромная роль в деле дальнейшего укрепления этой дружбы принадлежит советской исторической науке. Труды советских историков должны вскрывать исторические корни дружбы народов нашей страны, совместную борьбу трудящихся всех национальностей России против внутренних и внешних врагов под руководством русского народа, раскрыть творческие силы и возможности народов и их прогрессивные национальные традиции.

Вместе с тем советская историческая наука должна вести беспощадную борьбу против буржуазного национализма и буржуазно-националистических тенденций в исторической науке.

У нас до сего времени нет опубликованных монографических исследований по вопросу возникновения чувашской социалистической нации, научных трудов о героических подвигах трудящихся Чувашии в годы Великой Отечественной войны как на фронте, так и в тылу, о послевоенном развитии народного хозяйства и культуры Чувашии.

Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС о дальнейшем развитии и подъеме сельского хозяйства нашей страны и другие решения ЦК партии и Советского правительства обязывают наших историков и экономистов более глубоко заниматься вопросами истории социалистического преобразования сельского хозяйства, экономики колхозов и совхозов, формирования, развития нового быта тружеников колхозной деревни, роли МТС в подъеме сельского хозяйства, истории передовых колхозов и т. д.

Неразрывную часть истории советского общества составляет история Коммунистической партии, которая вела и ведет советский народ по пути к коммунизму. Изучение политики Коммунистической партии, ее славной истории, ее руководства и деятельности по социалистическому преобразованию Чувашии является важнейшей задачей чувашских историков.

Огромное значение для повышения идейно-теоретического

уровня научных работ имеет глубокое овладение основами революционной теории—марксизмом-ленинизмом. Устранить теоретические ошибки можно только при условии решительной борьбы против начетничества и догматизма, против поверхностного подхода к марксистско-ленинской теории.

* * *

Большая работа по дальнейшему развитию чувашского языкознания предстоит перед языковедами нашей республики.

До выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания чувашское языкознание полностью находилось под влиянием так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Вопросам чувашского языкознания Н. Я. Марр посвятил ряд работ, среди которых особенно выделяются такие работы, как «Чуваши-яфетиды на Волге», «Родная речь—могучий рычаг культурного подъема». Обе эти работы, как и другие, Н. Я. Марром построены на порочном методе, основанном на 4-х элементном палеонтологическом анализе слов.

Н. Я. Марр и его последователи не сумели разрешить проблемы происхождения чувашского языка, т. к. они не видели неразрывной связи языка со всей историей народа. Н. Я. Марр и его последователи не понимали и сущности языка, его специфики, его общенародного характера и значения. Этим объясняется отождествление ими языка и надстройки. Они не поняли и законов развития языка. Поэтому они пропагандировали «теорию» взрывов и революций в языке, внезапных количественных скачков в нем, проповедывали идею создания нового, «социалистического» языка, коренным образом отличающегося от языка предыдущих эпох. Они не поняли и перспектив развития языка, этим объясняется их пренебрежение к национальным языкам, к специфике и законам этих языков.

Перед языковедами нашей республики, в частности перед сектором языка Научно-исследовательского института, стоят большие задачи, направленные на ликвидацию той путаницы, которую внесли сторонники «нового учения» о языке в вопросы теории и практики развития чувашского языка.

Последователи Марра при разработке вопросов графики и орфографии национальных языков не учитывали специфических особенностей данного языка. Все это приводило к большой путанице в правописании. Так, например, в чувашском языке в правописании заимствованных слов были нарушены существующие фонетические нормы языка, нормы произношения и закон ударения.

Неразрешенность многих вопросов грамматики и лексики, чувашского языка вызвала большие нарушения в языке нашей печати: как, например, буквальный перевод и механический перенос на чувашский язык синтаксических конструкций, и предложе-

ний русского языка, употребление непонятных читателям слов, неправильные словообразования, непоследовательность в употреблении терминов, нарушение правил орфографии и пунктуации и т. д. Все это делает язык нашей прессы недостаточно понятным читателю.

Перед языковедами стоит огромная задача привести орфографию в соответствие с нормами произношения в чувашском языке, ликвидировать вредную путаницу, внесенную в чувашскую орфографию и язык последователями Марра, развивать свой родной язык как форму национальной культуры, настойчиво изучать великий русский язык, являющийся вторым родным языком для всех народов нашей страны.

Крупные ошибки методологического характера, исходящие из ошибочного учения Н. Я. Марра о надстроечном характере языка, были допущены почти во всех работах, вышедших до опубликования трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, как например, в работах В. Г. Егорова («Введение в изучение чувашского языка»), А. И. Васильева («Вопросы чувашской орфографии»), в учебниках по грамматике чувашского языка для семилетних и средних школ и др.

После выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания научно-исследовательская работа по чувашскому языкознанию несколько оживилась. Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории изданы «Записки», посвященные вопросам чувашского языкознания, главным образом, критике антимарксистских и антинаучных концепций Н. Я. Марра и его последователей в чувашском языкознании¹. Статьи, опубликованные в Записках института, написаны квалифицированными специалистами на достаточно высоком научном уровне. Вместе с тем следует отметить, что в ряде работ критика направлена, в основном, только против трудов Н. Я. Марра по чувашскому языку, в то же время последователи Марра в чувашском языкознании, их труды по чувашскому языку остались в стороне, не получили критического анализа.

У нас еще не разрешены первоочередные проблемы чувашского языкознания, нет исторической грамматики чувашского языка, истории чувашского литературного языка послеоктябрьского периода, не изучен словарный фонд и словарный состав чувашского языка, не изучены его диалекты.

Создание научной грамматики чувашского языка является одной из самых главных задач чувашского языкознания. Труды

¹ См. С. П. Горский. Учение И. В. Сталина о развитии национальных языков и задачи дальнейшего изучения чувашского языка.

В. Д. Аракин. Ошибки в работах Н. Я. Марра по чувашскому языку.

В. Г. Егоров. Против извращений Н. Я. Марра в области изучения чувашского языка.

А. И. Иванов. К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением специфики его. (Записки ЧНИИ. Вып. VIII. Чебоксары, 1950.)

Н. И. Ашмарина, написанные еще в дооктябрьский период, не удовлетворяют современным требованиям чувашского языкознания, но ввиду отсутствия и неразработанности научной грамматики в свете современных требований, студенты вузов, учителя школ, писатели и др. вынуждены довольствоваться только трудами Н. И. Ашмарина.

Составление научной грамматики могло бы способствовать и закреплению норм литературного языка, ибо научная грамматика определяет живые языковые тенденции и помогает наметить правильные пути дальнейшего развития чувашского литературного языка.

Изучение истории чувашского литературного языка теснейшим образом связано с изучением диалектов чувашского языка, т. к. диалектные данные являются важным источником для изучения истории языка и его литературного оформления. Следует отметить, что вопросы диалектологии чувашского языка разрабатываются крайне медленно. Единственная опубликованная статья по диалектологии посвящена только небольшому вопросу¹.

Поэтому перед институтом стоит большая задача по изучению диалектов чувашского языка во всех районах республики и в областях, где проживают чуваша. Изучая оживающие и нарождающиеся элементы в различных диалектах, нужно вскрыть и показать внутренние закономерности в развитии современного общенационального чувашского языка.

В настоящее время нет более полного чувашско-русского словаря, удовлетворяющего потребностям широкого круга советских читателей.

Многотомный словарь чувашского языка проф. Н. И. Ашмарина, несмотря на свои большие достоинства, полностью не отражает современного состояния словарного состава чувашского языка. В нем отсутствуют слова, образованные и заимствованные из русского языка в послеоктябрьский период. Кроме того, составитель словаря и не преследовал цели нормализации языка, а стремился показать словарное богатство чувашского языка, включая диалектизмы, топонимические названия, личные имена и др. Словарь этот неудобен для пользования широкому кругу читателей своей многотомностью, гнездовым расположением материала и старой графикой.

«Чувашско-русский словарь» В. Г. Егорова, изданный в 1935 г., и переиздаваемый в 1954 году, имеет сравнительно небольшой объем. Он предназначен, в основном, для учащихся средних школ и недостаточно охватывает словарный состав чувашского языка.

Нам нужен чувашско-русский словарь объемом не менее 80—100 авторских листов, рассчитанный на широкий круг чита-

¹ См. Р. И. Ц а п л и н а. Основные фонетические особенности Ишлейского говора. (Записки ЧНИИ. Вып. VI, Чебоксары, 1952, стр. 32—51).

телей, и который должен помочь учащимся средних школ и высших учебных заведений, учителям, научным работникам, писателям и переводчикам; помочь лицам других национальностей, изучающим чувашский язык и литературу.

Словарь должен отражать современное состояние чувашского языка с его специфическими особенностями. С этой целью в словаре большое место должна занимать разработка значений слов и сочетаний слов, преимущественно устойчивых, для чего в значительной мере должны быть привлечены фразеологические сочетания, пословицы, поговорки и т. п.

Словарь в известной мере должен дать нормы употребления слов в чувашском литературном языке и в разговорной речи. Для этого в словарных статьях должны быть даны стилистические и грамматические пометы.

Данный словарь должен иметь большое практическое значение в развитии культуры и значительную научную ценность.

Институт должен изыскать средства, мобилизовать опытные кадры и приступить теперь же к работе по составлению такого словаря.

Серьезным недостатком в научно-исследовательской работе в области чувашского языка нужно считать отсутствие единого плана научно-исследовательской работы в республике, отсутствие связи и взаимопомощи между отдельными научными работниками, широкого обсуждения научных проблем и научных работ в ходе их разработки, свободного обмена мнениями в среде научных работников, отсутствие критики и самокритики в научной работе. Именно в результате этого, при наличии значительного количества научных работников, в республике появлялись теоретически несовершенные работы, изобилующие ошибками и разногласиями, а основные проблемы чувашского языка оставались неразрешенными.

За последние два—три года тематика научно-исследовательской работы Института языка, литературы и истории разрабатывалась совместно с кафедрами Чувашского государственного педагогического института. Но это—только начало.

В основу единого плана научно-исследовательской работы по чувашскому языку необходимо положить разрешение следующих проблем: исследование грамматического строя чувашского языка и создание научной грамматики современного чувашского языка, историческое исследование грамматического строя чувашского языка и создание курса исторической грамматики чувашского языка, исследование и разработка основного словарного фонда и словарного состава чувашского языка; изучение диалектов чувашского языка и создание курса диалектологии чувашского языка; разработка и решение вопросов орфографии чувашского языка; создание курса методики преподавания чувашского языка в семилетних и средних школах и курса сравнительной грамматики чувашского и русского языков; создание школьных учебников по

грамматике чувашского языка, отвечающих требованиям марксизма в языкознании.

Труды И. В. Сталина по языкознанию дают ясные ответы на запутанные в прошлом вопросы языкознания, они вооружают нас марксистской методологией и указывают точное направление для дальнейшей творческой работы в области языкознания.

* * *

Решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС и ряд последующих мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства, направленных на удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей нашего народа, поставили перед работниками идеологического фронта задачу подъема идеологической работы на новую высшую ступень. Они имеют, в частности, огромное значение для дальнейшего развития нашей многонациональной советской литературы.

Величественные задачи, решаемые советским народом под руководством Коммунистической партии по строительству коммунистического общества, требуют усиления роли и значения советской литературы, как одного из важных участков идеологического фронта, и предъявляют повышенные требования к писателям в их творческой работе.

Коммунистическая партия постоянно требует от работников литературы и искусства, чтобы они в своих произведениях показывали художественными средствами людей нового типа, способствовали воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от язв, порожденных капитализмом. Партия призывает работников литературы и искусства правдиво изображать жизнь в ее развитии, смело показывать жизненные противоречия и конфликты, в полной мере использовать критику как действенное средство воспитания, бичевать в своих произведениях пороки, недостатки, болезненные явления, оставшиеся в нашем обществе как наследие старого. Партия призывает советских литераторов неустанно совершенствовать свое профессиональное мастерство и всей силой художественного слова воспевать наше прекрасное, жизнеутверждающее, выкорчевывая все гнилое, отжившее, омертвевшее, мешающее нам двигаться вперед.

В отчетном докладе XIX съезду партии Г. М. Маленков указывал, что благодаря мудрому руководству Коммунистической партии советская литература успешно развивается по единственно правильному пути социалистического реализма. Советская литература является самой высокоидейной и передовой литературой в мире. В докладе Г. М. Маленкова намечена программа дальнейшего развития советской литературы, сформулировано марксистско-ленинское определение типического, как основной сферы про-

явления партийности в реалистическом искусстве;—в частности в литературе.

Вместе с тем Г. М. Маленков отмечал, что идейно-художественный уровень многих произведений все еще остается недостаточно высоким. В литературе и искусстве появляется еще много посредственных, серых, а иногда просто халтурных произведений, искажающих советскую действительность.

Боевая задача нашей литературной критики и литературоведения—претворять в жизнь указания партии, активно содействовать дальнейшему росту и процветанию советской литературы. Смело поддерживая все подлинно передовое, литературная критика обязана разоблачать проявления буржуазной идеологии, бороться против безидейности, фальши, против серости и посредственности в произведениях советской литературы.

Однако наши литературоведы и литературные критики пока что плохо помогают писателям и поэтам в устранении указанных недостатков, имеющихсся и в чувашской советской литературе. Об этом наглядно свидетельствует и такой факт, что за последние три года Научно-исследовательским институтом опубликовано только две статьи, посвященные творчеству чувашских советских писателей.¹ О творчестве отдельных ведущих чувашских писателей до сего времени нет крупных монографических исследований.

Неудовлетворительно ведется работа по вопросам литературоведения. Такие вопросы, как типические образы и социалистический реализм в чувашской советской литературе, вопросы стилистики в чувашской литературе, значение чувашского устного народного творчества в развитии оригинальной художественной литературы, проблема классовости, партийности, народности в произведениях чувашской литературы, вопросы стихосложения, о языке и стиле произведений чувашской литературы и др.—составляют круг актуальных вопросов литературоведения, и они должны быть разработаны.

Слабость литературной критики серьезно тормозит дальнейшему развитию нашей литературы, идейному и творческому росту наших литературных кадров. Она мешает развертыванию широкой пропаганды произведений чувашской литературы среди читателей, снижает действенность литературы в деле коммунистического воспитания трудящихся, в деле воспитания в них эстетического вкуса.

Большинство критических статей о новинках чувашской литературы не выходит за рамки газетных рецензий. Эти статьи в большинстве своем не поднимаются до широких обобщений процесса развития литературы, до глубокого анализа литературных

¹ См. М. Я. Сироткин. О творчестве С. Эльгера. (Записки ЧНИИ. Вып. VI, стр. 67—108).

Н. Ф. Данилов. Язык и стиль романа К. Турхана «Йамралла ял». (Записки ЧНИИ. Вып. VII, стр. 100—152).

явлений, они страдают поверхностностью, отсутствием художественного анализа произведений, в них очень часто нет собственных взглядов рецензентов по важнейшим вопросам литературы.

Необходимо улучшить дело литературной критики путем рецензирования и обсуждений новых произведений наших писателей на расширенных заседаниях сектора литературы Научно-исследовательского института, кафедры чувашской литературы Педагогического института совместно с Союзом советских писателей Чувашии с участием широкого круга читателей; нужно широко поднимать и обсуждать общие и назревшие вопросы развития литературы, давать соответствующую общественную оценку значительным интересным произведениям в чувашской советской литературе; во-время поддерживать и поощрять положительную, плодотворную работу наиболее активных в творческом отношении литераторов, своевременно вскрывать ошибки и недостатки в творчестве отдельных писателей и, тем самым, помогать им в деле исправления своих ошибок и недостатков.

* * *

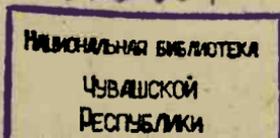
Важное значение в деле улучшения научно-исследовательской работы имеет правильный выбор тематики, разработка наиболее важных и узловых проблем истории, языка и литературы. Однако в этом вопросе у нас имеются серьезные недостатки, которые необходимо изжить в ближайшее время, сосредоточив усилия научных работников на решение первоочередных задач, выдвигаемых жизнью.

Укрепление связи науки и практики—одно из важнейших условий для решения стоящих перед наукой задач. В директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР указывается на необходимость всемерного содействия ученым в разработке ими теоретических проблем, укрепления связи науки с производством.

В нашей стране широко развивается творческое содружество ученых и новаторов производства. Следуя примеру передовых научных учреждений, ученых, научным работникам нашей республики необходимо усилить связь с населением—с учителями, писателями, студентами, работниками искусства. Нужно улучшить работу по проведению научных конференций, сессий, расширенных заседаний секторов, Ученых советов с привлечением широкого круга общественности.

Научно-исследовательский институт совместно с Институтом усовершенствования учителей и кафедрами марксизма-ленинизма и истории СССР Педагогического института должны оказать методическую помощь учителям школ в деле использования местных материалов в преподавании истории и Конституции СССР в начальных, семилетних и средних школах. Необходимо начать подготовку учебно-методического сборника статей по вопросам

552 831

истории Чувашской АССР применительно к программе истории СССР для средних школ.

В своем классическом труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин указывал: «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»¹.

Богатейший опыт передовой советской науки каждодневно подтверждает правильность этого положения. Известные дискуссии по различным областям науки вскрыли серьезные недостатки в науке и дали толчок к развертыванию критики и борьбы мнений, сыграли важную роль в деле дальнейшего развития советской науки.

В отчетном докладе XIX съезду партии Г. М. Маленков подчеркнул необходимость «поднять на более высокий уровень советскую науку, развертывая критику и борьбу мнений в научной работе, памятуя, что только таким путем может выполнить советская наука свою миссию—занять первое место в мировой науке».²

В свете этих указаний перед научными работниками нашей республики стоят большие задачи по развертыванию критики и самокритики в научной работе.

Надо отметить, что до сего времени критика среди научных работников в Чувашской АССР развернута слабо. В республиканских газетах, журналах, в «Записках» институтов очень редко появляются критические статьи. Мало проводятся обсуждения подготовляемых или напечатанных статей, научные дискуссии по тем или иным спорным вопросам истории, языка и литературы чувашского народа.

Чтобы ускорить движение науки вперед, необходимо смелее развивать критику и борьбу мнений среди научных работников и смелее решать спорные проблемы.

В наши дни все более возрастает значение идеологической работы, коммунистического воспитания трудящихся.

Могучим идейным оружием Коммунистической партии и всех трудящихся является марксизм-ленинизм. Решения XIX съезда КПСС и последующие указания Центрального Комитета партии направлены на глубокое овладение нашими кадрами марксистско-ленинской теорией. Советские ученые смогут успешно решить стоящие перед ними задачи только при условии, если они будут систематически и глубоко овладевать теорией марксизма-ленинизма.

Однако некоторые научные работники не уделяют достаточ-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 31.

² Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 98.

ного внимания серьезному и глубокому изучению марксизма-ленинизма, часто ограничиваются заучиванием его отдельных формул и положений.

Партия требует не догматического, а творческого отношения к марксистско-ленинской теории. Перед научными работниками республики стоит задача покончить с начетничеством и догматизмом в исследовательской работе, ибо советская наука, в отличие от буржуазной, является наукой, постоянно идущей вперед, которой присущ дух смелого новаторства и творческих дерзаний.

Неустанными заботами Коммунистической партии и Советского правительства нашим ученым созданы все условия для решения задач, стоящих перед наукой. Воодушевленные историческими решениями XIX съезда партии, постановлением сентябрьского Пленума ЦК КПСС и последующими решениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР, научные работники Чувашии способны и могут поднять научную работу на высокий уровень, отвечающий требованиям нашего народа в условиях его созидательного труда по строительству коммунизма.

С. П. ГОРСКИЙ,
доктор филологических наук

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Давно назрел вопрос о создании пособия по истории чувашского литературного языка. Многие трудные вопросы теоретического характера, связанные с этим курсом для высшей школы, считавшиеся ранее не разрешенными, после появления труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» получили полную ясность. За последние годы накопился значительный фактический материал по данной дисциплине. Но и при этих условиях, пока не будет собран полный материал по истории чувашского литературного языка дооктябрьского и послеоктябрьского периодов и не будут научно разработаны смежные дисциплины, можно дать лишь «Очерки по истории чувашского литературного языка», сделав упор на некоторые узловые вопросы, имеющие решающее значение в формировании литературного языка чувашской социалистической нации. Эти вопросы будут освещены при описании отдельных периодов развития чувашского литературного языка.

В исследованиях по вопросам истории языка важное место занимает вопрос о периодизации. Вопрос о периодизации истории чувашского литературного языка имеет свою историю. В старых работах по истории чувашского языка вся история чувашской письменности и языка делилась на три периода:¹ 1. дояковлевский период чувашской письменности; 2. яковлевский период чувашской письменности; 3. послеоктябрьский период чувашской письменности.

Такая периодизация выдвигает на основное место в истории развития чувашского письменного языка И. Я. Яковлева, в то

¹ В. Г. Егоров. Введение в изучение чувашского языка. Москва, 1930 г.

время как основоположником чувашского литературного языка признан дореволюционный писатель-демократ К. В. Иванов.

Приведенная выше периодизация должна быть коренным образом пересмотрена на основе учения И. В. Сталина о необходимости изучения языка и законов его развития в неразрывной связи с историей общества и с историей народа, носителя этого языка.

В 1950 году нами была сделана попытка дать новую периодизацию истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода в следующем порядке¹:

1. Происхождение чувашской письменности (дореформенный период (1730—1860 годы)).

2. Возникновение и становление чувашского литературного языка от начала буржуазных реформ до первой русской революции (1861—1904 годы).

3. Развитие чувашского литературного языка в период первой русской революции (1905—1907 годы).

4. Развитие чувашского литературного языка от первой русской революции до Великой Октябрьской социалистической революции (1908—1917 годы).

Такая периодизация практически соответствует историческому ходу развития чувашского литературного языка, но все же вызывает одно затруднение. Как быть с очерками, которые содержат материал нескольких периодов, указанных выше. Например, научные труды Н. И. Ашмарина создавались с 1892 года по 1933 год. Н. И. Ашмарин в своих трудах в качестве иллюстрации охватил всю литературу дооктябрьского периода и сравнительно небольшой материал по послеоктябрьскому периоду. Следует также иметь в виду, что до Великой Октябрьской революции труды Н. И. Ашмарина в школах не изучались, они имели распространение в узком кругу специалистов. Труды Н. И. Ашмарина имеют исключительно важное значение для развития чувашского литературного языка послеоктябрьского периода. Учитывая все это, очерк «Значение трудов Н. И. Ашмарина в деле развития чувашского литературного языка» следует дать в одном месте на рубеже двух эпох (дооктябрьский и послеоктябрьский) и отнести к указанному нами четвертому периоду.

Развитие чувашского литературного языка в советскую эпоху (с 1917 по настоящее время) естественно должно составить особый период.

Такая периодизация истории чувашского литературного языка с подробным теоретическим обоснованием вынесена автором на суд читателя².

¹ С. П. Горский. Очерки по истории чувашского литературного языка (Дооктябрьский период.) Автореферат. Москва, 1950 г.

² Смори нашу работу «Учение И. В. Сталина о развитии национальных языков и задачи дальнейшего изучения чувашского языка» в «Записках» чувашского научно-исследовательского института, вып. VIII, 1955 г., стр. 29—33.

Новая периодизация требует новой характеристики каждого периода развития чувашского литературного языка. Эта характеристика должна быть обоснована в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. В описании всей истории чувашского литературного языка должны быть вскрыты закономерности в развитии литературного языка, вскрыты внутренние законы развития чувашского языка, отмечены междиалектные схождения и расхождения, указаны продуктивные и непродуктивные грамматические формы и явления в составе чувашского литературного языка.

При изложении материала по истории чувашского литературного языка в виде отдельных очерков периодизация ее носит характер рабочей схемы, удобной для расположения материала в хронологическом порядке. При этом периодизация относится в основном к истории письменного литературного языка. Параллели из разговорно-бытового языка, приводимые по отдельным главам, являются свидетельством значительно заметного взаимодействия между литературным и разговорно-бытовым языком.

I. Происхождение чувашской письменности (дореформенный период (1730—1860 годы))

Происхождением письменности чувашский народ обязан передовой русской науке и русским ученым. Проникновение русской культуры в чувашскую деревню началось вслед за присоединением Казанского края к Русскому государству (до этого времени оно происходило менее интенсивно). В XVI—XIX веках чувашши переняли у русских ряд новых видов производства, новую технику того времени, предметы домашнего обихода и т. д. Богатая русская культура потоком хлынула во все уголки жизни чуваш. В результате живого общения с русским народом в чувашском языке появились сотни заимствованных из русского языка слов, которые красноречиво раскрывают и пути проникновения заимствованных слов и причины усиленного прилива их в чувашский язык. Заимствованные слова осваивались по фонетическим законам родной речи.

Начальным этапом развития чувашского письменного языка (вернее толчком к его развитию) была петровская эпоха. Петр I указом от 1708 года старое русское письмо заменил новым, гражданским, и тем значительно приблизил письменный язык к народу. Учрежденная Петром I в 1725 году Академия Наук содействовала и развитию чувашской письменности. Уже в 1730 году появляются первые записи чувашских слов и текстов и переводы их на русский язык. В 1769 г. появляется первая чувашская грамматика, переизданная в 1775 г. в СПб в типографии Академии Наук. В XVIII веке появилось несколько чувашских словарей и грамматик.

Распространение письменности среди чуваш шло по двум линиям: по гражданской линии и по ведомству православного веро-

исповедения, но распространение книг религиозно-нравственного содержания фактически не шло «в пользу» чуваш, как об этом думали издатели. Для ведомства православного вероисповедения насаждение грамотности среди чуваш являлось одним из важнейших средств распространения среди них христианства. Если оно и занималось вопросами издания грамматик и словарей, то это делалось из соображения, что эти книги нужны прежде всего для духовенства. Деятельность гражданского ведомства в деле распространения грамотности среди чуваш ограничивалась открытием ничтожной сети начальных школ, где обучали, главным образом, письму, чтению, и на этой основе насаждали основы христианской религии.

Между представителями гражданского ведомства и ведомства православного вероисповедения по вопросу распространения религии не было принципиальных разногласий, но деятельность Академии Наук, Университетов, передовых людей того периода вносило живую силу в дело подъема культуры народов бывшей России.

В целом чувашская письменность 1730—1861 годов была почти полностью оторвана от народа и слабо служила культурному подъему чуваш. Развитие чувашской письменности в названный период шло в полном отрыве от развития устной речи.

Русская культура распространялась посредством устного общения чуваш с народом, русские заимствования усваивались на основе фонетических законов чувашского языка. Письменность же насаждалась на основе русской графики без всякого учета специфических звуков чувашского языка, вследствие чего, например, гласный звук чувашского языка *ă* передавался 5 разными буквами: *ы, и, а, у, ю*, иногда он совершенно не передавался: *парып (парăп)* «дам», *порсин (пурçан)* «шелк», *ыра (ыра)*, «добрый», *туххыр (тăххар)* «девять», *сюлдыр (çалтар)* «звезда», *пру (пăру)* «теленок», звук *ё* передавался 6 буквами: *и, ъ, е, й, ю*, ударным *и*, иногда он совсем не обозначался: *ячи (ячĕ)* «имя» (*ячь*) (*ячĕ*) «имя», (*исьсер*) (*ёçсёр*) «без дела», *перь (пёр)* «один», *хир (хёр)* «дочь», *тюлюк (тĕлĕк)* «сон», *кру (кĕрĕ)* «зять».

Вследствие этого же и, главным образом, из-за недостаточно совершенной транскрипции слова искажались: *ассие (аça сиçем)* «молния», *эркурпи (вир кĕрпи, юр кĕрпи, пăр)* «град», *ьке (йёке)* «веретено», или же одинаковыми буквенными знаками передавался разный звуковой состав слов, например: *сюря (сÿре)* «борона», *сюря (çÿре)* «ходи». Все это сильно затрудняло понимание текста.

Изданные в рассматриваемое нами время грамматики не только не отражали грамматического строя, но весьма сильно искажали его. Без всякого основания в чувашском языке были намечены формы 1, 2 и 3 склонений, звательного падежа, несуществующие формы прилагательных: вилимлый «смертный»,

кашкырлый «волчий», отвлеченных существительных: *уссаршь* «безумие», *хакьш* «дороговизна».

Дословные переводы текстов с русского и церковнославянского языков были совершенно непонятны.

В основу книжного языка был положен по территориальной близости к местожительству исследователей (Москва, Н. Новгород, Казань) окающий говор верховного диалекта, имеющий распространение на небольшой территории и по своей лексике и фонетическим особенностям стоящий особняком от общенародного языка. Вследствие этого книги писались и читались главным образом духовенством, а сам народ, для которого они писались, тогда не изучал своего родного языка, а поэтому он и не мог читать этих книг. Следует отметить, что начальные школы этого периода оканчивали лишь единицы, а большинство учащихся по разным причинам выбывало из школы с первых же годов обучения.

Некоторые полагают, что книжный язык этого периода следует считать жаргоном, но для этого нет оснований. Жаргон обслуживает социальную верхушку, а этот язык ни в устной, ни в письменной форме никого не обслуживал. Он должен был обслуживать массу населения в деле распространения христианской религии среди чуваш, но был непонятен им, а поэтому не имел успеха в этом деле.

Книжный язык периода 1730—1860 годов создавался русскими учеными, недостаточно владевшими чувашским языком, но желавшими помочь чувашам приобщиться к русской культуре и помочь развитию национальной культуры чуваш.

Жаргон не имеет своего грамматического строя и основного словарного фонда, ввиду этого он не может развиваться в самостоятельный язык, а чувашская письменность 1730—1860 годов, несмотря на все свои недостатки, закрепила некоторые орфографические принципы: 1. правописание имен существительных и прилагательных в полногласном облики, например: *сасы* (по современной орфографии *сасá*) «голос», *ваты* (*ватá*) «старый»; 2. формы дательного и винительного падежей—*хулана* (вместо *хулая* в некоторых верх. диалектах); 3. правописание глаголов 1, 2 и 3 лица настоящего времени изъявительного наклонения, например: *касярадын* (*касаратáп*) «прошаю», *касярадын* (*касаратáн*) «прощаешь», *казярась* (*касарасьсё*) «прощают»; 4. правописание терминов, состоящих из сложно-составных слов установлено из смысловозначительной роли ударений по принципу: два ударения — два слова, одно ударение — одно слово, например: *кусьхаржи* (*кусхарши*) «веки», *саврасиль* (*саврасил*) «буря», *килкарти* «двор», *хирача* (*хёрача*) «девочка» и др.

Указанные нормы правописания сохранились до наших дней.

Часть книжной лексики и терминологии этого периода могла претендовать на устойчивость в качестве нормы литературного

языка: *аш* «мясо», *лупашка* «яма», *ватлах* (по соврем. орфографии *ватлӑх*) «старость», *мужурлах* (*машарлӑх*) «супружество», *зрендегень* (*вӑрентекен*) «учитель», *карап каначе* (*карап каначӑ*) «корабельный канат». Другая часть лексики не получила никакой поддержки в дальнейшем развитии языка, вследствие ее искусственности, например: *кашкырлый* «волчий», *сюлий* «высокий», *юрада туран* «любовь», *чопкан* «курьер», *крежь* «борьба».

Книжный язык периода 1730—1860 годов нельзя назвать литературным языком в собственном смысле этого слова, так как он не был языком общенародным, обработанным мастерами слова, хотя и строился на народной основе.

В указанных и других частных вопросах чувашская письменность 1730—1860 годов послужила отправной точкой к созданию письменности на народной основе. Этому в немалой степени способствовал подъем русской общественной мысли и отечественной науки в 1 половине XIX века, вследствие чего повысился интерес к устно-народному творчеству народов России. В печати появились записи устной народной поэзии, сделанные А. А. Фукс, Д. П. Ознобишиным, В. А. Сбоевым и природным чувашиним С. М. Михайловым, которые значительно приблизили дальнейшие исследования в области чувашского языка к народу и народному языку.

В борьбе с недостатками письменности 1730—1860 годов появилась азбука Н. И. Золотницкого и его научные труды по чувашскому языку.

II. Возникновение и становление чувашского литературного языка от начала буржуазных реформ до первой русской революции

Возникновение и становление чувашского литературного языка обычно было принято увязывать с началом просветительной деятельности чувашского педагога И. Я. Яковлева, а потому читатель всегда недоумевает, почему в новых работах по истории языка и литературы этот период начинается с Н. И. Золотницкого. Дело в следующем.

Еще в шестидесятых годах революционные демократы — Чернышевский, Добролюбов, Писарев вели решительную борьбу с царским правительством за ликвидацию крепостного права. В. И. Ленин не раз подчеркивал горячую враждебность революционных демократов к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. В. И. Ленин подчеркивал также решительную защиту ими дела просвещения, самоуправления и свободы. Борьба революционных демократов вызвала ряд крестьянских восстаний и бурных студенческих движений, имевших место в 60 и 70-х годах. Вследствие этого в 1870 году Министерство народного просвещения

официальным распоряжением допустило родной язык народностей России как средство обучения грамоте и разъяснения основ христианства на родном языке.

Еще до официального распоряжения Министерства народного просвещения передовые русские люди того времени, стоявшие близко к делу народного образования, горячо взялись за открытие сети начальных школ, за составление и уточнение алфавитов и орфографических правил языков народностей России, за подготовку кадров учителей из числа этих народностей.

Н. И. Золотницкий (1829—1880) первым из русских ученых данного периода откликнулся на нужды чуваш в деле народного образования. Заведуя в течение ряда лет всеми чувашскими школами в качестве окружного инспектора, он прилагал все силы к приобщению чуваш к русской культуре, к насаждению среди них гражданского образования, к выпуску для чувашских школ учебных и научных книг. Он пришел к убеждению, что изучение фонетики чувашского языка должно быть перестроено и написал ряд работ по этим вопросам. Новым в области фонетики чувашского языка в трудах Н. И. Золотницкого является учение о законе созвучия гласных звуков, введение буквы \bar{u} в начале слов, удаление из алфавита букв ять \bar{y} , ижицы, щ, \bar{t} , разработка правил об ударении в чувашском языке. Н. И. Золотницкий порвал с традиционным подстрочным переводом и значительно улучшил язык чувашских изданий.

Следует отметить, что все труды Н. И. Золотницкого: 1. Чуваш кнеге (букварь). Хозанда. 1867 г. 2. Солдалык кнеги (календарь). Хозанда. 1867 г. 3. Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Выпуск 1, отдел звуковой. Казань. 1871 г. 4. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань. 1875 г. 5. Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска согласных гортанных звуков. Казань. 1876 г., несмотря на некоторые недостатки, содержащиеся в них, сыграли положительную роль в деле дальнейшего развития чувашского литературного языка. Общепризнанная основа чувашского языка, впервые вскрытая в этих трудах, страдает порой неточностью изложения явлений языка, затем Н. И. Золотницкий не окончательно порвал с неудобной транскрипцией для передачи чувашских звуков. Но тем не менее Н. И. Золотницкий положил начало новому периоду развития чувашского литературного языка на народной основе.

В дальнейшей своей работе, убедившись в том, что выходец из чуваш, человек со специальным филологическим образованием И. Я. Яковлев, вступил на правильный путь разрешения вопросов, касающихся чувашского языка, Н. И. Золотницкий уступил инициативу в науке о чувашском языке И. Я. Яковлеву и не отстаивал своих позиций в вопросах алфавита и орфографии.

Деятельность И. Я. Яковлева по народному образованию чуваш начинается с 1868 года, со дня открытия им Чувашской учительской школы в г. Симбирске (Ульяновске) и продолжается до Великой Октябрьской социалистической революции. Но основная линия работы И. Я. Яковлева в области нового алфавита, орфографии и орфоэпии, основанных на этом алфавите, закрепляется уже к началу XX века. Вместе с развитием письменности на новой, народной основе возникает чувашская дооктябрьская литература и начинает развиваться чувашский литературный язык.

И. Я. Яковлев составил свой алфавит, исходя из учета общих звуков для всех наречий чувашского языка, с устранением из него нетипичных звуков отдельных говоров, с приближением чувашского алфавита и письменности к русской графике настолько, насколько это оказалось возможным в условиях того времени.

Алфавит И. Я. Яковлева состоял из следующих 25 букв: аА, а̄А, уУ, ыЫ, еЕ, ёЁ, үҮ, иИ, йЙ, лЛ, ъЪ, мМ, нН, ңҢ, рР, сС, с̄С, шШ, вВ, кК, хХ, пП, тТ, їЇ, т̄Т.

Чувашский алфавит 1871—72 гг., составленный И. Я. Яковлевым, с некоторыми изменениями в 1926 году и с половинчатыми, в смысле дальнейшего приближения чувашской графики к русской графике, изменениями в 1933 году, более решительными изменениями в 1938 году, просуществовал до наших дней и тем самым доказал свои безупречные научные качества.

Первый по существу чувашский алфавит явился первым шагом к созданию на народной основе чувашского литературного языка. В основу развития чувашского литературного языка И. Я. Яковлев положил низовой диалект, понятный в основном и для верховых чуваш. И. Я. Яковлев полностью устранил «оканье» в литературном языке.

После создания алфавита главное внимание И. Я. Яковлева было направлено на создание твердых норм литературного правописания, на правильное словоупотребление и словосочетание. Вследствие этого лингвистические наблюдения И. Я. Яковлева над чувашским языком расширяются в сторону живой чувашской народной речи и устного поэтического творчества, чем он сильно поднимал авторитет своих изданий среди народа и значительно способствовал возвышению книжной речи до национального языка.

В целях нормализации произношения и правописания чувашского языка И. Я. Яковлев вслед за составлением алфавита вырабатывает свод правил, которые у него носят название «Предупреждение». Оно печаталось в качестве предисловия к букварю в разных его изданиях и оказало огромное влияние в деле первоначального формирования чувашского литературного языка. Школьная и научная грамматика чувашского языка до-

октябрьского периода прочно закрепила фонетические (орфоэпические), орфографические нормы и лексические образования в том же виде, в каком они даны у И. Я. Яковлева.

Успех алфавита, орфографии и изданий И. Я. Яковлева объясняется тем, что он еще в начале своей деятельности порвал с традицией чувашской письменности 1730—1860 годов, проводившей отрыв книжной речи от общенародного языка, что в основу новой письменности он положил обычную бытовую разговорную речь низовых чуваш, которая с некоторой обработкой ее авторами и редактором выступала на страницах букваря как общенародный чувашский язык, вполне понятный для представителей всех переходных говоров, а также диалектов верховых чуваш.

И. Я. Яковлев текст издаваемых книг подвергал всестороннему обсуждению в узком кругу специалистов, а также выносил на обсуждение учителей—представителей разных наречий.

Часто сама книга, издаваемая ими, служила целям унификации диалектов. Например: верховые чуваша «сено» называют «вутă», «дрова»—«вота», «вытă», а низовые чуваша «сено» называют *утă*, «дрова» *вутă*. В целях нормализации лексики составители букваря на его страницах утверждали:

утта сұлаççё—«сено косят»
вутта татаççё—«дрова пилят»

В аналогичных целях для утверждения литературных норм *эпир*, *эсир*, *хир* вместо *эпёр*, *эсёр*, *уй* верхового диалекта в букваре давался текст:

эсир вир вырнă, «вы просо жали»,
эпир хир курна. «а мы поле видели».

Сознательно направленная воля И. Я. Яковлева и его многочисленных учеников по оформлению литературного языка не увенчалась бы успехом, если бы они в своей практике оторвались от народа. Безусловный успех его дела коренится в глубокой народности всех его мероприятий в области создания литературного языка.

Народность истоков вновь создаваемого литературного языка подтверждалась образцами первых оригинальных произведений чувашской поэзии и прозы.

Так, в поэзии ритмическую первооснову составлял типичный для всех наречий стройный и благозвучный силлабический семисложник, который в силу своей техники утверждал выражение мысли простыми нераспространенными предложениями.

Проза этого периода также была свободна от сложной периодической речи и выражений и была легко доступна и понятна для народа.

И. Я. Яковлев в своих изданиях свободно допускал элементы всех диалектов языка, понятных для широкого читателя и тем поднимал авторитет своих изданий.

Нормы чувашского литературного языка развивались вширь на всех дальнейших этапах его становления. В творчестве М. Ф. Федорова, относящемся к 1878—1879 годам, т. е. через 7—8 лет после создания И. Я. Яковлевым алфавита, мы видим как литературные нормы этого периода через букварь проникли в стиль поэта, хотя он, как представитель верхового диалекта, не имел тесных соприкосновений с низовым диалектом. Текст произведения М. Ф. Федорова «*Арсюри*» («Леший») при издании его был просмотрен И. Я. Яковлевым, и в него внесены им исправления с точки зрения норм литературного языка. Таковы некоторые из них:

Каç пулттине «сумерки» исправлено на более употребительное у верховых и низовых чуваш *каç пулнине* «вечером».

Фраза *сухапуç тытайман* исправлена на *суха тытайман*, тем самым редактор название орудия труда по частному признаку заменил названием общего порядка.

Во фразе *Виснер хёрне çитсесён* слово *хёрне* он заменил словом *хирне*. Замена уточняет место действия. Читатель под *Виснер хёрне* может подразумевать и берег реки *Виснера* и край какого-то географического места под названием *Виснер*. Под *Виснер хирне* можно подразумевать только «Виснерские поля».

В предложении *Вилнӗ карчӑк пулчӗ кайрӗ* вспомогательный глагол *кайрӗ* заменен словом *вытрӗ*. Вспомогательный глагол *кайрӗ* означает удаление действия от места события. В этом случае героя произведения Федора должен бы покинуть страх, но этого фактически не было. Превращение *арсюри* в труп старухи тут же перед глазами Федора должно усилить его страх, что удачно передается исправленным *вытрӗ* вместо *кайрӗ*.

В порядке проведения орфографии с соблюдением полногласия, являющегося нормой литературного языка, И. Я. Яковлев вносил в текст соответствующие изменения, например: *Çултах вилес пулӗ-и-ха?* У автора при семисложном силлабическом стихе несомненно было так: *Çултах вилес пулӗ-и-ха?*

Заслуги И. Я. Яковлева в деле национального подъема чуваш и в формировании чувашского литературного языка огромны и неопределимы. Деятельность И. Я. Яковлева получила высокую оценку со стороны В. И. Ленина. В телеграмме на имя председателя Симбирского Совдепа от 20 апреля 1918 года Ленин писал:

«Сообщите по телеграфу обстоятельства и условия избрания председателей чувашской женской и мужской учительских семинарий. Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чу-

ваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни».¹

Работа в течение 50 лет по народному образованию чуваш дала И. Я. Яковлеву возможность воспитать около одной тысячи народных учителей, продолжавших подъем национальной культуры и в послеоктябрьский период.

И. Я. Яковлев своей научной, педагогической и издательской работой, при поддержке крупных представителей передовой русской культуры— И. Н. Ульянова и др., привлекая к переводному и издательскому делу преданных ему лиц—представителей разных диалектов чувашского языка, за указанный период провел значительную обработку и нормализацию чувашского литературного языка.

Отношение его к современной ему письменности проявилось не в одном отрицании прошлого наследства в вопросах алфавита, транскрипции, закона об ударении в чувашском языке, но и в некотором усвоении существовавшей практики.

Вкратце перечислим те нормы чувашского литературного языка, которые довольно прочно закрепились за указанный период в изданиях Симбирской Чувашской учительской школы, вышедшей при непосредственном участии И. Я. Яковлева:

1. И. Я. Яковлев остался сторонником передачи слов в полногласном обличии. Выпадения звуков и аффиксов он не допускал даже в тех случаях, когда народный язык по требованиям ритмомелодики стиха допускал его свободно. Например: у И. Я. Яковлева: *тавата, ёсерёнет, үпренён ёмёрё, пырсассан, калан*.

Допустимая форма в народном языке: *тават, ёсернет, үпре ёмёрё, пырсан, калан*. Перевод: четыре, сорвется, жизнь мошки, прийдя, говоришь.

2. В правописании сложносоставных слов он остался на позиции своих предшественников—Н. И. Золотницкого и др. Эти слова различались им по смыслоразличительной роли ударений: два ударения—два слова, одно ударение—одно слово. Например: *йёкехүре* «крыса», *хёрача* «девочка», *хёрарам* «женщина» и т. д.

3. В связи с утверждением в качестве основы литературного языка низового диалекта во всех случаях расхождения в произношении слов в качестве нормы преимущество отдается низовому диалекту:

а) при чередовании *ү* II *а*, и II *ё*, *ы*, у II *а* в качестве нормы дается произношение низовых чуваш: *күкёрт, үсёр, үслёк, эпир, эсир, йываёс, йыта, сумёр, йывар, йыхар* и др. вместо произносительных норм верхового диалекта: *кёкёрт, ёсёр, ёслёк, энёр, эсёр, йаваёс, йаёт, çамар, йавёр, йахар*.

¹ Ленинский сборник. Том XXI, стр. 263—264.

Перевод: сера, кашлять, кашель, мы, вы, дерево, собака, дождь, тяжело, звать.

б) При чередовании у II о в первом предударном и ударном слоге в качестве нормы дается: *урам, ут, укҫа, суг* вместо: *орам, от, окҫа, сот*.

Перевод: улица, идти, деньги, продать.

в) При чередовании в II м, х II к, ш II ҫ, ҫ II ч в качестве нормы дается: *вакар, сахман, кашкар, ҫулҫа* вместо произношения верховых чуваш: *макар, сакман, каҫкӑр, ҫулча* и др. Перевод: вол, кафтан, кричать, лист.

г) Правописание и произношение десяти глаголов утверждается в произношении низовых чуваш с выпадением звука *р* в основе, например: *патӑм, ятам, петӑм, кӑтӑм, татам* и др. вместо произношения верховых чуваш: *партам, яртам, пертӑм, кӑртӑм, тартӑм* и др. Перевод: дал, послал, кинул, вошел, встал.

д) Правописание и произношение падежных форм при расхождении в разных диалектах утверждается в произношении низовых чуваш: *хулана, лашана, ёnene, лашанӑн, ёnenӑн, лашасем* вместо произношения верховых чуваш: *хулайӑ, лашайӑ, ёнейе, лашайӑн, ёнейӑн, лашасам*. Перевод: в город, лошади, корове, у лошади, у коровы, лошади.

е) Правописание и произношение глагольных форм при расхождении в разных диалектах утверждается в произношении низовых чуваш: *кайаймарӑм, килеймерӑм, ҫийетӑн, тийетӑн* вместо произношения верховых чуваш: *кайимарӑм, килимарӑм, тийатап, ҫиятап*. Перевод: не смог пойти, не смог прийти, накладываю, кушаю.

ж) При выборе вариантов аффиксов и всякого рода перестановок звуков, имеющих в разных диалектах чувашского языка, за норму берется произношение низовых чуваш: *кӑршӑ, ыйхӑ, тимӑрҫӑ, кӑтӑҫӑ, усламҫӑ, камрак* и др. вместо произношения верховых чуваш: *кӑрӑш, айах, тимӑрҫ, кӑтӑҫ, усламӑҫ, кӑрмӑк*. Перевод: сосед, сон, кузнец, пастух, торговец, уголь.

4. Парные слова, как термины родовых понятий, объединяющих в своем значении ряд видовых понятий, пишутся в его изданиях через дефис. Например: *чӑх-чӑн*—«куры вообще», дословно—«курица-цыпленок»; *ватти-вӑтти*—«старые да малые»; *кайак-кӑшӑк*—«звери и птицы», «птицы всякого рода» и т. д. Под правописание этой же категории слов были подведены слова, образованные посредством скрещения всякого рода: *вӑрӑ-хурах*—«разбойник», *пушат-мунчала*—«лыко-мочало», *чашак-тирӑк*—«посуда».

5. При лексических расхождениях в обозначении одного и того же предмета или явления за норму дается слово, употребляющееся преимущественно у низовых чуваш: *хир* «поле», *йӑр* «плакать», *улах* «подниматься», *асатте* «дедушка» и др. вместо дублетных вариантов верховых чуваш: *уй, макар, хапар, маҫак* или *асла атте*.

6. В вопросах синтаксиса И. Я. Яковлев безусловно полностью стоял на позиции Н. И. Золотницкого и всемерно боролся против буквального и подстрочного перевода, стилистически оттачивая каждое предложение текста по законам чувашского языка. Многие синтаксические явления, а в особенности пунктуация чувашского языка, приобретают силу традиции и нормативности в литературном языке, начиная с И. Я. Яковлева.

Развитие чувашского литературного языка в период первой русской революции (1905—1907 годы) .

Первая русская революция пробудила все классы общества: она вызвала широкое общественное движение как в крупных промышленных центрах, так и на окраинах России.

В Чувашии, занимавшей выгодное географическое положение в ближайшем соседстве и с крупными промышленными городами—Н. Новгородом, Казанью, с которыми ее соединяли удобные пути сообщения по Волге и железной дороге, осенью 1905 года, под влиянием социал-демократической партии (большевиков), начались крестьянские волнения, переходившие в крупные восстания.

Революционное движение среди чуваш всколыхнуло крестьянские массы к политической жизни, усилило общение трудового крестьянства с революционным пролетариатом города и сделало возможным появление в г. Казани чувашской газеты «Хыпар» («Весть»). Эта газета была типично либерально-буржуазного толка и имела определенную политическую платформу, но тем не менее под давлением революционной волны масс она вынуждена была несколько выражать и демократические идеи народных масс, она вырастила ряд журналистов, писателей и поэтов, которые стали известными своими произведениями, помещенными на страницах газеты «Хыпар». Вместе с тем Казанское издательство значительно усилило выпуск советской литературы. А издательство при Симбирской чувашской учительской школе выпустило в 1908 году сборник художественной литературы, названной для усыпления бдительности царской цензуры «Сказки и предания чуваш». Все это сильно оживило развитие чувашского литературного языка за этот период.

В ходе развития чувашского литературного языка продолжается дальнейшее закрепление его литературных норм на основе низового диалекта при сильном проникновении в него элементов верхового диалекта. Особенно это относится к казанским изданиям и вызвано тем, что поблизости от г. Казани проживают представители верховых диалектов. В практической работе издательского дела Казани заметна борьба между отдельными представителями двух диалектов в вопросах проведения литературных норм. Наряду с этим, в области языка мы замечаем борьбу с позиции местного национализма, направленную на из-

гнание из чувашского языка старых русских заимствований, желание замкнуться в языковых вопросах в националистическую скорлупу—обособить развитие чувашского языка от хода развития русского языка. Следует отметить, что националистический пуризм не имеет ничего общего со взглядами И. Я. Яковлева на заимствования из русского языка, хотя некоторые пуристы и были яркими защитниками развития литературного языка только на основе низового наречия. И. Я. Яковлев и в этот период твердо остается при своих взглядах, выражающихся в том, что чувашский литературный язык должен развиваться на основе низового наречия при синтезе его с верховым наречием—в пределах закономерности синтеза с точки зрения общенационального языка.

За указанный период заметно расширяется словарный состав чувашского языка, словообразование и словосочетание иногда не укладывается полностью в привычные нормы.

Развитие чувашского литературного языка за указанный период представляется так:

1. Чувашский язык прежде всего весьма сильно обогатился политической и научной терминологией. Например: *налог, патша-лах чикки* «граница», *бюрократ, пароход, союз, стачка, суд, ву-ламалли сурт* «читальня», *анархист, бомба, телеграф, хут пёлекен сын* «грамотей», *парник* и т. д.

2. В качестве терминов выдвигались также чувашские слова, сопровождавшиеся дублетными словами русского языка в скобках, например, *тавлак* «сутки», в чувашском произношении «сутка», *вёреннэ чавашсем (образованнайёсем), сурт укşi* «страховые» и т. д.

3. Междиалектная борьба в области лексики приводит к некоторой унификации диалектов. В практике письма унификация происходила следующим образом. Рядом с условным термином, словом или фразой, выдаваемым за норму и взятым из наречия низовых чуваш, в скобках ставился его синоним из верхового наречия, например: *хир (уй)* «поле», *шарпак (спичка)*, «спичка», *шиклентерет (хăратать)* «пугает» и т. д.

Приверженцы верхового диалекта поступали таким же образом: они к словам верхового диалекта в качестве дублетов ставили в скобках слова низового диалекта. Например: *суту-илу тавакан (усламса)* «купец», *кушаккайăк (шаши)* «мышь», *паранкă (сёрулми)* «картофель» и т. д.

4. В развитии словарного состава языка имеет место также переосмысливание старых чувашских слов и новозаимствований из русского языка, в результате чего слово получает или совершенно новое значение, или значение термина. Например: 1) *перекет* в устном народном творчестве употребляется в смысле «изобилие», а в литературе 1905—1907 годов этому слову придается значение «экономия», 2) *чисти* «чистый», а в переводе басни И. А. Крылова «Петух и жемчужное зерно», *чисти автан* «насто-

ящий петух», 3) *юлташ* «спутник», тот, кто идет, с кем-нибудь одной дорогой, а в чувашском календаре за 1906 год словосочетание *çёр юлташĕ* «спутник земли», «луна» впервые приобретает значение термина, 4) *çур çёр* «половина ночи», *çур çёр енĕ* «страна полуночной стороны», *çурçёр* в том же календаре означает «север» и т. д.

5. Источником обогащения лексики наравне с чувашским языком был русский язык.

Термины, относящиеся к политической обстановке, связаны непосредственно с ходом классовой борьбы как среди русского, так и у чувашского населения, чем и объясняется большое количество примеров подобного рода: *революция, революционер, большевик, анархист, стачка, союз, бюрократ, седатал* «заседатель», *скорый суд, земский, сенат, стражник, уредник* «урядник», *казак, закон, пастовка* «забастовка», *вакат* «адвокат», *каторга, Сибирь, манифест* и т. д.

К этой группе близко примыкают слова и термины из административного управления и военного быта. Например: *кёпёрне, уйас, суд, Государственная Дума, гласный, присяжный, офицер, больница, госпиталь* и т. д.

Революционное движение вносило изменения и в быт чуваш, о чем свидетельствуют новозаимствования этого периода: *хаçат, вуламалли çурт, високосный çул, затмени, вальс, марш, полька, студенса, прокламаци, кать* «гать», *папирос, митинг, чай, сахар, часы* и т. д.

Ряд заимствованных слов образован посредством калькирования, т. е. буквального перевода с русского, например: *хресчĕн ушканĕ* «крестьянский союз», *хёвел тёттёмленни* «затмение солнца» и др.

Наряду со словами, оформленными лексически, в этот период развития чувашского языка впервые замечаем заимствование лексических штампов, т. е. заимствование слова с его синтаксическими формантами; например: *окружной суд, Курский кёпёрне, Суконная слобода, сберегательная касса, гербовая марка, присяжный заседатель* и т. д.

6. Бурное развитие лексики создавало трудности в устном и письменном усвоении её.

Некоторые старые и новые термины проявляют неустойчивость в употреблении. Например: *купис, хуça* «купец», *пустав, тала, сукна* «сукно», *саккун, закон, тислĕк, тирĕç, наvus* «навоз» и т. д.

Другие старые и новые термины, составленные по способу словосочетания, орфографически передаются по разному: *варам туна* и *варам-туна* «комар», *акапуç* и *ака пуç* «плуг», *çулийёр* и *çул йёр* «дорога», *çурçёр, çур çёр, çур-çёр* «север» и т. д.

Отсутствие в алфавите букв *ъ, ь* создавало некоторый разноречивый в передаче заимствованных слов: в русском языке: *январь, февраль, июнь, июль, японцы, заседатель*, в литеартурном языке:

январ, феврал, июнь, июль, японсем, заседател, в народном произношении: *йанвар' феврал' йун' йаппун'сем, сэтатал.*

7. Практика орфографирования заимствованных слов проходила в отрыве от народного произношения. Например: в лит. яз.—*карандаш, налог, заседатель, японец, больница, забастовка, револьвер, адвокат, арестант, алебастр*, в нар. произношении: *кяранташ, налук, сэтатал, япун', пул'нитса, пастовка, вольвер, вакат, ристан, лепастр*; в лит. яз.: *Курский кёпёрне, Россия, Россиянан, Россияран*, в народн. произношении: *Курски кёпёрне, Раçсей, Раçсейан, Раçсейрен.*

В других почти аналогичных случаях в основу литературного языка было положено народное произношение: в лит. яз.—*штрав, йштык, вакат, лепастр, казначейра*, в рус. яз.—*штраф, штык, адвокат, алебастр*, в казначействе.

8. Плеонастический характер некоторых терминов сам по себе являлся признаком неудачности термина: к тому же в данном случае за словесной шелухой часто скрывалась классовая подоплека национальной буржуазии, которая старалась вкладывать в содержание термина сознание своего класса. Например: 1) *Патшалăхри сынсен пурнăсне сителĕклĕрех тавасси* «экономическая политика», в дословном переводе «создание более лучшей жизни для людей государства», 2) *Патшалăхри сĕр ёрслекен сынсене сĕр сителĕклĕ парасси* «аграрная политика», в дословном переводе: «предоставление земли в достаточном количестве для населения государства, обрабатывающего землю», 3) *Кашни халăхан хай чĕлхине усрасси* «национальный вопрос», в дословном переводе: «сохранение каждым народом своего языка», 4) *Бюрократ тени вâl—чинлă сын тени пулать* «бюрократ означает должностного человека» и т. д.

7. Из синтаксических явлений в развитии языка этого периода необходимо отметить следующее.

Под воздействием развивающейся в этот период газетно-публицистической речи наблюдается переход в выражении мысли от простых предложений к сложным предложениям смешанного типа, состоящих порою из нескольких сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, что особенно сильно заметно в переводных текстах. В связи с этим довольно часто встречаются сочинительные союзы: *тата, та, те, анчах* и подчинительный союз причины действия—*мĕншĕн тесен*, следствия—*çавăнпа*.

Например: 1) *Çуртана стена хушшине тиркĕ тытсан, стена сине тиркĕ мелки укнĕ пекех, сĕр сине те уйăх мĕлки ўкет те, хĕвел хупланать*¹. «Если между стеной и свечой поместить тарелку, то на стену падает тень, подобно этому падает на землю тень луны, и солнце закрывается». 2) *Тутарсем Новгородда вăрçса илмен пулсан та, Александрăн ытти князьсемпе пĕрле вĕсене итле-*

¹ Газета «Хыпар» за 1906 г., стр. 168. В дальнейшем страницы из данной газеты будут указаны в сокращенном виде в тексте.

се паханса пуранмалла пулна; вай тутарсене хирёстерсе халаха сатар тутарасшан пулман, мёшиён тесен вёсем пит йышлă пулна; вырассем ун чухне начарланса сахалланса юлна,—
 җаванпа епле те пулин тутарсемге түре пурăнасшан пулна»¹.
 «Хотя татары не завоевали Новгорода, Александру вместе с другими князьями приходилось жить в подчинении и повиновении татарам; он не хотел причинять вреда народу из-за раздоров с ними, потому что татары были многочисленны; русские в то время были слабы и малочисленны,—потому он всеми мерами старался жить в ладу с татарами».

Часто встречаются необычные словосочетания и синтаксические обороты. Например: 1) *Унччен ёлэк эпё Мускава курни сукчё*. (X, 108) «Ранее этого я не видел Москвы». При дословном переводе: «Ранее этого я (в смысле «моего») видения Москвы не было». 2) *Епле шухашпа таратар?* (X, 109) «Как поживаете?» Дословно: «С какой мыслью стоите?» 3) *Ку чухне халах тасана кайрё* (X, 169). «Теперь народ стал жить в чистоте». Дословно: «Теперь народ в чистоту ушел». 4) *Вёсем темісе сын аллипе таванна* (X, 23). «Они сделаны руками многих людей».

Художественная поэзия и проза, помещенная на страницах газеты «Хыпар», в отношении языка и стиля близко стоит к публицистической литературе этого периода, но газетно-публицистическая речь богата неустойчивыми словообразованиями, терминами и фразеологией, а язык художественных произведений свободен от случайных неудачных образований и словосочетаний; он более нормирован, чем язык газеты. Язык художественных произведений этого периода не богат изобразительными средствами и синтаксической инверсией, в связи с чем поэтический синтаксис их не получил достаточного развития. Но ярко выраженный социальный мотив многих произведений Таэра впервые в истории литературного языка порождает политическую фразеологию. Например:

1. <i>Халах куё умёнче</i>
<i>Сук сынсемшён вилетпёр...</i>
„Чапла вилем юрри“	Перед глазами народа
За обездоленных умираем...
(„Песня о славной смерти“)
2. <i>Анчах вайла улпутсем:</i>
<i>Җакар!— тесе кашкарчёс</i>
Там же	Но всеильные дворяне
Закричали: Повесить!
3. <i>Хыта тарар, халахсем.</i>
<i>Ан паранар хараса!</i>	Грудью встаньте, все народы,
И не отступайте никогда!
4. <i>Хресчен сахал хирёнче</i>
<i>Куссуллипе сухалать.</i>
Там же	А мужик малоземельный
Пашет пашню со слезой.

¹ Великий князь Александр Ярославович Невский, Казань, 1904 г. (на чувашском языке).

5. <i>Сёрён йывар ёсёнке</i>
<i>Нихсан ырлах курмарам.</i>
„Шухаш“	В тяжелой полевой работе
Мы добра не видали.
(„Дума“)
6. <i>Вёсёмсёр тёнче тулли</i>
<i>Вайсар халāх юн такать.</i>
Там же	Всюду, всюду по миру
Кровь бесправного народа.
7. <i>Тёрлэ харам пырсене</i>
<i>Ёнсе синчен парихар!</i>
Там же	И всех дармоедов
Сбросим с наших плеч!
8. <i>Халчен пире тытакан</i>
<i>Тимёр санчар таталтар!</i>
„Сёне сул“	Пусть не будет тех цепей,
Сковывавших нас доныне!
(„Новый год“)

Подобные примеры свидетельствуют о значительных изменениях в литературном языке этого периода, возникших в связи с изменениями в сознании демократических слоев города и деревни под влиянием революционных событий 1905—1907 годов.

На страницах газеты «Хыпар» появилось 5 басен Крылова И. А. в переводе Г. А. Коренькова. Язык перевода басен, как и язык других художественных произведений этого периода, свидетельствует о дальнейшей обработке литературного языка на общенародной основе, но вследствие чрезмерной растянутости по-чувашски, афоризмы И. А. Крылова в переводе часто теряют остроту. Например: *Анчах сакё тапранман, халь те тǎрать савантах.* «Однако воз не двигался и ныне стоит на месте» (У Крылова: «Да только воз и ныне там».

Поэт К. В. Иванов в дальнейшем развитии литературного языка учел этот опыт и дал блестящие переводы произведений русских классиков.

Поэт К. В. Иванов всей своей работой как бы подытожил развитие литературного языка за 1905—1907 годы, освободив его от кричащих противоречий. В то же время язык произведений К. В. Иванова подготовлен всем предыдущим периодом развития чувашского литературного языка, является синтезом основных наречий и диалектов чувашского языка, всего пройденного чувашским языком в дооктябрьский период пути. После К. В. Иванова чувашская литература и развитие её языка вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции не возвышались до вершин деятельности К. В. Иванова, а потому он является центральной фигурой во всей чувашской дореволюционной литературе дооктябрьского периода и справедливо признан общественностью основоположником чувашского литературного языка.

Язык и стиль К. В. Иванова носит глубоко народный характер. Это значит, что он любое явление языка, прежде чем сделать элементом своего стиля, проверял на диалектных явлениях

народного языка, в результате чего или отрицал, или принимал данное явление.

Сильное влияние оказали на стиль и язык К. В. Иванова язык и стиль русских классиков, но в этом случае он остался верным себе—не отходить от народных образцов, но сделать их еще более действительными под влиянием лучших образцов русской передовой литературы.

Далее уместно будет дать анализ примеров. Личное, принадлежащее лишь К. В. Иванову, дано будет на фоне народного, как неотделимое от него.

В вопросе внедрения орфографических и орфоэпических норм, в создании литературного языка на основе низового диалекта с привлечением элементов верхового диалекта К. В. Иванов остался на позициях своего учителя И. Я. Яковлева, но внес много своего оригинального, тесно связанного с его индивидуальным стилем.

И. Я. Яковлев употреблял в изданиях при Симбирской чувашской учительской школе полногласные формы имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений и наречий вне стилистических целей. К. В. Иванов чутьем великого художника и знатока народного языка полные формы слов употреблял там, где это совпадает с подчеркнутым значением слова, данного в полной форме. В остальных случаях так же, как в народном языке, он допускает краткие формы.

Вот несколько примеров из творчества К. В. Иванова:

текст с акцентируемым словом, стоящим в полногласном облиции или в полной форме:

1. *Сака̄ сута̄ тёнчере*
Вайли сук та этемрен.
„Нарспи“ (16)

Всех сильней эдем на свете.

2. *Уйāх суги сап-сугā.*
„Железная мялка“ (79)

Лунный свет яркий.

текст, где слово без акцентуации стоит в неполногласном облиции или в стяженной форме:

1. *Сак суллахи ыра̄ кун*
Хушалкана та савать.
„Нарспи“ (50)

Летний добротный день
И Хушелгу веселит.

2. *Тётре сурет шуралса,*
Сул ту тавра яванса.
„Вдова“ 82

Тумач стелется белея,
Вокруг вершины клубясь.

¹ Эдем значит человек.

3. *Туй килнине савантах*
Систерчѣсѣ евѣче.
„Нарспи“ (38)

О приезде свиты жениха
Сообщили свату тут же.

4. *Тѣттѣм пулѣ, каҫ пулѣ.*
„Нарспи“ (38)
Станет темно, настанет ночь.

В силу вышеизложенного, эпитеты, выраженные именами прилагательными, местоимениями и др., играют у него роль изобразительных средств речи, а потому всегда даются без элизии редуцированных гласных *а, ё*. В народных выражениях могут быть исключения (смотри вышеприведенные примеры).

Расширяя сферу влияния диалектов на развитие литературного языка, К. В. Иванов придает характер литературной нормы и диалектам и новообразованиям, причем он не оказывает предпочтения какому-либо одному диалекту. Например: *пичче*¹ (91) «брат» у низовых чуваш *тете, саванса* (39) «радуясь» встречается у низовых и верховых, а в отдельных диалектах *хѣпѣртесе, карчак-тарҫа* (120), «работница», дословно: «старуха-работница» составлено по типу народных скрещений *хѣр-танташ*, «девушка-рвовесница», *хуралҫа-салтак* (130) «часовой» составлено на основе скрещенія чувашского с заимствованным из русского языка словом и др.

Для обогащения словаря своих произведений он широко вводит лексические элементы чуваш, проживающих в нынешней Башкирской республике, применяет скрещенія междиалектные и чувашского языка с русским. Например: *кашкар-тукмак* (103) «волк», *йѣкѣт-паттар* (123) «богатырь», *йѣрсе-макарса* (91) «горько плача», *йыхарма-кашкарма* (123) «пригласить», *ҫапашма-варҫма* (123) «биться».

В своем творчестве К. В. Иванов весьма сильно ограничивает синтаксический способ выражения принадлежности предмета тому или иному лицу, а потому у него имя или местоимение, показывающие обладателя предмета, в текст очень часто не вводятся. Это освобождает его стиль от громоздких сцеплений слов. Например:

1. *Шурā сухал Тāхтаман*
Упāшкийѣ пулмалла.
„Нарспи“ (30)

Белобородый Тахтаман
Должен стать ее мужем
(Дословный перевод)

2. *Хупси хучѣ алāкне*
Турчāкипе саклатса.
„Нарспи“ (32)

Под печкой ухват берет
И им запирает дверь.
(Перевод А. Жарова)

¹ К. В. Иванов. Сочинения. Чувашгиз. 1940. На чувашском языке. Последующие примеры все взяты из указанной книги.

Другая его особенность пользования категорией принадлежности касается употребления ее форм в 1 и 2 лицах множественного числа. Эти формы мало встречаются в верховом наречии и весьма сильно распространены в низовом наречии. К. В. Иванов умеренно пользуется этими формами категории принадлежности.

В языке К. В. Иванова синтаксические конструкции предложений (в основном с дательным падежом) встречаются часто. Например:

1. <i>Ёнтё паян юлашки</i>
<i>Ёсём пултар хёрёме.</i>
„Нарспи“ (24) | Поработаю сегодня
Я в последний раз для дочери.
(Перевод А. Петтоки) |
|---|--|

При аналитической конструкции:

Ёнтё паян юлашки
Ёсём пултар хёр валли.

2. <i>Манан вата пусама</i>
<i>Паян ака-мен ситрё.</i>
„Нарспи“ (63) | На мою седую голову
Сегодня вот что сорвалось. |
|--|---|

При аналитической конструкции:

Манан ват пусам сине
Паян ака мен укрё.

3. <i>Шыва анать пёр арэм.</i>
„Нарспи“ (23)	К воде спускается женщина.

При аналитической конструкции:

Шыв патне анать пёр арэм.

4. <i>Парар унан телейне</i>
<i>Ыралахна саванас.</i> | Дайте на ее счастье
Благополучие и радость. |
|--|--|

При аналитической конструкции:

Парар унан телейёшён
Ыралахна саванас.

У русских классиков К. В. Иванов научился мастерскому пользованию художественным словом на основе народного языка.

При исследовании вопроса о порядке слов и синтаксической инверсии в творчестве К. В. Иванова необходимо делать упор на раскрытие синтаксической значимости порядка слов в предложении, а также учитывать грамматическое оформление слов, появившихся в иные синтаксические отношения в связи с изменением порядка слов в предложении. В творчестве К. В. Иванова инвер-

сия всегда является средством усиления логического ударения. Изменения в семантическом содержании членов предложения вызывают инверсию предложения, сопровождающуюся изменением порядка слов. Измененный же порядок слов имеет иной мелодический рисунок ритмических групп и иную интонацию предложения, чем предложение при обычном порядке слов.

Выводы об изменении данного порядка слов чувашского предложения в творчестве К. В. Иванова в основном сводятся к следующему:

1. Сильный логический акцент сказуемого вызывает обратный порядок слов с нисходящей интонацией. Отдельные смысловые единицы (синтагмы) при инверсии сохраняют самостоятельность, между ними может быть, но не обязательна малая пауза. Например:

*Сулханланчĕске сирĕп шухайшна
Вара самрак пуçĕ Калашник хусан.*

без инверсии:

*Калашник хусан самрак пуçĕ
Вара сирĕп шухайшна сулханлан-
чĕске.*

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников.

2. Если требуется сосредоточить внимание на второстепенном члене, входящем в состав сказуемого, то этот второстепенный член (дополнение или обстоятельство) вместе со сказуемым ставится в предложении на первое место, причем остальные члены предложения, совпадающие и не совпадающие с синтагмой, получают довольно свободную расстановку.

Малая пауза между синтагмами возможна, но не обязательна. Интонация предложения нисходящая, а иногда восходяще-нисходящая. Например:

*Ваттисене асанчĕс
Авалхисен йалипе.*

„Нарспи“ (27)

Предков помянули
По старинному обычаю.

3. При более слабой акцентуации сказуемого или второстепенного члена, входящего в группу сказуемого, соответствующие члены ставятся на первое место лишь в своей группе, группа подлежащего остается на своем обычном месте. Интонация всего предложения бывает чаще восходяще-нисходящей, пауза между ритмическими группами возможна, но не обязательна. Например:

*Суркуннехи хавас юра
Килсе кĕрет халхана.*

„Нарспи“

Весенняя радостная песня
Доходит до слуха.

4. Те члены предложения, которые при спокойном повествовании стоят в начале предложения (обстоятельство времени и места, подлежащее), при сильной акцентуации их ставятся перед сказуемым, стоящим на своем обычном месте в конце предложения. Интонация предложения обычно бывает восходяще-нисходящей, пауза между синтагмами возможна, но не обязательна.

Например:

*Хирти сара чечеке
Аша кусна кам пахмё?
Ун нек лайах хитре хёре
Мёнле качча юратмё?*

„Нарспи“ (18)

От золотого цветка в степи
Кто отведет свой взгляд?
Какой парень не пленится
Красотой и добротой Нарспи?

5. При логическом акценте разных членов предложения синтаксические обороты типа придаточных предложений, называемые в чувашском языке предложениеподобными членами, подвергаются инверсии на правах членов предложений, выраженных одним словом.

Например:

1. *Сивё куçсульпе йёрет,
Иртнё куншан хуйхарса.*
„Нарспи“ (18)

Холод слезами плачет,
Горюя о прошедших днях.

2. *Саван чух тухап эп сых-
лавса хирёс,
Виличчен сапасап, чунам
тухицчен.*

„Песня про купца
Калашникова“ (123)

И я выйду тогда
На опричника,
Буду на смерть биться,
до последних сил.

Способом синтаксической инверсии, наряду с другими средствами художественного слова, К. В. Иванов значительно усиливает действенность своих произведений.

На основе рассмотренного материала можно сделать следующий вывод. Несмотря на свою непродолжительность, развитие чувашского литеартурного языка в период 1905—1907 годов, благодаря общему революционному подъему трудящихся масс Чувашии, было весьма плодотворным. Чувашский литературный язык этого периода обогатил свой словарный состав новыми политическими и научными терминами, его развитие усилило концентрацию диалектов, и на этой основе литературный язык подвергся значительной обработке со стороны мастеров художественного слова Тайр Т., Иванова К. В. и др.

Нарождающаяся чувашская буржуазия постаралась в эти годы навязать литературному языку свои термины, выступила на страницах газеты «Хыпар» с проповедью националистического

пуризма, изгнания русских заимствований из литературного языка, но не оказала заметных влияний на дальнейшее развитие письменной и устной речи. Русские заимствования прочно закрепились в литературном языке этого периода, причем освоение их шло по-разному: газета «Хыпар» допускала большие расхождения между правописанием и народным произношением, а в произведениях художественной литературы, в светской литературе массового характера, в особенности в изданиях Симбирской Чувашской учительской школы, русские заимствования проникали в народное произношение.

Так, за несколько десятилетий возник чувашский литературный язык, основы которого получили яркое отражение в языке и стиле чувашского поэта К. В. Иванова.

IV. Развитие чувашского литературного языка от первой русской революции до Великой Октябрьской социалистической революции (1903—1917 годы).

В период столыпинской реакции (1908—1912 гг.) окончательно замирает издание чувашской литературы светского содержания. В годы подъема рабочего движения перед первой империалистической войной и во время этой войны, хотя и появляются некоторые чувашские поэты, но, копируя язык и стиль своих предшественников, они не смогли проявить определенных сдвигов в развитии литературного языка. Стиль издаваемой миссионерской литературы этого времени, продолжая трафаретный шаблон прежних лет, ни в какой мере не дает образцов, свидетельствующих о дальнейшем развитии литературного языка. В деле развития общенациональных языков февральская революция и девять месяцев деятельности Временного правительства никаких новых условий не вносят. Продолжая в основном политику царского правительства, Временное правительство выпустило декрет об отмене вероисповедных и национальных ограничений, 7-й пункт которого допускал: «Употребление иных, кроме русского, языков и наречий в делопроизводстве частных обществ, при преподавании в частных учебных заведениях всякого рода и при введении торговых книг». И. В. Сталин указывал, что декрет Временного правительства не устранил национального гнета и не дал народам России равноправия в отношении языка. «Прежде всего, декрет не устанавливает национального равноправия в отношении языка. В последнем пункте декрета говорится о праве употребления иных, кроме русского, языков в делопроизводстве частных обществ, при преподавании в частных учебных заведениях. Но как быть с областями с компактным большинством не из русских граждан, говорящих не на русском языке (Закавказье, Туркестан, Украина, Литва и пр.)? Нет сомнения, что там будут (должны быть!) свои сеймы, а значит и «делопроизводство» (отнюдь не «частное»), как и «преподавание» в учебных заведениях.

(не только в «частных»!)—все это, конечно, не только на русском, но и на местных языках»¹.

Далее И.В.Сталин указывает на необходимость провозглашения: 1/ политической автономии /не федерации/ областей, представляющих целостную хозяйственную территорию с особым бытом и национальным составом населения, с «делопроизводством» и «преподаванием» на своем языке, и 2/ права на самоопределение для тех наций, которые по тем или иным причинам не могут остаться в рамках государственного целого.

Партия большевиков разоблачила деятельность Временного правительства в проведении национальной политики, на словах выступавшего против национальных ограничений, а на деле продолжавшего политику прежнего национального гнета.

На общем фоне затишья в развитии чувашского литературного языка этого периода особо рельефно выступают исследования в области чувашской филологии Н.И.Ашмарина, доктора и профессора тюркологии, ставшего в советское время членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Научная деятельность Н. И. Ашмарина продолжалась около 40 лет /1892—1933/, она протекала на рубеже двух эпох и охватывает развитие литературного языка всех предшествующих периодов. Но основные его работы, например, сбор материала для словаря чувашского языка, подготовка второго тома «Опыт исследования чувашского синтаксиса» характеризуют этот период.

К этому следует еще добавить, что кабинетная работа крупного ученого главным образом в эти годы впервые тесно переплеталась с работой огромного количества корреспондентов, представителей всех чувашских диалектов, по сбору материала для чувашского словаря и, тем самым, она приобретала огромное общественное значение.

В семнадцатитомном словаре чувашского языка Н.И.Ашмарин предельно широко /свыше 40.000 слов/ охватил словарный состав языка по состоянию в этот период.

Работой в области грамматики чувашского языка Н.И.Ашмарин значительно способствовал закреплению в качестве литературной нормы слов и их форм, данных им в качестве парадигм склонения и спряжения. Успех «нормализации» языка обеспечивался в данном случае тем, что эта работа сопровождалась выявлением всех диалектных разновидностей слов и их форм, проверкой посредством опросов их через своих учеников и сведущих лиц.

Следует отметить, что парадигмы склонения и спряжения глаголов включены им в свои труды после детального изучения всех диалектов чувашского языка, а потом они, как более употребительные формы, сохранили нормативный характер вплоть до наших дней.

¹ И. В. Сталин. Соч., том 3, стр. 18—19.

Изобилие примеров, приводимых в его работах, часто сопровождается указанием на типичность или нетипичность, на удачность или неудачность их в стилистическом отношении. Например:

1. *Атте килсен, пит лайахчĕ те ... /или: пит лайах пулĕччĕ те/* «Хорошо бы, если бы приехал отец».¹

2. Вместо *Лашанан сурамĕ пасăлнăчĕ* некоторые сказали бы *лаша сурамĕ пасăлнăчĕ*—«у лошади спина повреждена»². Хотя первый способ употребления яснее и изящней.

3. Личные местоимения, если на них не лежит смысловое ударение, могут ставиться в конце предложения. *Ана пасарта курна энĕ.* «Я видел его на базаре» /ч. 1. стр.90/.

4. *Ишме пĕлменскер, кай-тар* /в других говорах: *кай-хур, кай парак, тыт та кай* последнее в Кузнецком у./ «Не умея плавать, я возьми да и пойди» /ч.1, стр. 149/.

Придерживаясь в практической работе транскрипции И.Я.Яковлева, в научной работе применяя свою научную транскрипцию для точной и совершенной записи диалектных разновидностей слов, Н.И.Ашмарин способствовал укреплению норм литературного языка в практическом их применении и вместе с тем поднимал практику до научных обобщений и выводов.

Н.И.Ашмарин и его научные труды по чувашскому языку были известны в дооктябрьский период нескольким десяткам работников из чуваш, а в послеоктябрьский период он и его труды стали широко известными по всей Чувашии и в научной среде всего Советского Союза. Имя Н.И.Ашмарина пользуется уважением, потому что он дал возможность с первых дней Октябрьской революции поднять изучение чувашского языка на научную основу, лично занялся подготовкой кадров по чувашскому языку, своими авторитетными указаниями и научными работами способствовал формированию чувашского литературного языка.

Труды проф.Н.И.Ашмарина не потеряли значения и в наши дни. Это объясняется тем, что Н.И.Ашмарин был прогрессивным деятелем своего времени и в своих трудах отразил лучшие традиции русской науки о языке.

Н. И. Ашмарин был свободен от взгляда на язык как на неподвижное и застывшее явление. Например, он говорит:

«Как особенность, следует отметить отпадение суффикса притяжения в некоторых технических выражениях, напр. *ача ят хур* «нарекать имя младенцу», *ача чăкăт пуçла* «починать ребячий сыр» /особый обряд при рождении ребенка/ и т.п. Во всех приведенных случаях отпадение притяжательного суффикса объясняется стремлением некоторых давно установившихся именных

¹ Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть II, Симбирск, 1923 г., стр. 117.

² Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть I, Казань, стр. 49. В дальнейшем ссылки на этот труд даются в тексте.

сочетаний к взаимному слиянию и образованию сложных слов» (ч. I, стр. 43).

Следующий пример: «Нужно иметь в виду, что, по причине сильно развившегося употребления послелогов, многие идеи, передающиеся в других тюркских наречиях одним дательным падежом имени, у чуваш выражаются не простым дательным падежом, но дательным послелога»¹.

Это свидетельствует, что проф. Н.И.Ашмарин явления чувашского языка не подводил под правила существующих грамматик, а выводил эти правила посредством изучения явлений языка. При этом он иногда пересматривал свои научные выводы в порядке их уточнения в связи с накоплением нового материала. В своем раннем труде «Материалы для исследования чувашского языка» (1898 г.) он дал дательно-винительный падеж, в чувашском языке отметил наличие 27 вспомогательных глаголов, а в позднейших работах приводит два самостоятельных падежа: дательный и винительный, количество вспомогательных глаголов в чувашском языке устанавливает в количестве 51 глагола.

Н.И.Ашмарин во всей своей работе последовательно проводил описательное изучение чувашского языка во всех его тончайших оттенках значений. Он изучал все языковое богатство народного языка в целом, не отдавая предпочтения какому-либо диалекту чувашского языка. Н. И. Ашмарин открывал в явлениях языка современные характерные черты, а явления прошлых эпох в чувашском языке старался выявить посредством сравнительно-исторического метода исследования, а зародыши будущего развития языка старался отметить в виде отдельных примечаний.

Н. И. Ашмарин не мог проникнуть в сущность многих общественных явлений, а потому полностью не мог прийти до понимания языка как общественного явления, но он далек от голого эмпиризма и стремился к глубоким научным обобщениям и выводам.

Н.И.Ашмарин дал глубокую разработку вопросов морфологии и словообразования в чувашском языке посредством аффиксации. Весьма подробно и глубоко им изложено учение о синтаксических функциях падежей и вспомогательных глаголов. Глубоко изложено им также и учение о строе простого предложения с основными случаями синтаксической инверсии.

Школьная грамматика чувашского языка до сих пор строится на основе грамматики чувашского языка профессора Н. И. Ашмарина.

V. Развитие чувашского литературного языка в советскую эпоху (1917 год и по настоящее время).

Великая Октябрьская социалистическая революция имела огромное значение для развития наций и национальных языков. В ходе строительства социалистического общества на развалинах

¹ Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть I, Казань, стр. 153.

буржуазных наций образовались новые, социалистические нации.

Развитие чувашского литературного языка социалистической нации, как исторической категории, существенным образом отличается от развития языка дооктябрьского периода. Трудовое сотрудничество трудящихся-чуваши в единой системе социалистического хозяйства и культурной революции ускорило темпы развития литературного языка и внесло значительные изменения в области лексики, словосложения, словообразования и некоторые изменения в области фонетики, морфологии и синтаксиса.

На основе учения марксизма о языке стало возможным правильно понять и исследовать пути развития чувашского литературного языка советской эпохи.

И. В. Сталин учил, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Из этого вытекает, что в развитии литературного языка советской эпохи есть общие моменты для всех народов СССР. Так как все они в дружной семье братских народов строят социалистическое общество и осуществляют переход от социализма к коммунизму. Чувашский язык имеет также специфические черты развития.

Умение раскрывать связь развития чувашского языка с историей чувашского народа помогает выявлять внутренние законы развития языка.

Эти две стороны изучения развития литературного языка взаимосвязаны, недооценка одной из них может иногда привести к неправильным выводам. Например: в деле строительства нового общества все нации Советского Союза восприняли в свой язык через русский много интернациональных терминов. Было бы ошибочным создавать в национальных республиках все термины средствами только своего языка, в том числе и такие термины, как: Совет, революция, коммунизм, партия, социализм и др. Особенно это относится к нациям, возникшим лишь в советскую эпоху, не создавшим политических и научных терминов в дооктябрьский период.

В развитии литературного языка имеет важное значение взаимодействие между общенародным языком, территориальными диалектами и заимствованиями из русского языка. Язык носит общенародный характер и до возникновения литературных норм. В период своего литературного оформления, особенно в послеоктябрьский период своего развития, чувашский литературный язык на основе низового диалекта значительно упрочил свои литературные нормы и в лексике, и в орфографии, и в орфоэпии, и в грамматическом строе. В этом деле немалую роль сыграли

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Издательство «Правда», 1950 г., стр. 18.

трудоое общение носителей языка, формирование интеллигенции, вышедшей из народа, рост национальной культуры, развитие художественной литературы. В советскую эпоху коренным образом усилились все эти факторы на основе бурного развития социалистического народного хозяйства. Здесь уместно будет вспомнить слова М. Горького о том, что литературный язык есть тот же самый народный язык, обработанный мастерами.

В истории развития чувашского литературного языка имеют решающее значение те элементы языка, которые наиболее тесно связаны с внутренними законами развития языка: они всегда имеют прогрессивный характер и выполняют унифицирующую роль в развитии литературных норм.

Что касается территориальных диалектов, то они в целом обречены на прозябание. Отдельные жизненно важные слова из диалекта попадают в основной словарный фонд, другие попадают в литературный язык как синонимы, параллельные (дублетные) слова, третьи получают переосмысленные значения и пополняют словарный состав языка.

Обиходная устная речь всех диалектов чувашского языка в советскую эпоху уже не та, какова она была в дооктябрьский период. Обиходная устная чувашская речь, во многом соответствует в настоящее время литературным нормам общенационального языка, так как литературный язык обогащается за счет обиходной речи, а последняя в свою очередь в значительном объеме пользуется литературными нормами.

В этом отношении характерным для языка социалистической нации является дальнейшее закрепление произношения общенародных слов по произносительным нормам низового диалекта, положенного в основу развития литературного языка еще в 70-х годах XIX века.

Не менее характерным являются изменения произносительных норм заимствованных слов. Для дооктябрьского периода развития чувашского литературного языка характерно произношение заимствованных слов с полным подчинением произносительным нормам чувашского языка. Например: *чуста* «тесто», *чылай* «целый», *кёнеке* «книга», *чус* «тес», *хунар* «фонарь», *пастовка* «забастовка», *шалу* «жалованье». При этом исключения из правила составляют незначительный процент. Например: *Йаван* (в диалектах *Йаван*), *вулкан*, *стена* (с произносится в чувашском с сильным смягчением), *сукно*, *спичка* и др.

Переход от старого качества к новому в произносительных нормах так же, как и в языке в целом, происходит путем постепенного накопления элементов нового качества и путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Для советской эпохи в целом, особенно для наших дней, характерно произношение заимствованных слов по произносительным нормам русского языка. Например: *совет*, *колхоз*, *директор*, *трактор*, *комбайн*, *тетрадь*, *колхоз*, *клуб*, *спектакль*, *коммуна*.

Старые заимствования и в современном чувашском языке произносятся по старым, дооктябрьским нормам произношения. Например: *кёнеке* «книга», *пичке* «бочка», *кёрепле* «грабли», *хунар* «фонарь».

Произношение части старых заимствований подчинено новым произносительным нормам. Например: *пуштă*—почта, *стураш*—сторож, *вакун*—вагон, *ăстарик*—старик, *акта*—акт и др.

В советскую эпоху в области фонетики несколько утратилось действие закона сингармонизма преимущественно в заимствованных словах. Например: *Иван* (в верховых диалектах *Йаван*), *Михала*, *революци*, *коммунизм*, *председатель*, *специалистна* «со специалистом», *колхозника* «колхозника», «колхознику», *съездра* «на съезде» и др.

В дооктябрьский период развития литературного языка нормы произношения низовых чуваш определяли правила ударения в словах. Ударным слогом в чувашском литературном языке считался последний слог слова. Но правила об ударении в чувашском языке не получили закрепления в речевой практике, так как ударение в книгах, даже в букваре, не проставлялось, и каждый представитель диалекта произносил слова по нормам своего диалекта.

Современный чувашский язык развивается по нормам ударения верховых чуваш, по которым ударение не падает на редуцированные гласные *ă*, *ё*, входящие в состав последних слогов, например: *пурнаç* «жизнь», *курапар* «увидим», *пирён* «у нас», «наш», *килёпёр* «придем», *ёслёпёр* и др.

В советскую эпоху самые крупные изменения, обогатившие чувашский литературный язык, произошли в лексике. Изменения эти произошли по внутренним законам развития чувашского языка и обогатили его средства выражения.

И. В. Сталин учит, что развитие языка совершается путем постепенного отмирания отдельных элементов старого качества и накопления элементов нового качества.

Развитие нового качества в чувашском языке в советскую эпоху сопровождается особо продуктивным развитием некоторых грамматических явлений и менее продуктивным развитием других.

Например: 1. Словообразовательный аффикс имен существительных—*лах*,—*лех* является самым продуктивным явлением при образовании новых слов. Продуктивность этого аффикса особенно сильно проявляется при образовании новых имен, соответствующих словам русского языка, образованным с приставкой *не*, *без* и др. в значении лишенный чего-нибудь: *çулсăрлах* «бездорожье», *сынсарлах* «безлюдие», *хутёсёрлех* «беззащитность», *пĕлүсёрлех* «незнание», *телейсёрлех* «несчастье», *айăпсарлах* «невиновность» и др.

Словообразовательный аффикс имен существительных—*çă*,—*çĕ* был довольно продуктивным в дооктябрьский период, особенно

это следует отметить в отношении низового диалекта. В советскую эпоху этот аффикс стал менее продуктивным, что частично объясняется тем, что названия лица по роду его занятий в чувашском языке часто обозначаются заимствованным из русского языка словом: *тытканса* «пленный», *купасса* «гармонист», «скрипач», *музыкса* «музыкант», *суту-илуҫе* «торговец», *юраса* «певец», *сынсиевсе* «людоед», *пулететса* «пулеметчик», *вёсевсе* «летчик».

Из указанных здесь дублетных терминов заимствования «музыкант», «пулеметчик», «летчик» имеют в чувашском литературном языке большое употребление, чем их чувашские дублеты.

Возьмем термины другого порядка: *лаша пахакан* «конюх», *ёне сывакан* «дойрка», *сысна пахакан* «свинарка». В литературном языке мы встречаемся с чувашскими терминами *лаша пахакан*, *ёне сывакан*, *сысна пахакан*, а в устной речевой практике приходится слышать довольно часто: *конюх*, *дойрка*, *свинарка*.

Терминотворческая работа весьма сильно обогатила литературный язык советской эпохи. Образование терминов посредством словосложения и устойчивого словосочетания приобретает в наши дни особо важное значение. Например: *сулпуҫ* (дорога+голова) «вождь», *сёршив* (земля+вода) «страна», *ёскунё* (работа+день её) «трудодень», *ёссынни* (работа+человек её) «трудящийся», *сутсанталак* (ясная природа), «природа», *сурчамар* (половина шара) «полушарие»; *сурма пролетари* «полупролетариат», Октябрьти революции «Октябрьская революция», *самах улшанни* «словоизменение», *танлаштарулла йывараш* «удельный вес».

Наряду с образованием новых слов средствами чувашского языка заимствования из русского языка в советскую эпоху являются одним из основных источников обогащения словарного состава чувашского языка. Выполняя свою основную функцию по обслуживанию общества, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, язык пополняется заимствованиями во всех сферах деятельности человека. Экономическая и идеологическая общность советского общества служит основой заимствования слов по произносительным нормам русского языка, при этом слова проникают в чувашский язык вместе с предметами производства и с идеями строительства социалистического общества.

Заимствованные слова подчиняются внутренним законам развития чувашского языка. Например: 1. несклоняемые существительные русского языка в чувашском языке изменяются по падежам и числам: ед. ч. И. п. *кино*, Р. п. *кинон*, Д. п. *кинона*, Тв. п. *кинопа*, Мест. п. *кинора*, Исх. п. *киноран*. Мн. ч. Им. п. *киносем*, Р. п. *киносен*, Д. п. *киносене*. В. п. *киносене*, Тв. п. *киносемпе*. Мест. п. *киносенче*, Исх. п. *киносенчен*.

2. Слова, имеющие грамматические признаки множественного числа, в чувашском языке изменяются по падежам и числам: *духи*, *духин*, *духине...* *духисем*, *духисен*, *духисене* и т. д.

3. Формы имен существительных русского языка: *Ваня*, *Ваню-*

шенька, Петя, Петенька получают уменьшительно-ласкательное значение в чувашском языке посредством прибавления специальных аффиксов—*ук*,—*ук*: *Петюк*, *Верук* и т. д.

4. По типу образования глаголов от существительных посредством прибавления специальных аффиксов—*ла*,—*ле* можно образовать глаголы и от заимствованных существительных: *организациле* «организовать», *командила* «командовать», *гармонизациле* «гармонизировать» и т. д.

Развитие чувашского литературного языка в советскую эпоху характеризуется еще усовершенствованием различных стилей, являющихся выражением различных взглядов на развитие языка. Особенно ярко это выступает в творчестве советских писателей, каждый из которых на основе народного языка делает индивидуальный вклад в развитие литературного языка.

Ряд писателей и поэтов (М. Сеспель, С. Эльгер, С. Фомин, Л. Агаков и др.) наиболее полно отражают развитие общенародных черт двух основных диалектов. Диалектизмы и архаизмы, встречающиеся в произведениях С. Эльгера оправданы тем, что они обогащают язык его произведений, написанных на исторические темы.

Другие писатели и поэты (П. Хузангай, Я. Ухсай, М. Уйп, А. Эшель и др.) умело обогащают лексику чувашского литературного языка неологизмами и диалектизмами в большей степени, чем их товарищи по художественному творчеству.

Каждый писатель и поэт, стараясь как можно лучше использовать яркие примеры устного народного творчества, в полном соответствии с индивидуальным стилем своих произведений, подвергает обработке пословицы, поговорки и всякого рода народные выражения и тем самым обогащает литературный язык.

В результате многогранной работы писателей и поэтов получается стилистическая дифференциация современного литературного языка, ярче выявляется общепринятая новая лексика, умело отобранная из разных диалектов, выясняются различные тончайшие оттенки отдельных слов и выражений, переосмысление значения некоторых старых слов и т. д.

Развитие чувашского литературного языка в советскую эпоху, на наш взгляд, следует дать в нескольких очерках, примерную тематику которых можно определить следующим образом:

В. И. Ленин и И. В. Сталин о развитии социалистических наций и их языков.

Развитие чувашского литературного языка в советскую эпоху (общий обзор).

История чувашской орфографии и орфоэпии и их значение в развитии литературного языка.

Развитие чувашской лексики, терминологии и грамматического строя в советскую эпоху.

Очерки языка и стиля писателей и поэтов: М. Сеспеля, Ф. Павлова, С. Эльгера, Ивана Мучи, С. Фомина, П. Хузангая и др.

М. Я. СИРОТКИН,
кандидат педагогических наук

ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1920)

Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения в жизнь всех социальных слоев чувашского народа. И. В. Сталин указывал, что «...Октябрьский переворот, покончив со старым, буржуазно-освободительным национальным движением, открыл эру нового, социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей, направленного против всякого,—значит и национального,—гнета, против власти буржуазии, «своей» и чужой, против империализма вообще»¹.

Еще накануне Октября трудящиеся Чувашии под руководством Коммунистической партии повели борьбу не только против продолжавшего политику царизма и русской империалистической буржуазии Временного правительства, но одновременно и против чувашской торгово-промышленной буржуазии и кулачества, добиваясь полного освобождения и от национального, и от социального гнета. В то же время чувашская буржуазия всячески стремилась свести развитие революции к закреплению за собой неограниченной свободы и монопольного права на эксплуатацию «своего» народа путем создания «своей» национальной государственности. «Общенациональным» институтом, взявшим на себя осуществление чаяний буржуазии, выступило «Чувашское национальное общество», учрежденное в июне 1917 года на так называемом «Общечувашском национальном съезде» в Симбирске, а рупором ее контрреволюционных вождедений явилась газета «Хыпар» (Вести), восстановленная после Февральской революции стараниями чувашских кадетов и эсеров. «Хыпар» повела безудержную кампанию обмана трудящихся «прелестями» буржуазной культурно-национальной автономии, запугивания опасностью денационализации чувашского народа и угрозой усиления национального гнета в случае победы в революции русского рабочего класса.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 163.

Провокационные листовки и брошюры типа «Возможно ли движение чувашского народа вперед?», издаваемые эсерами, дополняли ложь и клевету газеты «Хыпар» усилиями посеять и раздуть национальную рознь и недоверие между народами, в первую очередь между чувашскими и русскими трудящимися, отделить чувашский край от центральной России и отдать его на поток и монопольное разграбление чувашской буржуазии.

Однако ход событий показал, что кроме «национальных правительств», на окраинах существуют национальные рабочие и крестьяне. Неудивительно, что их конфликт со «своими» национальными правительствами нарастал день за днем. Октябрьский переворот только упрочил союз рабочих и крестьян окраин с рабочими и крестьянами России, вдохновив их верой в торжество социализма. Разбитые наголову «национальные правительства» вынуждены были обратиться за помощью против «своих» рабочих и крестьян к империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплуататорам национальностей всего мира.

«Так началась полоса иностранного вмешательства и оккупации окраин,—полоса, лишняя раз разоблачившая контрреволюционный характер «национальных» и областных «правительств»¹.

Поляризация классовых сил чувашского народа и рост политической активности трудящихся особо большой силы достигли к моменту вступления республики Советов в вооруженную борьбу против буржуазной контрреволюции. Чувашская национальная буржуазия и ее эсеров-националистические группировки к этому времени открыто сомкнулись с интервентами и белогвардейщиной и встали на путь вооруженных столкновений с Советской властью.

Когда контрреволюционными белыми войсками была занята Казань и над трудящимися Поволжья нависла угроза потери завоеваний социалистической революции, чувашские буржуазные националисты, выдававшие себя за поборников «чувашского общенародного дела», рьяно принялись за формирование белогвардейских национальных частей и повели открытую травлю Советской власти, занялись арестами большевиков и красноармейцев, не успевших покинуть город. А после того, как усилиями Красной Армии Казань была отбита у белых обратно, то многие из «народных радетелей» последовали с контрреволюционными чехословацкими частями в Самару, Уфу и дальше, и до конца «верой и правдой» служили белогвардейцам.

События гражданской войны быстро убедили трудящихся, что проповедь чувашскими буржуазными националистами «национального единения», разговоры об «общности интересов всех слоев чувашского народа» и его «социальной однородности» были всего лишь маскировкой контрреволюционных целей отрыва

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 162.

чувашии трудящихся от русского рабочего класса, от Советской власти.

В ожесточенной классовой борьбе с внешними и внутренними врагами Советской власти росло и крепло политическое сознание трудящихся Чувашии. Коммунистическая партия настойчиво внедряла в их сознание идею интернационального сплочения в борьбе за отстаивание завоеваний Октября. «Российскому советскому правительству,—говорил М. И. Калинин в своей речи, произнесенной 3 мая 1919 года на митинге в Казани,—дороги интересы не только русского бедняка, но в равной степени бедняка татарина, бедняка еврея, бедняка чуваша. Для Советской России нет врага, говорящего другим языком, молящегося другому богу, а враг тот, кто эксплуатирует чужой труд».¹

В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции и в ходе гражданской войны окончательно определилась и идейно-политическая дифференциация чувашской интеллигенции. Часть ее, сомкнувшаяся с национальной буржуазией и кулачеством, с первых дней революции ушла в контрреволюционный лагерь и противопоставила себя Советской власти. Другая же, тесно связанная и по условиям работы и по социально-политическому положению с трудовыми массами, присоединилась к народу и пошла за Советской властью. В ходе борьбы за укрепление завоеваний Октября она пополнялась за счет революционной студенческой и учащейся молодежи, принимавшей активное участие в политическом просвещении трудящихся, в мобилизации сил народа на разгром контрреволюции.

Вопросам политического просвещения и повышения культурного уровня трудящихся масс национальных окраин партия уделяла исключительно серьезное внимание. И. В. Сталин в статье «Наши задачи на Востоке» особо говорил о необходимости «всеми силами поднять культурный уровень отсталых народов, организовать богатую сеть школ и просветительных учреждений, развить устную и печатную советскую агитацию на языке, понятном и родном для окружающего трудового населения»². В эту работу были вовлечены все наличные силы чувашской интеллигенции старшего и младшего поколения, присоединившейся к народу.

С первых же дней Октябрьской революции огромный размах приобрела культурная и политико-просветительная работа среди чувашского населения. Даже в условиях ожесточенной гражданской войны и хозяйственной разрухи эта работа продолжала расти и шириться во все нарастающем темпе. Народ получил доступ к знаниям. Усиленно развивалась деятельность по ликвидации неграмотности. За три года, с 1917 по 1920 годы, неграмот-

¹ Газета «Знамя Революции», № 96, от 6 мая 1919 г. (Газетная запись.)

² И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 238.

ность чувашского населения снизилась с 82 проц. до 72 проц. Только за 1920 год было обучено грамоте 22 880 человек взрослых.¹ Шел бурный рост сети школ. Советская власть широко раскрыла двери школ для детей трудящихся чуваш. Если в 1913 году во всех школах чувашского края обучалось 22 646 детей, то в 1920 году число учащихся достигло 74 517 человек².

Десятки тысяч молодежи и взрослых мужчин и женщин потянулись к учебе. Массовый характер приобрело развитие культурно-просветительных учреждений. Необъятно велика, отмечал В. И. Ленин, разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. Показателен штрих из жизни чувашского народа, подтверждающий это новое явление. «18 марта 1919 года в Чебоксарах,—сообщала казанская газета «Знамя Революции»,—открыт Народный университет из 6 факультетов, куда записалось 600 человек»,³ что составляло одну пятую населения города того времени.

Жажда чувашских трудящихся к образованию и культуре проявлялась не только в их тяге к основам знаний, но и в стремлении к активному участию в общественно-политической жизни страны, в строительстве нового государства. Особую роль при этом приобретали книги, газеты и журналы на родном языке.

С 1917 по 1920 год было издано на чувашском языке 204 названия общественно-политических, учебных, научно-популярных книг и произведений художественной литературы, а тираж их составил 1.879.450 экземпляров.⁴

За всю свою дореволюционную историю, т. е. вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, чувашские трудящиеся не имели газеты на родном языке, исключая буржуазную националистическую газету «Хыпар», вышедшую в 1906—1907 годах и возобновленную после февральских событий 1917 года чувашскими кадетами и эсерами. В феврале 1918 года в Казани стала выходить газета «Канаш» (Совет). Но советской она стала не сразу. Оказавшись в первое время органом чувашского т. н. «левого» социалистического комитета, с засевшими туда эсерами, она никак не отражала подлинных интересов трудящихся. Лишь после очищения в сентябре 1918 года Казани от контрреволюционных белогвардейских банд и разгона эсеровской редакции газета заняла надлежащую ей роль организатора масс на укрепление и упрочение завоеваний социалистической революции и последовательного проводника национальной поли-

¹ А. Т. Трофимов. Народное просвещение Чувашской АССР за 15 лет. Чувашгиз. Чебоксары. 1935.

² Там же.

³ Газета «Знамя Революции». Казань. 5 апреля 1919 года.

⁴ Сведения о развитии печати взяты из книги «В братской семье народов СССР». Чебоксары. Чувашгиз. 1950. Стр. 200—214.

тики Коммунистической партии. С октября 1918 года газета «Канаш» становится центральным органом Чувашского отдела Народного комиссариата по делам национальностей, а непосредственное руководство ею берет на себя Чувашская секция Казанского губкома РКП/б/.

Вслед за газетой «Канаш» стала выходить газета «Чухансен сасси» /Голос бедноты/— орган политотдела 5-ой армии Восточного фронта. Главной задачей газеты являлась мобилизация чувашских трудящихся на скорейший разгром вооруженных сил контрреволюции, вдохновляемой и поддерживаемой иностранными империалистами.

Тираж газет «Канаш» и «Чухансен сасси» был действительно массовым, рассчитанным на обслуживание возможно большего количества трудящихся. Только газета «Канаш» с октября 1918 по январь 1920 года разошлась в количестве 3.584.160 экземпляров. Из них на чувашскую деревню пришлось около 1.300.000, а на долю бойцов Красной Армии свыше 2.000.000 экземпляров. Газета «Чухансен сасси» имела ежемесячный тираж 10.000 экземпляров. Вместе со штабом 5-ой армии она следовала по фронтам гражданской войны, ведя активную печатную агитацию и пропаганду среди бойцов Красной Армии и местного чувашского населения.

Кроме того, издавались на чувашском языке и другие газеты: в Симбирске — «Сёне пурана́с» (Новая жизнь), а затем «Сутталла» /К свету/, при политотделе 2-ой армии — «Хёрлё салтак» (Красный солдат), в Чебоксарах — «Хресчен самахё» (Крестьянская речь), в Казани — «Чаваш коммуни» (Чувашская коммуна), «Юлташ» (Товарищ), «Самрак коммунист» (Молодой коммунист).

В 1919 году в Казани начал выходить первый общественно-политический, научный и литературно-художественный журнал на чувашском языке — «Шурампуç» (Заря).

Журнал ставил главной своей задачей пропаганду политических и научных знаний, и большую долю в нем занимали статьи на международные и внутривосточные темы, публикации документов и памятников исторического прошлого чувашского народа, популярные очерки по различным отраслям знаний. Отдел литературы включал произведения чувашских писателей, переводы из русской художественной литературы, образцы произведений устно-поэтического народного творчества.

Достаточно зрелого критического подхода к оценке оригинальных и переводных литературных произведений, публикуемых в журнале, не было. Наряду с художественно полноценными произведениями первых чувашских советских писателей, Ф.Павлова, Г.Зайцева и других, в журнале печатались слабые во всех отношениях и явно стоявшие за пределами художественной литературы стихи и рассказы Сепера, Лапсарки, Врм Туны. В одном ряду с переводами из И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова стояли мало известные в русской литературе имена, представ-

ленные не имевшими ни художественного, ни познавательного значения произведениями. Яркие эпические и лирические устно-поэтические произведения на темы острых политических событий, переживаемых молодой советской страной, перемежались с библейскими легендами и религиозно-мифическими сказами.

Но при всех недостатках и пороках нельзя замалчивать и положительные стороны в деятельности журнала. Почин «Зари» по ознакомлению широкого круга читателей с произведениями русской литературы и с лучшими для начальных лет развития чувашской советской литературы образцами оригинального творчества заметно сказался на расширении круга познаний чувашских трудящихся в сокровищах прогрессивной русской культуры, вызывая интерес и внимание не только к произведениям великой русской литературы, но и к творческим начинаниям первых чувашских советских писателей, укрепляя тем самым дружеские связи и взаимное доверие чувашского и русского народов.

Одновременно с журналом «Заря» в Казани выходили научно-популярные и сельскохозяйственные журналы «Ана» (Нива), «Сёр ёслекен» (Хлебобоб). В те же годы было издано два номера литературного журнала «Атал юрри» (Волжская песня), подготовленного литературным кружком при Симбирском практическом институте народного образования.

В сплочении и объединении трудовых масс чувашского народа вокруг Коммунистической партии и Советской власти, в организации культурно-политического подъема и в собирании творческих сил народа большое участие принял И. В. Сталин. Организованный в 1918 году по инициативе И. В. Сталина при Народном комиссариате по делам национальностей Чувашский отдел, кроме своей основной задачи — подготовить создание Чувашской советской автономии, занимался непосредственной работой по повышению культурно-политического уровня чувашских трудящихся, готовил кадры советских и культурных работников из коренного населения.

Помощь и руководство Наркомнаца с благодарностью была отмечена 1-ым Областным (учредительным) съездом Советов Чувашской автономной области в 1920 году: «Чувашский отдел, — говорится в материалах съезда, — всегда находил помощь со стороны Наркомнаца в лице народного комиссара по делам национальностей товарища Сталина»¹.

Чувашскому отделу Наркомнацем была предоставлена широкая инициатива по созданию учреждений культуры и искусства, развитию национальной печати. В 1920 году был открыт Чувашский институт народного образования, создан ряд специальных учебных заведений по подготовке кадров работников культуры

¹ Цитируется по статье Я. К. Павлова «30 лет Чувашской советской автономии». Записки ЧНИИ. V, стр. 14. Чебоксары. 1950.

и просвещения. Было положено начало организации Центральной чувашской библиотеки, Центрального музея.

Печатное слово и книга на родном языке в общедоступном и понятном для широких трудовых масс изложении сыграли исключительно большую роль в ускорении роста политического сознания чувашских трудящихся, в повышении их грамотности и культурного уровня. И одной из задач Чувашского отдела и его подразделов на местах было издание и продвижение в народ брошюр и книг на родном языке, распространение средствами печатного слова политических и научных знаний.

Основное внимание в издательской деятельности Чувашского отдела и его местных подразделов обращалось на выпуск популярных общественно-политических, научно-исторических и сельскохозяйственных брошюр и книг, рассчитанных на массовое пользование. Большая доля этих изданий приходилась на переводы с русского. Среди книг, переведенных в 1918—1920 годах, — издавались они в названные годы преимущественно в Казани — значительное место занимали переводы произведений русской художественной литературы.

Традиция обращения к произведениям русской классической литературы как источнику познания и идейно-творческого вдохновения, как к средству обогащения знаний и повышения культуры народных масс, складывалась одновременно с созданием письменности и зарождением чувашской литературы.

Уже начиная с 70-ых годов прошлого столетия стали переводиться на чувашский язык отдельные произведения русских классиков. В дореволюционное время среди переведенных на чувашский язык произведений русской литературы были педагогические рассказы К. Д. Ушинского, детские рассказы С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого, стихотворения и отдельные поэмы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Н. П. Огарева, А. В. Кольцова, рассказы и очерки В. Г. Короленко, Н. Д. Телешова и других.

Эта традиция не прерывалась и в советское время. Первыми переведенными в начальные годы советской власти на чувашский язык произведениями русской литературы были, прежде всего, произведения русских классических писателей. Среди изданных в 1919—20 годах на чувашском языке стоят такие произведения, как «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Полтава» А. С. Пушкина, «Власть тьмы», «Первый винокур», «Детские рассказы» и «Сказки» Л. Н. Толстого, «Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Сигнал» В. М. Гаршина, «Бурлак» И. С. Никитина, «Белый пудель» и «Слон» А. И. Куприна, «Нечистая сила» А. Н. Толстого.

Многие из переведенных с русского на чувашский язык произведений, особенно крупных по объему прозаических и драматургических произведений, не могли быть изданы в названные годы из-за отсутствия необходимых полиграфических средств и в силу той хозяйственной разрухи, в условиях которой труда-

шиеся начинали строительство нового, социалистического государства. Несмотря на эти трудности работа по переводу и изданию на чувашском языке наиболее популярных произведений русской и зарубежной художественной литературы продолжалась. Были переведены, кроме названных и изданных, отдельные рассказы, повести, стихотворения и поэмы, пьесы и драмы А. С. Грибоедова («Горе от ума»), И. С. Тургенева (отдельные рассказы из «Записок охотника»), Н. В. Гоголя («Женитьба», «Ревизор»), А. Н. Островского («Светит да не греет», «Лес», «Не все коту масленица», «Бедность не порок», «Трудовой хлеб» и др.), А. М. Горького («Челкаш»), Мольера («Скупой», «Мнимый больной», «Жорж Данден»), Бомарше («Свадьба Фигаро»), Шиллера («Коварство и любовь»), В. Гюго («Король веселится», «Мария Тюдор», «Эрнани»).

В. И. Ленин указывал, что революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубины на поверхность жизни. Величественные события, в корне менявшие весь уклад жизни чувашского народа, будили его творческие силы, открывали необозримые перспективы свободного роста народных талантов, всестороннего развития новой литературы и искусства.

Важным событием в развитии национального искусства явилось создание в 1918 году в Казани Чувашского передвижного театра. В январе 1918 года студент Казанского художественного училища И.С.Максимов-Кошкинский сформировал из студентов и учащейся молодежи чувашскую труппу, и она сыграла первый в истории чувашский спектакль. Была поставлена переведенная на чувашский язык драма А.Н.Островского «Не так живи, как хочется».

Труппа расширялась и росла и составила потом ядро профессионального театра. Театр собирал вокруг себя первых деятелей сценического искусства и чувашской советской драматургии и содействовал выявлению незаурядных талантов исполнителей, режиссеров, драматургов: И.Максимова-Кошкинского, П.Осипова, О.Ырзем, Г.Парнэ, К.Егорова и многих других. На сцене театра шли оригинальные пьесы первых чувашских драматургов Ф.Павлова, Г.Зайцева, М.Акимова, Н.Ефремова и переведенные впервые на чувашский язык произведения русской и зарубежной драматургии.

Скованные на протяжении сотен лет условиями царского режима мысль и чувство народных масс с первых дней революции прорвались наружу и забили бурным ключом. Свое проявление они нашли, кроме других сфер общественной деятельности, в огромной тяге трудящихся, особенно молодежи, к печатному слову, к литературному творчеству.

Зачинателями чувашской советской литературы явились передовые представители той части старой чувашской интеллигенции, которая без колебаний пошла на службу революционному народу и имела некоторый опыт литературно-творческой работы в дореволюционное время, и революционная молодежь, сочетавшая борьбу с оружием в руках против врагов революции с выступлением на страницах первых чувашских советских газет и журналов с произведениями, призывающими трудящихся к защите республики Советов.

Газеты и журналы в обилии стали заполняться стихами, песнями и рассказами многочисленных корреспондентов от сохи и станка. Все эти разные по форме и содержанию, по степени умения писать, очень часто сырые и литературно несовершенные произведения исполнены были революционного пафоса и чувства всеобщего обновления жизни, гневного обличения подневольного прошлого.

Легкий ветерок родных полей,
Я теперь тебя вольней.
Ты лети, поведай солнцу и луне,
И всему живому на земле:
В прошлое ушел прогнивший век,
Навсегда теперь свободен человек...¹—
(Пер. М. С.)

писал один из начинающих поэтов-корреспондентов журнала «Заря».

В первое время творчество этих самодеятельных художников слова, да и чувашских писателей с опытом, дальше выражения чувств восторга и радости по поводу наступления новой эры и отвлеченно романтического прославления революции еще не шло. Многочисленные поэтические декларации затрагивали по преимуществу лишь эмоциональную сторону общественных событий. Это было характерно не только для лирических, но и прозаических жанров. Под статью, например, приведенному выше стихотворению звучала новелла одного из первых чувашских советских писателей И. Ундрיצова (Агах) «Однажды утром», в которой, как и во многих революционно-романтических стихах, основным выступает всеобъемлющий мотив радости избавления от пут старого мира.

Но с приближением грозной опасности завоеваниям социалистической революции, в обстановке загоравшейся в стране гражданской войны, когда партия подняла народ на отечественную войну против нашествия войск иностранной интервенции, против мятежей свергнутых революцией эксплуататорских классов, молодая чувашская советская литература начинает приобретать

¹ Журнал «Шурāмпұс» (Заря), № 1 (7). Казань.

действенный характер, подчиняет себя прямым целям защиты революции и упрочения советской власти.

К лету 1918 года чувашский край оказался вблизи и в районе непосредственных военных действий между вооруженными силами революции и контрреволюции. Казань очутилась в руках контрреволюционной белогвардейщины. В уездах вспыхивали кулацкие восстания. Начались контрреволюционные террористические акты учредиловцев против трудящихся. В. И. Ленин тогда указывал, что вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого.

Вместе с вооруженными отрядами рабочих Москвы, Петрограда, Нижнего Новгорода и других городов поднялись на защиту социалистического отечества и трудящиеся Чувашии. Один из первых чувашских советских писателей, Г. Зайцев (Талмурза) на события под Казанью отозвался стихотворением «Красное знамя», в котором выражал твердую решимость чувашских трудящихся отстоять дело революции:

В потоках солнечных лучей
Свободы рдеет знамя.
Мильоны трудовых людей
Под это знамя встали.
В ряду с другими мой народ
Под этим знаменем идет
На смертный бой с врагами...¹

(Перевод М. С.)

Осенью 1918 года Казань, Симбирск и районы Казанского Поволжья были очищены от белогвардейцев. Приветствуя победу, В. И. Ленин писал: «Пусть служит она залогом, что союз рабочих и революционных крестьян разобьет до конца буржуазию, сломит всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечит победу всемирного социализма»².

Суровое дыхание фронта вновь охватило чувашский край весной 1919 года. К Волге приблизилась новая волна вооруженной контрреволюции — армия Колчака. Восточный фронт снова стал главным. И вновь с удесятенными силами встал революционный народ на пути врага. 5-ая и 2-ая армия Восточного фронта, отражавшие натиск Колчака, насчитывали в своих рядах целые подразделения и части, созданные из воинов-чуваш. На Восточном фронте дрались против врага многие из первых чувашских советских писателей. Великая народная война вдохновила их на создание революционно-патриотических произведений, которые и положили начало истории чувашской советской литературы.

¹ Рукописный фонд ЧНИИ. Фонд Г. В. Зайцева—Талмурза.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 74.

Поэт и прозаик И. Ундрицов (Агах) (1898—1920), работник красноармейской чувашской газеты «Голос бедноты» при политотделе 5-ой армии Восточного фронта, выступает с новеллами и стихотворениями, в которых прославляет силу и мощь освобожденных Октябрем трудящихся, клеймит позором врагов революции, пытающихся вернуть старые порядки, призывает трудовые массы к разгрому вооруженных сил контрреволюции.

Идея правого дела трудящихся в справедливой войне, которую они вели против белогвардейцев, отчетливо видна во всех его произведениях, написанных во фронтовой обстановке, и в частности в новелле — «Двое павших».

«На взгорье издали виднеются тела двух павших в бою. Кто они? С каких пор стали врагами один для другого? Почему убили друг друга? Один из них — буржуйский сын, офицер, унес с собой несбывшийся замысел: восстановить царские порядки и жиреть на поте и крови трудящихся. Другой — бедняк, хлебороб. Он прозябал в нужде, терпел издевательства и гнет богатеев. Он умер, защищая свободу, отстаивая светлое будущее трудящихся.

И лежат двое бездыханных. У одного белые, пухлые руки, у другого — черствые, потрескавшиеся от тяжелой работы, мозолистые.

А там, за горой, слышен орудейный гул, уходящий все дальше и дальше. Он гонит и сокрушает врагов...»

Та же идея лежит в основе пьес и стихотворений драматурга и поэта Г. Зайцева-Талмурза (1895—1921), в его пьесе «Заря новой жизни», проникнутой пафосом революционного обновления жизни, в «Песне бедноты», исполненной веры в торжество победы трудящихся.

...Если злобный враг
Вновь подымется,
Наше дело
Захочет пограть,
С песней звонкою,
Наточив штыки,
Дружно ринемся
На вражью рать.
Вихрем-бурею
Понесемся в бой,

Разнесем врага
В пух и прах.
А потом домой
Мы воротимся
И возьмемся
За наши дела.
Мы сплотим в семью
Все народы стран
И построим
Коммуну труда.

(Перевод М. С.)

К теме мобилизации всех сил трудящихся на борьбу с силами контрреволюции обратился также И. Ефимов—Тхти (1889—1938), начавший творческую деятельность еще до революции. В 1919 году он создает первое пореволюционное поэтическое произведение, тесно связанное с жизнью масс, отражающее один из острых моментов политической жизни молодой советской республики рабочих и крестьян в годы гражданской войны,—поэму «Колчак».

Поэма «Колчак»—самое значительное произведение И. Тхти. Писалась она в обстановке непосредственных боевых действий молодой Красной Армии против полчищ Колчака. Изданная во фронтовой печати массовым тиражом, поэма приобрела особо широкую известность среди красноармейцев—чуваши, сражавшихся на Восточном фронте. Не меньшей популярностью пользовалась она и в тылу. По рассказам очевидцев, участников боев против Колчака, не было чувашского красноармейца, не читавшего или не слышавшего этой поэмы. В чувашских деревнях она инсценировалась и исполнялась самодеятельными драматическими кружками при неизменном стечении большого количества зрителей.

Острый и едкий язык, сдобренный солоноватыми народными поговорками и пословицами, выпукло карикатурные образы врагов трудящихся: ставленника Антанты адмирала Колчака, продувного плута купца, обжоры попа, кровососа кулака, контрреволюционной военщины,—придают поэме особый плакатно-сатирический колорит. Она и воспринималась читателями и слушателями как бьющий не в бровь, а в глаз врагов революции яркий политический плакат.

В совершенстве владея богатыми изобразительными средствами устно-поэтической речи родного народа, Тхти просто и доступно раскрывал перед неискушенными еще в сложных политических вопросах, а подчас и недостаточно разбиравшимися в сущности военных событий трудящимися чувашской деревни коварные замыслы белогвардейских и империалистических хищников, призывал трудовые массы к решительной борьбе с силами контрреволюции, вселяя уверенность в победе над врагами.

Народно-песенный стих как нельзя лучше дополнял простоту стихотворного рассказа:

Адмирал Колчак
По морям ходил,
С бражкой царскою
Кумовство водил,
Из народных жил

Кровь, что воду, пил.
Но пришла пора,
Поднялся народ,
Колчака того
Взял за шиворот.

(Перевод М. С.)

Выброшенный революцией Колчак уподобляется поэтом кровожадному волку, о котором народ сложил поговорку: «Не отучишь волка кровь живую пить». Так и злобный враг трудящихся, белогвардейский адмирал, сбжав в Сибирь, сколачивает вокруг себя весь контрреволюционный сброд, чтоб вернуть старые царские порядки:

Хочет жизнь повернуть
Он с друзьями вспять,

Кровь народную пить
Норовит опять...

(Пер. Н. Черепановой¹)

¹ Все последующие отрывки из поэмы «Колчак» даются в переводе Н. Черепановой.

Конечные цели у этого сброда с Колчаком общие:

Чтобы снова у народа
Захребетниками жить...

В подчеркнуто ироническом тоне описываются автором поэмы соумышленники «верховного правителя», собравшиеся за круглым столом для злого сговора. Вот представитель церкви, у которого «пузо, что копна соломы».

Он от жиру чуть живой
Поглядите, братцы,
И откуда б у него
Столько жиру возьмется?
Золотым крестом—вперед,
Рожа—шире решета,

Беспреданно ест и пьет,
Видно вкусная еда.
Рядом с ним сидит купец,
Первой гильд'чи подлец,
Напомадил голову,
Глазки, как у борова.

Тут же «точно куры на нашесте» расположились в ряд белогвардейские офицеры:

Всех чинов и всех сортов,
Волчьи пасти вместо ртов,
Что улыбка, то—оскал,

Где Колчак таких сыскал?
Где набрал он их таких,
Без стыда, без чести?

В уста Колчака, ведущего разговор со своими пособниками, поэт вкладывает слова, которые ясно вскрывали истинный смысл действий белой армии:

На святой Руси, как встарь,
Снова будет править царь...
Слушай дальше речь мою
(Что ни слово—хлеще!)
Снова землю отдаю
Господам помещикам.
Фабрикантам—навсегда

Фабрики, заводы.
Пролетариям тогда
Зададим „свободу“!..
Пусть почешутся бока
От плетей у бедняка,
А не нравится кому,
Так, пожалуйста, в тюрьму...

Словами самого же Колчака разоблачается и та темная сила, которая стояла за ним и вдохновляла его на поход против республики Советов: империалисты Японии, Франции, Англии и Америки.

Нам поможет Англия,
Не оставит Франция...
Нам Америка пришлет

Обмундирование.
Все, что надо, без отказа
Нам друзья доставят сразу.

Но «услуга за услугу», и совет белых разбойников единогласно приговаривает отдать Японии сибирские леса, Англии—золотые прииски, Франции и Америке право беспошлинной торговли и участия в прибылях с фабрик и заводов, с железных дорог. Поддерживая Колчака,

Поп широкий крест кладет,
Пузо осенняя,
Он встает и речь ведет:

— Братия честная!
Все, что требуют сейчас,
Я бы все им отдал.

На святой Руси у нас
Мало ли народу!
Он—отроду в хомуте,
Знаем мы на деле.

Наши братья во Христе
То ль еще терпели!
Им работать, как ни кинь. Аминь!

Описание преступной банды завершается сценой пира.

Затянула с перепую
Волчья стая песню:
— Нам бы пить да гулять,
Нам бы век пировать,
Нам бы жить не тужить,

Кровь народную пить.
Пусть потеет народ,
Спину гнет мужичье,
Только б нам, господам,
Попривольней житье!

Но злым козням белогвардейщины и ее вдохновителей, империалистических заправил, не суждено сбыться, и автор поэмы говорит:

Не вернуть им жизни той,
Не вернуть, хоть тресни.

Презрение и саркастический смех вызывает у читателей картина потерявших всякое человеческое обличие врагов трудящихся:

Пьет, гуляет барский сброд,
Льет рекою вина,
Кто посмотрит—не поймет,
Люди иль скотина?..

В презрительном смехе и едкой иронии над выброшенными силой пролетарской революции за борт обломками эксплуататорских классов видна непоколебимая вера в победный исход для рабочих и крестьян гражданской войны, навязанной империалистами Антанты молодой Советской России.

Сатирическая поэма «Колчак» сыграла для чувашских трудящихся такую же большую политико-воспитательную роль, как и сатирические песни и частушки Демьяна Бедного, о которых М. И. Калинин отзывался как о произведениях, зажигавших революционным огнем сердца трудящихся и укреплявших бодрость духа в труднейшие минуты борьбы.

Трудно в переводе хоть в малой доле передать художественное своеобразие поэмы, построенной на обильном употреблении образных, т. н. идиомных, выражений, взятых из народной речи, в сочетании с ритмом чувашских сатирических такмаков (приближенно напоминающих русские частушки). Но в отличие от традиционных, канонизированных метафорических образов, эпитетов, сравнений в такмаках, заключенных в строгую катренную строфику, где первые две строки составляют обычно образную параллель для последующих двух, в которых и раскрывается прямой смысл изображаемого, Тхти отказывается от этой параллели. Он непосредственно повествует об интересующих его событиях,

не заслоняя и не затемняя их прямого смысла. Наоборот, он всячески старается усилить реализм повествования путем привнесения точных сравнений, образных определений. Портрет Колчака им дан, например, в таких словах: «остроносый, ястребиноглазый, сухолицый», купца—«масляноволосый, щуроглазый», генерала—«звездоплечий», «топо-топо-ногий» и т. д. Офицеры у него—«точно куры на нашесте», поп—«дышит тяжело, как корова с мельничихина двора».

Поэма пересыпана народными пословицами и поговорками, вроде «сухая ложка рот дерет», как нельзя хорошо раскрывающей продажность нравов белогвардейских генералов, оптом и в розницу торгующих родиной, или «кёпсе пултар сыпакла, самах пултар татакла» (смысл русской поговорки: слово—олово), поговоркой, подтверждающей стремление сил контрреволюции во что бы то ни стало вернуть, восстановить старорежимные порядки.

Ясный и понятный для всех иносказательный характер этих выражений, усугубляя политическую остроту идейного содержания поэмы, конкретизировал смысл описываемых и разъясняемых поэтом политических и военных событий, а доступный, доходчивый и привычный для слуха ритм такмака облегчал запоминание и усвоение задач борьбы рабочих и крестьян против сил контрреволюции.

Общественные события и явления действительности, определявшие идейное и практическое содержание жизни и борьбы чувашских трудящихся периода утверждения советской власти и закрепления завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и кануна перехода молодой советской страны от гражданской войны к мирному созидательному труду, нашли наиболее рельефное отражение в творчестве поэта-публициста и лирика М. Сеспеля (1899—1922).

Ярко выраженные новаторские черты его поэзии—поэтизация освобожденного труда и нового человека, определение в качестве главной задачи чувашской советской литературы активное ее участие в просвещении сознания трудящихся в революционном духе и в организации их сил на переустройство жизни на социалистических началах—выдвинули Сеспеля на роль основоположника чувашской советской поэзии.

Большую работу провел Сеспель по собиранию и сплочению молодых литературных сил, по разработке новых творческих форм развития чувашской литературы.

Поэтическое мастерство самого Сеспеля, развившееся на основе творческого усвоения опыта русской классической поэзии, критического освоения литературного и устно-поэтического наследия чувашского народа представляет лучшее, что дала чувашская советская литература начального периода ее развития¹.

¹ О творчестве М. Сеспеля см. в нашей работе «М. К. Сеспель (очерк жизни и творчества)». Чувашгосиздат, Чебоксары, 1949.

* * *

Художественное разрешение темы коренного поворота в жизни чувашского народа и перехода его к новому, советскому укладу в обстановке ожесточенной классовой борьбы неизменно проводится первыми чувашскими советскими писателями в плане отрицания старого и утверждения нового. Это отрицание было направлено против подневольного прошлого, далекого и близкого (против патриархально-общинных пережитков в общественной жизни деревни, засилья кулачества и фискальных учреждений), косного быта, рутины и темноты в предреволюционный период, против потуг и попыток разбитых революцией эксплуататорских классов и буржуазных националистов сохранить и в советское время в девственной чистоте чувашскую патриархальную «самобытность».

Органическая ненависть широких трудовых масс чувашского народа к «свинцовым мерзостям» феодально-буржуазных порядков, усиленная во стократ в ходе социалистической революции, неизбежно толкала первых чувашских советских писателей, прежде всего, именно, к критико-обличительному показу прошлой жизни. И многие писатели создали на эту тему произведения значительной художественной силы и реалистического звучания. Такие произведения, как комедия «В суде» Ф. Павлова, драма «Богач Карук» Н. Ефремова, трагедия «Вина сильных» Г. Зайцева, отмечены печатью знания и умелого художественного обобщения многих типических сторон предреволюционного бытия чувашского народа.

Утверждение нового шло через отрицание и обличение прошлого. Интересное художественное преломление этот процесс нашел в творчестве Ф. Павлова (1892—1931), музыкальная и литературная деятельность которого обогатила чувашскую музыку, песенное искусство и литературу первых лет советской власти многими реалистическими произведениями.

Еще в годы учения, а затем работы в качестве учителя музыки и пения в Симбирской чувашской учительской школе (1907—1916) Ф. Павловым был записан и гармонизирован ряд чувашских народных песен, созданы лирические стихи «Пчелка», «Красавица», «Экспромт», «Любимая», баллада «Метелица». Он принимал участие в составлении либретто оперы по поэме «Нарспи» К. Иванова, с которым его связывала большая дружба и общие интересы развития чувашского национального искусства.

После революции Ф. Павлов окончил юридические курсы и работал народным судьей, учителем в сельской школе, преподавателем пения и музыки в Чебоксарском педагогическом техникуме и музыкальной школе, руководителем Чувашского государственного хора.

В 1919 году Ф. Павлов выступил с первой оригинальной чу-

вашкой комедией «В суде». Еще до опубликования в печати¹ она исполнялась любительскими драмкружками, а вскоре стала ставиться на театральных и клубных сценах и приобрела такую же популярность, как и поэма «Нарспи» К. Иванова, баллада «Леший» М. Федорова, стихи М. Сеспеля.

Темой одноактной с прологом комедии «В суде» драматург избрал быт и нравы людей чувашской деревни кануна Октябрьской социалистической революции. Содержание комедии составляет судебный разбор бытового происшествия в крестьянской семье. Крестьянин—старик Ухтерке пожаловался мировому судье на притеснения снохи, молодой вдовушки Степаниды. Старик, свёкор Степаниды, недоволен своей снохой и за частое слушание, и за непокорство, и за недостаточное внимание к нему. Ссоры доходят иногда до потасовок. После одной из очередных «схваток» со снохой, разгневанный Ухтерке прибегает к помощи правосудия.

«Гражданин Артемий Ухтеркин заявил мне, мировому судье, что третьего дня сноха, Степанида, выгнала его из собственного дома, причем кинула ему в спину сухим навозным комом...—читает судья заявление потерпевшего.— А потому он, Ухтеркин, просит привлечь сноху, Степаниду, к законной ответственности... Причем указал свидетелей, одножителя Герасима Криворотова и одножительницу Агриппину Каюрину».

Действия комедии разворачиваются вокруг разбора заявления и показаний потерпевшего, обвиняемой и свидетелей. Конфликт начался с небольшого, с взаимных попреков свекра и снохи. Сноха попросила свекра сходить за водой. Тот дал понять, что это лучше сделать ей, молодой. Вспыльчивая Степанида надерзила старику. Артемий, в свою очередь, стал упрекать ее за нерадивость и лень. И дело дошло до судебного разбирательства.

Суд выясняет, что серьезных причин для наказания Степаниды нет. Да и сам Ухтеркин осознает, что он поступил необдуманно, поспешив вынести «сор из избы». Стороны примиряются. Сноха, пользуясь благодушным настроением свекра, испрашивает у него согласие выйти замуж за Криворотова. А развеселившийся мирным разрешением спора Ухтеркин на вопрос судьи: прощает ли он снохе Степаниде, при общем смехе присутствующих на суде заявляет:

— Можно! Прощаю! Пиши: простил. Да не забудь добавить, что, мол, и сам собирается жениться на Аграфене.

Болтливый и легкомысленный Ухтеркин, вспыльчивая и сварливая Степанида, недалекий и спесивый Криворотов, тихая и забитая Аграфена, подхалимистый секретарь суда, чванный судья—таков облик действующих лиц. На столкновении и раскрытии контрастных характеров и построена вся эта комедия. Вместе с

¹ Журнал «Шурампус» (Заря), № 5, ноябрь 1919. Казань.

тем в ней есть одна общая основа комического: ограниченность, узость, отсталость взглядов героев на окружающий мир.

Драматург и ставит прежде всего целью ответить на вопрос: в чем причина того, что они выглядят такими? Ответ на это находят сами зрители: старый общественный порядок жизни подавлял в людях все положительное и предоставлял простор всему отрицательному, достойному в новых условиях жизни лишь веселого, но осуждающего смеха.

Невольно в связи с этим припоминаются слова К. Маркса: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда несет в могилу устарелую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия. Богами Греции, однажды уже трагически раненым на смерть в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз комически умереть в «Разговорах» Лукиана. Зачем так движется история? За тем, чтобы человечество смеясь расставалось со своим прошлым»¹.

Герои комедии — крестьяне-бедняки, люди темные, неграмотные. Редкий из них бывал за пределами своей деревни. Все они поглощены заботами о хлебе насущном. Такие условия жизни неизбежно порождали всевозможные уродливые явления в быту людей труда, калечили их нравственный облик.

Вот перед зрителями проходит худошавый и юркий старичок с клочковатой задорно торчащей бородкой. Балагур и остролов Ухтерке знает множество смешных историй из жизни своих соседей и односельчан, но рассказать толком, чего он добивается, не может. Порой он завирается до того, что и сам начинает верить в свою выдумку.

Отчаянная бедность и беспросветность существования доводит Ухтерке до того, что он, наделенный от природы острым умом и наблюдательностью, добрым сердцем, постепенно и незаметно для себя превращается в неуживчивого в семье и ехидного в обществе, безудержного на язык человека, болтливость и легкомыслие которого становятся нарицательными и вызывают раздражение не только снохи, но и соседей. Ухтерке давно уж не верит в возможность восстановить свой авторитет не только в кругу своих односельчан, но и в собственной семье, и когда ему становится действительно невмощно, то он поневоле вынужден обратиться к авторитету «законности» (будь хоть она и времен кренщины), но и там не находит поддержки. Это толкает его на новый курьез: необдуманную женитьбу на молодой Аграфене.

Ухтерке хочет покойной, мирной старости, добрых отношений со своей снохой, единственной работницей в доме, и чувствуя, что собственными силами сделать это не в состоянии, обращается в суд. Он добивается от суда не наказания для своей снохи, — отнюдь, нет, — а всего лишь авторитетного внушения ей необходимости уважать старость. На вопрос судьи: не хочет ли

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 389.

старик посадить Степаниду в тюрьму, Ухтерке искренне удивляется и начинает просить судью не делать этого.

— Что вы, что вы? В тюрьму? Нет-нет! И даже слова этого не упоминайте! Вы просто уговорите ее исправиться. А больше мне ничегошеньки не надо. (Шепчет на ухо судье.) В долгу у вас я не буду: пятиалтынный пожалуйю.

Свидетель Герасим Криворотов такой же бедняк, как и Ухтерке, но он моложе, смелее и развитее его. Круг познаний этого «бывалого» человека несколько шире, чем у других крестьян. Но Криворотов, хотя и побывал на военной службе, мало вынес оттуда полезного для себя и для других. Правда, он немного понимает в русском языке. Однако его познания в нем не выходят за пределы общеупотребительных фраз из солдатского лексикона: «так точно», «не могу знать», «чего изволите», «слушаюсь». Усвоил же он из этой армейской «культуры» лишь подобострастное отношение к сильным да пренебрежительный тон к тем, кто слабее его. Когда Ухтерке, изумленный вероломным поведением Криворотова на суде, восклицает:

— Ну и ну! Никак не ожидал от тебя такой подлости, братец мой. А я то думал: вот, мол, хороший малый!

Криворотов, нимало не смущаясь от укоров Ухтерке за облыжные показания суду, высокомерно отвечает:

— Не трезвонь попусту, старый дурак! Какой я тебе братец? Для кого, может быть, и братец, а для таких дурней, как ты,— господин Герасим Федорович Криворотов Второй! Понял?

Корыстолюбивый Криворотов способен без зазрения совести наговорить даже на своего ближнего, припугнуть или посулить ему поддержку, а через час невинным и бесстрастным тоном заявить: знать ничего не знаю, «ни базар не бывал, ни Спани не гулял», оболгать и представить Ухтерке и других в самом невыгодном для них свете, такова та «культура», которой набрался Криворотов.

Сноха Ухтерке, Степанида, своенравная и сварливая женщина. На суде перед «начальством» она сдерживает себя, робеет при ответах на вопросы судей, и лишь во время перекоров со свекром к ней возвращается смелость. Свидетельница Агриппина Каюрина, тихая и забытая женщина, и совсем теряется на суде. Ей страшны и судьбы во всем великолепии их мундиров, и Криворотов, который тычет в бок и сулит всякие неприятности, если она будет давать показания в пользу Ухтерке. Обе женщины совсем не понимают русской речи, боятся казенной бумаги. Самым лучшим для себя они считают представить виденное невиденным, слышанное неслышанным, и в меру своих способностей неуклюже хитрят и изворачиваются, чтобы только избавиться от тех напастей, которые только и может принести, по их мнению, суд, безразлично: виноваты они или нет.

Пьеса едко высмеивает бюрократический характер буржуазного суда, продажность нравов судейских чиновников, прямо

указывает на то, что суд периода Временного правительства ничуть не изменил традиции царского судопроизводства.

Показывая через образы комедии изнанки быта и нравов людей чувашской деревни предоктябрьского периода, драматург дает понять, что и Ухтерке и все другие персонажи комедии не лишены зачатков положительного. Так, в Ухтерке проглядывает острый ум и живой юмор. Криворотов при всех его недостатках и пороках не лишен чувства человеческого достоинства. Степанида органически не переносит лжи и неправды. И если эти положительные начала заглохли и не развились в них, то виной тому были дикие порядки старой жизни, при которых человек человеку был волк.

В комедии Ф. Павлова нет ни сценически выигрышных картин и эпизодов, ни занимательной интриги, и тем не менее она очень живо воспринимается зрителями. Все это достигается исключительно средствами языка. При помощи живого и сочного народного языка драматург лепит яркие образы, резко отличающиеся один от другого. Особенности характера и психического склада каждого персонажа выявляются прежде всего в языке: в словаре, в особенностях построения речи, в интонациях и паузах, в манере речи.

Драма «В деревне», начатая автором еще в 1916 году и законченная в первые годы советской власти, изображает жизнь чувашской деревни периода первой империалистической войны. Однако на первом плане в этой драме стоят не общественные явления и отношения—это бытовая драма. Слов нет, драматург, реалистически изображающий быт и нравы людей различных социальных слоев предреволюционной деревни, не мог миновать показа социальных противоречий, которые непосредственно сказывались в быту, семейных связях и отношениях людей деревни.

Личная трагедия главных героев четырехактной драмы—девушки Елюк и бедного крестьянского парня Ванюка—обусловлена прежде всего социальными причинами: захватнической империалистической войной, беспощадно разорявшей крестьянское хозяйство и разрушавшей жизнь миллионов людей деревни, неприкрытым грабежом и прямым насилием мироедов деревни—кулаков над беззащитными вдовами и солдатками.

Жизнь Елюк и Ванюка безжалостно разбивается из-за грязных притязаний сельского богатея Степана.

Канун войны. Девушка из зажиточной семьи Елюк против воли мачехи выходит замуж за бедняка Ванюка. Жизнь юной пары скудна, но молодые уверены в своем будущем. Однако мирной жизни и счастью Ванюка с Елюк скоро приходит конец. Начинается война. Она нарушила и поломала тихую и застойную жизнь глухой деревни. Вместе с другими покидает свою семью и Ванюк.

Ванюк, как и другие, не знает причин этой страшной войны, свалившейся, как снег на голову. Для него и других она такое

же стихийное бедствие, как пожар или эпидемия. Ясно лишь одно, что мало кому из них придется вернуться целыми с войны, и мобилизованные изливают чувства в полной горя и тоски песне:

Сквозь звезды видим мы дорогу,
По ней, наверно, и пойдем.
Но только вряд ли мы вернемся
Назад в родимый бедный дом.

Елюк остается с малым ребенком. К тоске разлуки по любимому и родному человеку добавляется новая беда: смерть ребенка и гнусные домогательства кулака Степана, которому безнаказанно сходят все его грязные любовные похождения и издевательства над вдовами и солдатами. Беззащитной остается и Елюк. Долго противится она грязным желаниям Степана, крепя себя надеждой на возвращение Ванюка. Но злодейская проделка Степана—сочиненное им поддельное письмо о смерти Ванюка—сокрушает волю Елюк. Поверив ложному сообщению, она уступает домогательствам богатея и дает согласие стать его женой.

Во время шумного свадебного пира внезапно заявляется Ванюк, бежавший из плена, раненный. Потрясенный и возмущенный происходящим Ванюк требует возвращения Елюк к нему, но она уже обвенчана со Степаном и нарушить церковный обряд не находит сил и мужества. В отчаянии и ярости Ванюк выстрелом из ружья убивает Елюк.

Драма «В деревне», как и комедия «В суде»,—обличительное произведение. Непосредственным виновником трагедии Ванюка и Елюк выступает кулак Степан, утративший всякий человеческий облик, существо аморальное, действиями и поступками которого движет животная страсть. Сила богатства позволяет ему безнаказанно творить произвол и насилие. Разнузданные действия и разбойничьи происки Степана держатся на темноте и неграмотности людей деревни, на бытовых и религиозных предрассудках, заботливо опекавшихся царизмом. Царская власть создавала и всячески укрепляла почву для злодейства таких людей, как кулак Степан.

Приниженное и бесправное положение чувашского населения, как угнетенной национальности в условиях царской России, с особой силой сказывалось в жизни крестьянской бедноты. Беднота чувашской деревни была в гораздо большей степени забита, нежели в русской деревне. Это обстоятельство создавало полный простор действиям таких типов, как Степан, которые чувствовали себя среди придавленных и социальным и национальным гнетом сородичей, особенно бедноты, удельными князьями. Слово и дело этих богатеев было для бедняков непреложным законом. Таким деспотом и выглядит Степан. Он походя разбивает жизнь мачехи Елюк—Прчкан. Не успев похоронить забитую под пья-

ную руку жену, Степан делает Прчкан своей наложницей, прибирает к своим рукам ее имущество и, не довольствуясь ласками дебелий вдовушки, тут же тянется грязными лапами к красавице Елюк, чтобы надругавшись над молодой женщиной и не чувствуя ни малейших угрызнений совести перейти к очередной жертве.

Обмануть неграмотную Елюк подложным письмом, подкупить старую Яскар деньгами, разорить Прчкан, обвинить вернувшегося домой по ранению Ванюка в дезертирстве для Степана естественно и просто. Таков этот зверь в облики человека.

Жертвами Степана последовательно становятся жена, затем Прчкан и наконец Елюк. Елюк—девушка, верная чувству любви и дружбы. Наперекор матери она выходит замуж за Ванюка. Как тонкая лозинка под защитой большого дерева, она чувствует себя сильной и смелой, пока с ней рядом любимый человек. Но как только Елюк остается одна, опора уходит из-под ее ног.

Молодая, не умудренная жизненным опытом, опутанная с головы до ног косными патриархальными порядками и религиозными предрассудками, темная и неграмотная женщина не находит ни в ком поддержки и сил в преодолении невзгод, которые следуют одна за другой. В ней еще теплится огонек веры в счастливый исход. Она ждет мужа. Но Степан безжалостно гасит эту веру. Елюк бросается в воду при известии о гибели Ванюка, но ей не дают умереть. Возвращенная против своей воли к жизни Елюк испытывает боль и стыд, унижение и раскаяние от сознания, что осталась жить, и, растеряв остатки веры в себя, безвольно отдается Степану. Из состояния душевной летаргии ее не может вывести даже возвращение Ванюка. Дикие порядки жизни сминают и растапывают Елюк.

Ванюк — юноша-бедняк, человек решительный и смелый, способный постоять за себя, но он не всегда бывает в состоянии подчинить свои чувства рассудку. Ненавидя Степана, Ванюк видит в нем не только личного врага, но и врага всей бедноты. Во время столкновения в доме Прчкан Ванюк открыто говорит ему: «Эй, ты, народный кровосос! Берегись! Встречусь один на один — не пощажу. Если опустится мой кулак на твою голову, то ей либо вдребезги разлететься, либо до смерти звенеть».

Но ненавидя Степана как личного врага, он еще смотрит на него как на человека. Однако потом убеждается, что это хищник, полностью утративший человеческий облик. Вернувшись с войны, Ванюк становится свидетелем гнусной сцены: он оказывается на свадьбе своей жены. Яростно обличает Ванюк перед свадебной толпой Степана: «Мы на войне кровь проливаем, а ты здесь жен наших насилуешь?... Так пусть кровь, пролитая мной на фронте, падет на твою голову!»

Страстно умоляет он Елюк покинуть Степана и вернуться к нему, но не встречает отклика. «Так, значит, не мил стал тебе человек в изодранной серой шинели? Не признаешь? А я

рвался к тебе всей душой. Ради тебя я бежал из австрийского плена, переплыл Дунай!.. Сбрось этот позорный наряд, или я собственными руками сорву его!.. Последний раз я спрашиваю тебя: вернешься ко мне или нет?..» Елюк молчит. Крик Степана «ловите его, дезертира» выводит ее из оцепенения, она отказывается вернуться к Ванюку. Ванюк переводит направленный сначала на Степана револьвер на Елюк и стреляет в нее.

Оружие бьет мимо цели. Чувство ревности заслоняет в Ванюке сознание виновности во всей этой драме Степана, а не Елюк. Ярость, которую копил на фронте и в плену Ванюк против зачинщиков войны — царского самодержавия и буржуазии, против их представителей в деревне в лице старшин, урядников, кулака Степана, расплескалась до времени и обрушилась на невинную голову. Выстрел оглушает толпу, она в смятении застывает. Поступок Ванюка пугает ее. Большинство еще во власти влияния Степана, и когда Степан предлагает связать Ванюка, некоторые из толпы, не смея ослушаться богатея, бросаются исполнять его приказание. Лишь отдельные, вроде старика Мусси, начинают понимать, что устои степановой власти уже колеблются и сила переходит на сторону Ванюка и его товарищей-фронтовиков.

Столкновение стремлений и интересов действующих лиц показывается драматургом преимущественно в бытовом плане. Главное место в пьесе занимает история семейной драмы Елюк и Ванюка со всеми частно-бытовыми подробностями. Общественная борьба, конкретные исторические события и явления, составляющие социальный фон драмы, раскрываются больше всего через ремарки и реплики второстепенных персонажей. Так, вестником войны, вторгающейся в сознание людей деревни как начало огромных бедствий, а в жизни Елюк и Ванюка как конец их личному счастью, выступает староста, олицетворение царской власти на селе. Из уст Палли, друга Ванюка, зритель узнает о росте недовольства войной среди солдатских масс, о нарастании их гнева и возмущения царскими порядками. Интересен в этом смысле диалог Степана и Палли:

— Наши, говорят, побеждают.

Кто говорит?

— В газетах пишут.

Они врут. Мы, солдаты, им не верим.

— Царь, будто бы, сказал: «Гору трупов положу, а врагу не сдамся».

Ему сказать это нетрудно: кровь-то он не свою льет.

Перелом в ходе войны настроения крестьянской бедноты, начатки пробуждения широких трудовых масс и рост ненависти к царскому строю, к кулачеству отражается и в сцене перебранки Мусси с кулаком Степаном. Смелые обличительные реплики Мусси, недавно заискивавшего перед Степаном, лишний раз подкрепляют это положение.

Пьеса «В деревне» закончена Ф. Павловым в советское время, когда дикие порядки царского времени были уже вчерашним днем трудящихся. Так ли была остра необходимость в произведениях на эту тему? Да, эта тема сохраняла свою злободневность. Драма имела (и до сих пор сохраняет) не только познавательное, но и большое значение в воспитании трудящихся в духе ненависти к врагам народа, нетерпимого отношения к пережиткам старой жизни и быта, любви и уважения к новой жизни, принесенной Октябрьской социалистической революцией.

Драматург без прикрас показывает быт и нравы людей старой деревни со всеми их пороками и недостатками, утверждая мысль, что в советских условиях жизни не может быть места уродливым явлениям, изображенным в пьесе.

Ф. Павлов хорошо знал жизнь и быт чувашского народа, живой и образный народный язык и устную поэзию. Это позволило ему представить яркие и правдивые образы людей старой деревни. В лепке сценических образов Ф. Павлов следовал примеру русских классиков драмы, особенность мастерства которых бесподобно сформулирована М. Горьким в словах: «Действующие лица пьесы создаются исключительно и только их речами, т. е. чисто речевым языком, а не описательным. Это очень важно понять, ибо, для того чтобы фигуры пьесы приобрели на сцене, в изображении ее артистов художественную ценность и социальную убедительность, необходимо, чтоб речь каждой фигуры была строго своеобразна, предельно выразительна...»¹

Вся многосторонняя характеристика образов пьесы дается в своеобразной речи, поступках каждой из фигур. Словарный состав, построение речи, характерные именно для данного образа, резко отличают одно лицо от другого. Романтически страстный Ванюк, чувствительная и сильная в любви Елюк, властная и своенравная Прчкан, двуличная и падкая на деньги Яскар, безвольный Мусся, коварный и жадный Степан и другие—каждый из них обладает своей манерой речи. Благодаря языковому своеобразию и становятся они художественно и социально-правдивыми, убедительными.

Драма «В деревне» насыщена этнографическими элементами, бытовыми эпизодами. Очень полно изображен, например, в пьесе чувашский свадебный обряд. Широко пользуется автор и народными песнями: колыбельными, рекрутскими, лирическими, игровыми, свадебными, обрядовыми, шуточными и т. п. В обилии встречаются пословицы и поговорки.

Знаток чувашской устной поэзии и песенного творчества, Ф. Павлов преследовал и вторую цель: использовать сцену для показа и популяризации песенного богатства чувашского народа. Увлечение всем этим, надо сказать, несколько перегружает

¹ М. Горький. Литературно-критические статьи. Госполитиздат. 1937. Стр. 536.

пьесу и замедляет развитие действия, нарушает стройность композиции. Встречаются и отдельные погрешности сценического и историко-бытового порядка. Так, например, неправдоподобно проведение полного свадебного ритуала при повторном выходе замуж Елюк. Обычаи и обряды старой чувашской деревни не допускали этих явлений. Неубедительна картина мгновенного пожара в доме Ванюка. Однако эти недостатки не снижают ни познавательного, ни воспитательного значения драмы Ф. Павлова.

Драматург и сам замечал недостатки своей пьесы и выражал желание придать ей большее социальное звучание, внести некоторые изменения в трактовку отдельных образов. В частности, образ кулака Степана в пьесе не лишен человеческих чувств сострадания и искренней любви к Елюк. Неточность такого показа кулака очевидна. В образе Елюк явно сгущены краски трагической обреченности чувашской женщины. Но занятый музыкально-педагогической и композиторской работой, Ф. Павлов не сумел осуществить при жизни своих намерений.

Кроме комедии «В суде» и драмы «В деревне», Ф. Павловым в разное время были написаны юмористический рассказ «Охотник за женщинами» (1928), эпическая поэма «Тевик», диалог «О Колчаке», рассказ на русском языке «Ошибка», повесть «Лурский» (также на русском языке), но они не составили сколько-нибудь значительного в его литературном творчестве. Названные нами комедия и бытовая драма являются единственными в своем роде произведениями, оставившими не только в творческой биографии Ф. Павлова, но и в истории чувашской советской литературы заметный след.

Линия сатирического и гневного обличения уродливых явлений в быту и нравах, в общественных взаимоотношениях и социальных порядках предреволюционной чувашской деревни последовательно проводится в творчестве не только Ф. Павлова, но и других чувашских писателей первого периода развития советской литературы, и в частности в драмах Н. Ефремова и М. Акимова.

Показательно то, что первой оригинальной пьесой, поставленной на чувашской сцене в Казани в первой половине 1918 года, была драма сельского учителя М. Акимова «Безвременная смерть», отображающая жизнь и быт людей чувашской деревни в предреволюционный период и острый переломный момент перехода от старой к новой жизни.

Та же тема и те же идейные моменты обнаруживаются в драме «Богатый Карук» (1919) Н. Ефремова, в которой объектом обличения выступает гнет кулачества и обездоленность чувашской бедноты, достигшие накануне Октября предела.

Идейный замысел пьес и Ф. Павлова, и М. Акимова, и Н. Ефремова был явно направлен к тому, чтобы вызвать у трудящихся чувство ненависти к эксплуататорским классам и сознательного

негодования и возмущения попытками последних вернуть старые, капиталистические порядки.

Тесное переплетение в творчестве первых чувашских советских писателей тем и идейных мотивов страстного утверждения нового бытия чувашских трудящихся и не менее страстного отрицания форм их предреволюционной общественной жизни вызвано было своеобразием исторической обстановки, в условиях которой подошел чувашский народ к Великой Октябрьской социалистической революции.

В конце XIX и начале XX вв. процесс проникновения капиталистических отношений в общественно-экономическую жизнь чувашского края, где крестьянство составляло 95 проц. населения, принял уже всеобщий характер. Чувашская деревня во всей полноте испытывала засилье кулачества нового, типично капиталистического склада. Однако в ее экономике и быту продолжали еще цепко держаться представлявшие явный анахронизм патриархально-общинные пережитки, усугубляя капиталистический гнет. Так, например, вплоть до самой Октябрьской революции в Чувашии, наряду с частновладельческим, отрубным и хуторским, т. е. типично буржуазно-фермерскими формами землевладения, продолжало сохраняться общинное землепользование, сохранялись сложные чересполосные общины. В еще большей степени патриархальные пережитки сказывались в бытовом укладе чуваш, где они давали о себе знать во всей силе живучести традиций прошлого.

Такое причудливое сочетание буржуазных и патриархальных форм угнетения, дополняя национальный гнет, создавало для трудовых масс чувашского народа непримиримо противоречивые и невыносимые условия жизни.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила трудящихся Чувашии от всех этих форм гнета. «Одно из самых величайших достижений диктатуры пролетариата,—писал И. В. Сталин,—состоит в том, что она довела до конца буржуазную революцию и вымела дочиста грязь средневековья. Для деревни это имело самое главное и поистине решающее значение»¹

Изобиловавшие острыми конфликтами социальные и бытовые явления прошлого, драматизм положения трудовых масс народа в предреволюционные годы оказали прямое влияние на тематику и содержание творчества ряда чувашских писателей, особенно тех, кто вступал в литературу при их непосредственном впечатляющем воздействии: первые чувашские драматурги Ф. Павлов, М. Акимов, Н. Ефремов, Г. Зайцев-Талмурза начали писать накануне Октября. А драматургическая форма отображения действительности явилась для них наиболее близкой жанровой формой.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 210.

Драматургия в дореволюционной чувашской литературе была неразвита. Кроме бытовой драматической сценки М. Акимова (старшего) «Сельская жизнь», напечатанной в период первой русской революции в газете «Хыпар», иных произведений драмы не было. Но возможности ее развития были очевидны. Они имелись прежде всего в богато насыщенных диалогами народных реалистических сказах и новеллистических сказках. Очень популярна была, например, новеллистическая сказка «Мусей», сплошь построенная на диалогической речи. Элементы драмы в обилии встречаются в чувашских обрядовых песнях, в частности в так называемых «Ман кёру» такмакё» («Присловье большого зятя» — драматизированная речь свадебного церемониймейстера). В поэме К. Иванова «Нарспи» авторское повествование часто сочетается с непосредственным самовыявлением действующих лиц. Отдельные картины этой поэмы драматизированы им полностью.

Сравнительно быстрому становлению драмы и росту драматургии в начальный период развития чувашской советской литературы определенно способствовал возникший в те годы чувашский театр. Первые чувашские советские писатели были тесно связаны с работой этого театра, выступая в качестве его режиссёров, актеров, репертуарных работников и руководителей красноармейской сценической самодеятельности и местных драматических кружков, развитие которых приняло массовый характер. Не было в первые годы революции ни одной чувашской школы и сельского клуба, при которых не работал бы самодеятельный драматический кружок.

Интерес и тяга трудящихся к театрализованным зрелищам, наглядно воспроизводившим картины и эпизоды из их недавнего прошлого и настоящего, были огромны. Сельская сцена и самодеятельные спектакли для только еще постигавших начатки грамоты и культуры трудовых масс населения являлись очень важным и жизненным звеном в системе культурно-политического просвещения. Обстановка общего благожелательного отношения к театру и сценическому искусству стимулировала, в свою очередь, тягу и чувашских писателей к драматургии.

*

Октябрьская социалистическая революция вызвала необычайный духовный подъем трудовых масс чувашского народа. Невиданное в истории всеобщее участие масс в общественной жизни и в процессе становления нового общественного строя наложило яркий отпечаток на все содержание чувашской советской литературы, по-новому определило форму его раскрытия и проявления. Не случайно основным героем произведений чувашской литературы периода гражданской войны — обращены они тематически в прошлое или настоящее — выступает человек труда, трудовая масса.

Если во всех почти более или менее заметных произведениях дореволюционной чувашской литературы, не исключая поэмы К. Иванова «Нарспи», народ, масса, как правило, являются лишь пассивным компонентом, то в произведениях уже первых советских писателей видно стремление выдвинуть народ на первый план, а в чувствованиях и переживаниях отдельных героев отразить в первую очередь многообразие не личных, а общественных переживаний и чувств широкого круга людей различных социальных групп и прослоек.

Человек из народа, воплощающий чувства и настроения массы, осознающий радость пробуждения к новой жизни и высвобождения от мертвящих оков морали унижения и бесправия, ощущающий рост чувств собственного достоинства и веры в свои силы,— таков облик положительного героя произведений чувашской литературы первых лет советской власти.

Образ его при этом часто лишен конкретных индивидуальных черт и, представляя как бы обобщенный портрет трудящейся массы, выступает то как образ «сына великой армии труда», то как былинный «строитель», шагающий сквозь бури и ливни, или могучий «сеятель», подпирающий плечами небеса («Сев нового дня» М. Сеспель). В песнях Г. Зайцева-Талмурзы — это «трудова беднота»:

Грома гул в выси,
То гроза идет,
Небо молнией
Озаряется.
Беднота встает
Великан-герой—
С жизнью старую расправляется...
„Песнь бедноты“

В стихотворениях И. Ундрцова трудовой народ, поднявшийся во всей своей массе на борьбу с белогвардейскими полчищами, принимает облик вооруженного воина — часового («На посту»).

Передавая в образе обобщенного человека своеобразие эмоциональных сторон общественных явлений современной эпохи, не все писатели в состоянии были, однако, раскрыть конкретно-историческое содержание событий, осознать то, что главной творческой задачей писателей является показ того, как «рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе»¹. И художественно-реалистическое проникновение в сущность главных явлений времени нередко подменялось абстрактно поэтическими обобщениями исторических событий, а реальные герои — творцы этих событий, рабочие и крестьяне, часто принимали образ безликой массы:

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 80.

Под сенью стягов красных
Пришла весна и силы новые
Во все вдохнула.
Мы—люди новой эры
И провозвестники весны—
Гласим:

—Да здравствует весна,
Да сгинет ночь!
И пусть скорей настанет
Лучезарный день,
Осиянный борьбою...¹

(„Борьба“, подстрочный перевод М. С.)

Такой романтически условный характер изображения действительности явно снижал конкретность восприятия отличительных черт нового, внесенного в жизнь чувашского народа социалистической революцией, и обеднял образ ведущего героя советской литературы — человека труда.

Идейное содержание и художественная форма первых произведений чувашской советской литературы показывают, что основным источником изобразительных средств и исходными поэтическими формами, от которых отправлялись чувашские писатели в своей творческой работе были: устное творчество родного народа, пример и опыт русской литературы и лучшие образцы дореволюционной чувашской литературы.

Устно-поэтическое творчество чувашского народа соответственно новой расстановке классовых сил в условиях подготовки и хода социалистической революции претерпевало большие изменения. Дифференциация социально-классовых мотивов и симпатий в нем уже накануне Октября достигала предельного выражения. При сохранении в целом единства жанровых видов идейное содержание устно-поэтических произведений явно отражало, с одной стороны, чаяния и надежды, настроения и переживания трудových слоев населения, и с другой — взгляды и отношение буржуазившейся верхушки патриархальных слоев деревни к социальным и политическим событиям и явлениям общественной жизни. Так, среди богатого песенного и эпического материала резко выделялись своей политической направленностью против буржуазно-капиталистических правопорядков песни революционного протеста, сатирические сказки, обличающие гнет кулачества. В создании этих произведений, безусловно, могли принимать участие только крестьянская беднота и трудящаяся масса деревни. Вместе с тем возникали и распространялись произведения кулацкого характера, выражающие стремление к обогащению и пренебрежительное отношение к бедноте.

К числу характерных сатирических сказок, созданных незадолго до событий Октября на старой сюжетной основе, относятся, например, сказки «Смерть богача» и «Чародей и царь».² В сказке «Смерть богача» кулак, нажившийся на военных поставках и разорении крестьянской бедноты, умирает задавлен-

¹ Журнал «Шурампус» (Заря), № 2, 1920, Казань. Автор не указан.

² Рукописный фонд ЧНИИ. Фонд чувашских народных сказок.

ный мешком денег, а в сказке «Чародей и царь» царь и его окружение представлены рыбаками, плавающими в лодке по морю из слез сирот и солдатских вдов, мясниками, торгующими человеческими тушами из солдатских тел.

Революционные события усилили процесс дальнейшей дифференциации устного творчества. Наряду с традиционными произведениями, сохранявшимися от старых эпох без большого изменения, как-то волшебных сказок и сказок о животных, начинается интенсивное обновление сказочных сюжетов и песенного репертуара. Начинают жить новой жизнью старые лирические и эпические песни, исполненные революционной героики. В частности, возрождается полузабытая песня «Смерть Пугачева». Идет отмирание таких жанров, как заговоры, заклинания и молитвословия, а взамен их начинают зарождаться новые жанровые формы: сказы о героях гражданской войны, частушки на общественно-политические темы, революционная песня.

Особо следует отметить проникновение в песенный репертуар чувашского народа русских революционных песен путем свободного подражания или переложения их содержания на чувашский язык, но с сохранением мелодий. Уже с первых дней революции среди песен, распевавшихся чувашской молодежью, пользовалась большой популярностью песня «Отречемся от старого мира».

Из ранних сказов о героях гражданской войны были в ходу сказы о комиссаре Крепкове, командире Космовском, погибших смертью храбрых в борьбе с контрреволюционными чехословаками, с революционером Кадыкове, одним из первых организаторов советской власти в чувашском крае.

Устное народное творчество выступало острым оружием в новых условиях классовой борьбы. Новым революционно-патриотическим устным произведениям, создававшимся в первые годы революции, буржуазные националисты пытались противопоставить фальсифицированные и стилизованные под народное творчество свои произведения. Так, был создан националистический гимн «Слава тебе чувашу, слава великому смиреннику». Содержание народной чувашской сказки «Суд богача с бедняком» было переделано чувашскими националистами так, что вместо богача и бедняка сталкивались русский и чуваш.

В ответ на это революционная трудящаяся молодежь, преимущественно фронтовики, отзывалась боевыми песнями и задорными сатирическими частушками, направленными против врагов трудового народа:

У вороны куцехвостой
Ни красы и ни пера,
У спекулянтов-живодеров
Нет ни чести, ни стыда.
У коровы под ногами
Хворост в землю топчется,

Негодяю дезертиру
Плюнуть в рожу хочется.
Уж как медное колечко
Плесенью покрылося,
Все затен Колчака
Хинью обернулися.

Вильсон, гад, в Америке
Закатил истерику:
С Колчака ждал барыша,
Не дождался ни гроша.

Разметало вихрем-бурей
Кровлю на мякиннике,
Наши красные солдаты
Разнесут Деникина.¹

(Перевод М. С.)

Частушка бытовала и в старом чувашском фольклоре, но она носила там узко-бытовой, обрядовый характер, исполнялась преимущественно во время свадьбы, а поэтическая форма ее была заключена в строгую катренную строфику, расчлененную на параллельный ряд, в первом из которых давалась поэтическая картина явления природы, во втором — перенос и распространение этой картины на явления из жизни людей.

В частушке же нового времени обрядовые рамки ломаются, тематический круг ее охватывает уже не только бытовые, но и все злободневные общественно-политические явления. Намечается тенденция и к нарушению образного параллельного ряда и замене его непосредственным повествованием о событии или явлении.

Широкое распространение получили в годы гражданской войны устно-поэтические послания с фронта в тыл и с тыла на фронт. Это были лирические песни-импровизации, складывавшиеся изустно и оформлявшиеся в виде писем к фронтовому другу или домой, к любимой девушке, к родным. По традиционному зачину и концовке, по характерным для народной лирической песни образным параллелям и поэтическим фигурам эти эпистолы—типическое создание устного творчества, и зародились еще в период первой мировой войны. Но если тогда они носили исключительно интимно-лирический характер, то в годы гражданской войны насыщаются мотивами общественно-политической борьбы. Так, в одном из этих импровизированных писем-посланий, опубликованных в газете «Голос бедноты»,² традиционный зачин-обращение к любимой девушке заменен обращением к другу-бедняку с призывом бороться против кулачества и помогать всеми силами фронту, а концовка письма заключается здравицей в честь Коммунистической партии и доблестной Красной Армии.

Чуткое реагирование устного народного творчества на происходящие события и непосредственная связь его с интересами и настроениями трудящихся служили в известной степени творческим примером подхода к действительности и определяли во многом содержание и форму первых литературных произведений, особенно у начинающих писателей. Так, большинство произведений, опубликованных в Симбирском литературном журнале «Атал юрри» (Волжская песня) и представивших творческий опыт

¹ Сборник «Чувашский фольклор». Составил И. Тукташ. На чув. языке. Чувашгиз. Чебоксары. 1941.

² Чухансен сасси (Голос бедноты), № 33 (56), Бугуруслан, 12 апреля 1919 года.

начинающих, состояло из стихов, песен и рассказов, написанных непосредственно по мотивам устно-поэтических произведений, а их литературная форма не выходила за пределы традиционной катренной строфики и семисложного размера в стихах и песнях, народной новеллы — в рассказах.

На фольклорной основе развивалось творчество поэтов Г. Зайцева, И. Ундрיצова и многих других.

Поэтические образы, стихотворные размеры, изобразительные средства стихов и песен Г. Зайцева носят на себе прямой след влияния устной народной поэзии и ее форм. Так, в «Песне бедноты», одним из наиболее приметном поэтическом произведении Г. Зайцева, налицо все элементы народной чувашской песни: и присущая ей образная параллель, и поэтические фигуры, и ритмика.

Аслати аватать,
Сисём сисег,
Анчах сумар сума
Чаранать.
Пирён сар варса каять.
Ташмана хёсет,
Варсә нумай пымасть —
Чаранать.

Сута хёвел тухать,
Тёттём пётет,
Йёри-тавра тёнче
Суталать.
Чухан сие тухать,
Буржуй пётет,
Ирёклёх пур сёре
Саралать.

Широко пользуются устно-поэтическими традициями в своем творчестве драматурги М. Акимов, Н. Ефремов и Ф. Павлов.

Драмы М. Акимова «Илюк» и «Безвременная смерть», Н. Ефремова «Богач Курак», так же как и пьесы Ф. Павлова, насыщены не только образцами народных песен, но и пронизаны их идейными мотивами.

Мотив народной песни об угнетенном положении крестьянской бедноты послужил, например, для драматурга Н. Ефремова отправным моментом в создании сценических образов крестьян-бедняков. Образ Карука в его пьесе самовыявляется в исполненной бахвальства песне, сложенной по образцам патриархально-обрядовых песен, славословящих сытую кондовую жизнь кулачества.

Чувства и настроения персонажей драмы М. Акимова «Безвременная смерть» также подкрепляются обильными иллюстрациями из народных песен.

На становление и развитие чувашской советской литературы, кроме традиций устного народного творчества, огромное воздействие оказывала русская литература с ее богатым идейно-творческим опытом. М. Сеспель при создании песен-гимнов, прославлявших рождение нового мира и свободного человека, стихов, призывавших к защите и расширению завоеваний революции, активно перенимал опыт русской классической поэзии и русских революционных поэтов-трибунов. Идейная созвучность сатиры И. Тхти и Д. Бедного не вызывает никакого сомнения. Первые чувашские советские драматурги, и в числе их наиболее круп-

ный — Ф. Павлов, приемам создания образов, композиционному мастерству и законам сцены учились прежде всего у русских драматургов.

Творческое своеобразие сатирической поэзии И. Тхти определилось во многом под влиянием творчества Д. Бедного, подчиненного в годы гражданской войны задаче мобилизации всех сил трудящихся на разгром врагов социалистической революции. Ясно выраженная во всех произведениях пролетарского поэта идея защиты социалистического отечества, простые и доступные широким слоям трудящихся поэтические формы и изобразительные средства были той притягательной силой, которая побуждала Тхти следовать в своей творческой деятельности примеру Д. Бедного.

Беспредметное любование образными формами живой народной речи, юмор ради юмора, характерные для ряда дореволюционных произведений Тхти, сменяются в пореволюционное время стремлением писателя подчинить свой недюжинный сатирический талант интересам трудящихся. В воплощении этого стремления в конкретные художественные образы сатирической поэмы «Колчак» творческий опыт Д. Бедного несомненно сыграл большую положительную роль.

Лаконичная поэтическая речь, широкое пользование художественными средствами, взятыми непосредственно из лексического богатства народа, простота и доступность повествования, политическая острота идеи произведения — все это говорило о старательном следовании Тхти Д. Бедному.

Следы непосредственного воздействия произведений Д. Бедного на Тхти видны даже на примере отдельных художественных деталей.

Как Корнилов-генерал
Артиллерию собирал:
„Вы, ребята-ребятушки,
Заряжайте свои пушки
Да начните-ка палить,
Чтоб правительство свалить...“
(„Про землю про волю, про
рабочую долю...“)

Адмирал Колчак
По морям ходил;
С бражкой царской
Кумовство водил...
Но пришла пора,
Поднялся народ,
Колчака того
Взял за шиворот...

(„Колчак“)

Дело, разумеется, не в этих параллелях, а в том, что благодаря зажигавшим революционным огнем сердца трудящихся и укреплявших бодрость духа в труднейшие минуты борьбы произведениям Д. Бедного формировалось прежде всего революционное сознание самого Тхти и активная политическая направленность его поэзии.

Следование первых чувашских советских драматургов творческому опыту русской классической драматургии также очевидно и бесспорно. В основе этой тяги опять-таки лежало не стремле-

ние к подражанию готовым художественным образцам и совершенной литературной форме, а реализм, правдивость изображения жизненных явлений, большая идейно-воспитательная сила художественных образов, прогрессивность эстетических идеалов классиков русской драматургии.

И вполне закономерно, что первыми пьесами, поставленными на сцене Чувашского передвижного театра, оказались переведенные на чувашский язык пьесы А. Н. Островского. Драматургия Островского оказала большое влияние и на оригинальное творчество чувашских драматургов.

Творческие принципы великого русского драматурга заметно сказались, например, в идейно-художественном развитии одного из первых чувашских драматургов — Ф. Павлова. Реалистическому изображению людей, бытовых явлений, приемам раскрытия драматических образов, творческого применения устно-поэтических средств, манере стилизации речи персонажей Ф. Павлов учился в первую очередь у А. Н. Островского. Обнаруживается даже функциональное сходство отдельных образов Павлова и Островского. Образ Мусси в драме Ф. Павлова «В деревне» имеет, например, явно выраженные черты поведения Любима Торцова. В тяготении Ф. Павлова к широкому показу обрядово-бытовых сцен тоже видно следование Островскому.

Но снова нужно заметить, что не это внешнее сходство отдельных положений в драмах русских и чувашских драматургов определяло результаты идейно-художественного влияния Островского и других классиков русской драматургии на чувашскую, а то, что следствием его было создание полноценных национальных драматических образов и искреннее стремление чувашских драматургов идти по пути реалистического отображения жизни своего народа.

Если в чувашской советской литературе уже с первых шагов ее развития обнаружилась устойчивость связей с русской литературой и прямая преемственность традиции следования ее творческому опыту, то нужно отметить, что в начальные годы советской власти литературные связи чувашского народа с другими братскими народами были очень слабы и непрочны. Главной помехой к установлению и упрочению их были пережитки прежней национальной разобщенности и вследствие этого — незнание чувашскими писателями языка соседних народов, затем отсутствие не только на чувашском, но и на русском языке переводов произведений инонациональной литературы, которые знакомили бы чувашских трудящихся с литературным богатством братских народов.

К началу двадцатых годов, правда, намечаются линии и этих связей. Вслед за русской литературой внимание чувашских писателей привлекает украинская литература, и прежде всего творчество Тараса Шевченко, русские переводы произведений которого были знакомы чувашским писателям. Инициатором в популяризации наследства Т. Шевченко в чувашском народе выступил

М. Сеспель, которому принадлежит перевод стихотворений из «Кобзаря». Уже в те годы широкой известностью пользовалась «Заповедь» М. Сеспеля, созданная по мотивам одноименного стихотворения Т. Шевченко. Старейшим чувашским поэтом Н. Шелеби предпринимаются попытки к переводу на чувашский язык произведений татарской литературы. Но в целом художественно-творческие связи чуваш с соседями попрежнему еще не выходили за рамки взаимного обмена сюжетными мотивами устного народного творчества.

Лучшие традиции дореволюционной чувашской литературы — кровная связь передовых писателей с народными массами, неуклонное следование опыту прогрессивной русской литературы и творческое отношение к богатствам родного языка и устного народного творчества — не прерывались и в чувашской советской литературе. Наоборот, с самого начала ее развития во всей остроте встали проблемы расширения этих традиций, выдвинутые освобожденным Октябрьской революцией народом, молодым советским государством и Коммунистической партией.

Бурный рост периодической печати, быстрое повышение грамотности населения, зарождение массового литературного движения, усиленное пополнение чувашского народного языка новыми политическими, научными и техническими понятиями поставили в качестве одной из первоочередных задач — создание новых литературных форм и дальнейшее развитие чувашского литературного языка, упорядочение орфографии и терминологии.

Основы чувашского литературного языка начали складываться еще во второй половине XIX века с созданием письменности и зарождением оригинальной чувашской литературы. В обработке и шлифовке чувашского народного языка принимали участие многие «мастера слова», среди которых особо заметной была роль И. Яковлева, М. Федорова и К. Иванова.

Разработка И. Яковлевым норм правописания, основанных на законах живой чувашской речи, создание первых оригинальных литературных произведений на чувашском языке, художественные образы и изобразительные средства которых были непосредственно взяты из устного народного творчества, и дали начало развитию литературно обработанной формы общенародного чувашского языка.

Литературные нормы И. Яковлева воспринимаются и развиваются дальше писателем М. Федоровым в направлении совершенствования стилистики общенародного языка.

Опыт И. Яковлева и М. Федорова перенимается и приумножается К. Ивановым. Действенная эмоциональная простота стиля его произведений, сложившегося в результате тщательной обработки устно-поэтических и языковых богатств родного народа, богатая поэтическая лексика и высокая поэтическая культура определили К. Иванова как основоположника чувашского литературного языка.

Однако язык К. Иванова, складывавшийся в основном на базе низового диалекта, не успел в дореволюционное время стать практическим достоянием всего чувашского народа. Полное общественное признание и широкую популярность литературное наследие К. Иванова получило лишь после Октябрьской революции. А начало эпохи социализма в корне изменило идейное направление в литературе, вызвало и изменение содержания и формы поэзии и поставило вопросы стилистики в новые условия развития. По-новому встал вопрос и о развитии традиций К. Иванова.

Большинство первых чувашских советских поэтов, как Г. Зайцев-Талмурза и многие другие, правда, продолжало еще неукоснительно следовать творческому примеру и поэтическим формам К. Иванова, считая их верхом совершенства, но к началу двадцатых годов по почину крупнейшего чувашского советского лирика М. Сеспеля началось движение за решительный переход от формально-поэтических и языковых достижений К. Иванова к новой ступени развития поэтики и чувашского литературного языка, в целом рассчитанного, как и литературные языки других народов, на восприятие и оценку его в аспекте общенационального языка.

Обосновывая закономерность этого явления, М. Сеспель исходил из тех коренных изменений, которые внесла и вносила Великая Октябрьская социалистическая революция в жизнь чувашского народа. Было очевидно, что исторический процесс развития проснувшегося к самостоятельной жизни, но не успевшего в дооктябрьский период обрести все признаки буржуазной нации чувашского народа благодаря социалистической революции направлялся уже по новому руслу, по пути превращения его в социалистическую нацию.

«Советская Россия,— писал И. В. Сталин,— прodelывает невиданный еще в мире опыт организации сотрудничества целого ряда наций и племен в рамках единого пролетарского государства на началах взаимного доверия, на началах добровольного, братского согласия». Далее И. В. Сталин указывал, что это сотрудничество должно протекать в соответствии «с требованиями декларированной советской автономии» и в направлении содействия «приобщению народных масс окраин к высшей пролетарской духовной и материальной культуре в формах, соответствующих быту и национальному облику этих масс»¹.

Становление и развитие чувашской советской литературы, отвечая, таким образом, новому содержанию духовной и материальной жизни чувашского народа, вызывало возникновение новых художественных форм, определяло по-новому и развитие литературного языка.

Начавшийся еще в дореволюционное время процесс становления литературного языка при явном преобладании в последнем

¹ И. В. Сталин. Соч. т. 4, стр. 362—363.

лексических и фонетических элементов низового диалекта изменяется в советскую эпоху в сторону равноправного участия в этом процессе и низового и верхового диалектов.

Социалистическая культура чувашского народа, как и у других советских народов, развивалась на родном, на национальном языке. Эта национальная форма, разумеется, должна была вобрать все ценные общенародные элементы словарного богатства не только основных диалектов чувашского языка, но и лексических заимствований из русского языка, осваиваемых по нормам чувашской речи.

В своем желании направить усилия советских писателей на совершенствование литературного языка с тем, чтобы он был воспринят чувашским народом как его собственное творческое достижение, Сеспель отражал, несомненно, устремления этого процесса, сопутствовавшего формированию чувашской социалистической нации и ставшего развиваться по-новому.

Языковое «строительство» с первых дней развития чувашской советской национальной государственности и социалистической культуры стало ареной острой классовой борьбы. Буржуазные националисты прилагали все усилия к тому, чтобы взять руководство им в свои руки и направить развитие литературного языка по пути превращения из средства приобщения чувашского народа «к высшей пролетарской духовной и материальной культуре» в средство отрыва и обособления от русского народа. Этим и объяснялись попытки буржуазно-националистических литераторов и лингвистов рафинировать и оградить чувашский литературный язык от проникновения в него «вульгаризмов» верхового диалекта, насадить и оживить взамен органически входящих из русского языка и обогащающих новыми понятиями словарный состав чувашского языка слов и терминов — «совет», «советская власть», «пролетариат», «коммунист», «социализм» и т. д. — искусственно сочиненные или вышедшие из живого употребления слова и термины. Например, вместо совет — «канаш» (совет патриархальных старейшин), пролетариат — «чухансем», «чухан халах» (беднота, бедный народ), социализм — «пуласси» (бедность) и т. п.

Исходя из своих пуристских побуждений буржуазные националисты упорно сопротивлялись введению в чувашский алфавит и употреблению в практике печати и письма звукобукв «о», «ф» и «ц», бытовавших в живом чувашском языке, но квалифицированных как «чуждые» чувашской фонетике. Вследствие этого слова «революция», «федерация», «коммунист» долгое время писались: «ревал'утси», «хветератси», «камунис» и т. д.

В том же плане следует рассматривать и борьбу за определение идейного содержания и выбор художественных форм чувашской литературы. Литературные «теоретики» из числа националистов уводили представителей массового литературного движения к темам отдаленного прошлого или звали их в область

интимной лирики и личных переживаний, узкого быта. Современная тематика квалифицировалась ими как стоящая за пределами внимания художественной литературы и искусства. В области же художественных форм призывы этих «теоретиков» сводились к канонизации в поэзии народно-песенных размеров и традиционного семисложника, как истинно чувашской метрики, а в драматургии — бытовой драмы, как наиболее совершенной, на их взгляд, формы отображения «истинно-человеческого поведения и проявления характеров».

Влияние этих чуждых советской литературе взглядов сказалось, например, на содержании и художественной форме произведений, опубликованных в симбирском журнале «Волжская песня». Из вышедших двух номеров журнала оба были заполнены застольными песнями, сказками, пейзажными и интимно-лирическими стихами. Темы современности, политические события момента представлены в них очень немногими стихами и рассказами.

Поднятый поэтом-коммунистом М. Сеспелем вопрос о необходимости искать и создавать новые формы чувашской поэзии имел глубокий общественно-политический, партийный смысл. Речь шла о мобилизации советских литературных сил на борьбу с антинародным влиянием буржуазных националистов, о преодолении канонизируемых ими старых художественных форм, не соответствовавших новому содержанию литературы, о творческом развитии положительных традиций дореволюционной чувашской литературы, критическом освоении ее наследия и укреплении связей с русской литературой, словом — о создании новой и по содержанию и по форме литературы, поставленной на службу народу.

В этом свете отход Сеспеля от старых поэтических форм и разработка им новой метро-ритмики чувашского стиха, творческая деятельность по обогащению и расширению чувашского литературного языка с его первоначальной низово-диалектной основой до степени и значения общенационального были действительно шагом революционным, новаторским. Это было началом развития таких средств словесно-художественной образности, которые бы позволяли во всей полноте показывать новизну содержания жизни чувашского народа в советскую эпоху.

Поэтическая реформа, предпринятая Сеспелем, клала начало развитию и становлению в чувашской литературе нового литературного стиля и нового метода изображения действительности — социалистического реализма.

Всестороннего проявления своих основных черт социалистический реализм в чувашской литературе первых лет советской власти не нашел. Реалистической полноты исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии достигли очень немногие писатели того времени. Более ярче, чем в других жанрах, черты этого метода сказались в поэзии. В

поэзии именно сильнее всего отразились мотивы утверждения и укрепления новых общественных отношений и активной борьбы за коммунизм. В ней были непосредственно запечатлены революционная смена старого уклада жизни, бурная динамика событий, рост новых чувств, ощущение силы освобожденных социалистической революцией масс. Характерными в этом смысле явились стихи М. Сеспеля, отдельные песни Талмурзы и сатирическая поэма И. Тхти «Колчак».

Но при всем том художественное разрешение и образное воплощение этих мотивов носило у многих поэтов печать недостаточной творческой зрелости и мастерства.

Следом за поэзией шла драматургия, в лучших своих образцах также правдиво запечатлевшая многие характерные особенности жизни чувашских трудящихся. Однако сила ее реализма проявилась преимущественно в критико-обличительном показе отрицательных явлений прошлой жизни и изображении типов предреволюционного прошлого. Ростки нового показывались ею еще слабо.

Проза в чувашской литературе первых лет советской власти была неразвитой, незначительной по объему и не выходила за пределы коротких рассказов и новелл, очерков и натуралистических зарисовок из жизни и быта в тылу и на фронте.

Чувашская литература периода гражданской войны в целом довольно ярко отразила революционные чувства и переживания трудящихся, их стремление к советскому устройству жизни, но дать развернутый реалистический образ советского человека не сумела. Как и всем советским литературам того времени, ей пришлось преодолевать общие трудности творческого роста: одностороннее упрощенно-романтическое изображение революции, неполное раскрытие социально-политической сущности революционных событий и явлений общественной жизни и другие недостатки, усугубляемые ожесточенным сопротивлением буржуазных националистов строительству социалистической по содержанию национальной культуры чувашского народа.

Но начавшийся вскоре в советской стране под руководством Коммунистической партии общий культурный подъем создал благоприятные условия для развития чувашской советской литературы.

В. Я. КАНЮКОВ

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЧУВАШСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вопрос о связи наследства дореволюционной литературы и ее передовых традиций с советской является одним из основных вопросов теории и практики развития современной чувашской детской литературы.

Для того, чтобы объективно оценить чувашскую советскую детскую литературу в свете ее исторического развития необходимо обратиться к ее прошлому и на фоне становления и роста культуры чувашского народа проследить, каковы были предпосылки возникновения ее, как в ней решался вопрос о воспитании подрастающего поколения, что полезного, способствующего развитию современной литературы создано в дореволюционную эпоху.

Социалистическая культура строится на основе глубокого усвоения всего передового, которое выработано в старом обществе. Коммунистическая партия учит нас не отказываться, не отбрасывать огульно все культурное наследие старого общества, а уметь различать, что было в культуре прошлого плохого и что полезного, и взять из нее то хорошее, то полезное, что необходимо для коммунизма.

В капиталистическом обществе, разделенном на враждебные классы, национальная культура не может быть единой для этих классов. В классовом обществе существуют две культуры в каждой национальной культуре. Это известное положение марксизма-ленинизма полностью подтвердилось историей развития культуры народов царской России. Господствующая буржуазия выдвинула тогда свою, буржуазную, реакционную культуру. В то же время наличие трудящихся, эксплуатируемых масс, породило демократическую идеологию, выразившую идейно-духовные устремления революционной России.

Под влиянием демократической русской культуры в культуре нерусских народов, населявших Россию, вырабатывались передовые традиции, которые, получив дальнейшее развитие в совет-

скую эпоху, способствовали росту социалистической по содержанию, национальной по форме культуры народов СССР.

Чувашский народ долгое время был лишен условий создания письменной литературы для детей. Сотни лет материальное и духовное развитие чуваш подавлялось господством татаро-монгольского ига и Казанского ханства.

В середине XVI века Чувашия была присоединена к русскому государству, что оказалось явлением весьма прогрессивным в ее историческом развитии. Чувашский народ получил возможность духовного сближения с великим русским народом и его культурой. Однако, объединение чуваш в русском государстве не освободило их от гнета и эксплуатации. Царское самодержавие, являвшееся злейшим врагом как русского, так и нерусского трудового народа, ввело новые формы эксплуатации местного нерусского населения; проводило политику насильственной руссификации, стремилось воспитывать недоверие одного народа к другому, сознательно разжигало национальную рознь. Оно всячески препятствовало развитию национальной культуры.

Все эти искусственные препятствия задерживали рост культуры чуваш.

Но свободолюбивый чувашский народ не смирялся с насилием и угнетением. Вместе с русским народом он не раз поднимался на борьбу за свою свободу. Восстания подавлялись, но угнетателям не удавалось заглушить душу народа. Укреплялась и развивалась идеология трудящихся. Идеологическая стойкость народных масс определила их жизнеспособность. Сохраняя себя, народ бережно хранил достижения своей национальной культуры, постоянно развивал ее.

Народ — гениальный педагог веками складывал и создавал свои национальные традиции воспитания подрастающей смены. Эти традиции передавались из поколения в поколение, и каждым поколением обогащались, отшлифовывались.

Одним из лучших средств народного воспитания являлся родной язык народа, его устная поэзия. В устной поэзии сохранились выработанные народом в течение веков национальные традиции умственного, эстетического и нравственного воспитания детей.

Потребности словесного художественного творчества чувашского народа издавна удовлетворялись устной поэзией. В далекой древности существовали разнообразные жанры чувашской народной детской поэзии. Жизнь ребенка с раннего возраста сопровождается народной поэзией. Еще в колыбели ребенок слышит звучание народной песни. Первый детский лепет составляют слова из народной песни, стиха. Сознание ребенка развивается под влиянием сказочных героев, среди которых у него постепен-

но появляются любимые, положительные и отрицательные — у ребенка начинает вырабатываться критическое отношение к действительности. Подрастая, он сам участвует в создании произведений детской народной поэзии: в коллективе ровесников он пользуется уже известными и творит новые игровые песни, считалки, стихи-заклинания, прибаутки, дразнилки, скороговорки и т. п. Позже он оставляет одни жанры, зато у него появляется потребность в других. Так, на смену игровых песен приходят трудовые, лирические; детские сказки о животных вытесняются сказками о смелых и храбрых борцах за народное счастье, народными легендами, историческими преданиями и т. д. Но народная поэзия остается неизменным спутником человека: она вдохновляет его в труде, в бою, она направляет его смелую мечту.

Усваивая устную поэзию своего народа, дети с малых лет впитывают в себя его национальный дух, воспринимают его характер. Рожденное самой жизнью народное творчество воспитывает в детях национальные корни поэтического чутья. Таким образом, ребенок вырабатывает свое отношение к бытию не только разумом, но и чувством.

Народная поэзия, являясь творчеством коллектива, носит идеологию этого коллектива. Коллективом, способным поддержать, направлять развитие устной поэзии, явилось объединенное единством своей идеологии большинство — трудовой народ. Классовая борьба тудящихся со своими угнетателями определила классовый характер его устнопоэтического творчества. В устной поэзии отразился народный протест против эксплуататорского строя, в ней определились лучшие чаяния и стремления народа добиться свою свободную и счастливую жизнь. Классовая борьба тудящихся была неразрывна с их патриотическими стремлениями. Патриотизм, подлинная любовь к своей родине, готовность защитить ее от внешних и внутренних врагов занимает важное место в содержании устнопоэтического творчества. Устная поэзия воспитывала в детях любовь и преданность к своей родине, своему народу, готовность сражаться за его правду и справедливость, быть непримиримым к его классовым врагам. Произведения народного творчества прививали детям такие качества физически и нравственно здорового человека, как мужество, стойкость, скромность, честность и правдивость, любовь к труду, уважение к коллективу и т. п.

Жизнеспособность народной поэзии, как коллективного творчества, проявилась и в развитии ее формы. Если содержание устной поэзии представляет вечно юную душу народа, то форму ее составляет родившееся в глубине этой души вечно живое родное слово народа. Для выражения смелой мысли и сильного чувства народ в коллективной работе вырабатывал нужные образы.

Детское народное устное творчество педагогично в своем содержании и форме. Каждая сказка, песня, басня, короткий

рассказ необходимо заключает в себе нравоучение, мораль. Эта мораль и составляет идею произведения. Но она не выступает в виде голого поучения. Народ хорошо понимал и знал по опыту, что моральные сентенции приносят детям больше вреда, чем пользы, и нравоучение он вкладывал не в поучительные слова, а в идею произведения в целом. Слово в народной поэзии направлено на то, чтобы наиболее доходчиво для ребенка создать систему образов, через которые и раскрывается мораль сказки, песни, басни и др. Великий художник—народ, создавая произведения для детей, всегда учитывает возможности ребенка, который воспринимает окружающее, улавливая его отношение к себе. Образы народной поэзии всегда связаны с жизнью, переживаниями ребенка. Чем младше возрастом ребенок, тем конкретнее он мыслит и воспринимает. Учitivая это, народ в своем творчестве пользуется точным и выразительным словом. Это делает народные творения наиболее близкими и понятными детям. В народном произведении живет только самое необходимое, самое выразительное слово, именно то, которое наиболее ярко и сильно выражает его смысл и, разумеется,—также его эмоциональную сторону. Таким образом, народное слово здесь находит наибольшую насыщенность содержанием.

Так в чувашской устной поэзии, как и в устном творчестве других народов, задолго до возникновения оригинальной письменной литературы наметились специфические особенности детской литературы. Устное творчество стало предпосылкой зарождения реалистической чувашской письменной литературы, сделало возможным ее появление. Оно определило ее идейное направление, послужило живым источником народного литературного языка. Устная поэзия помогала литературе в ее развитии во все последующее время.

Такая детская литература родилась в продолжительной и упорной борьбе с официальной, казенной литературой — носителем идей господствующего класса, орудием сил реакции, направленных на закабаление нерусских народов и подавление их национального духа.

Произведения казенной письменной литературы на чувашском языке появились в XVIII веке. Эта литература возникла в связи с необходимостью проведения массовой христианизации и насильственной руссификации чуваш вместе с другими народами Поволжья.

Она была создана с определенной целью вбивать в головы чувашских детей и юношества, как и взрослых конечно, выработанные церковью догмы христианской религии и, таким образом, воспитывать молодое поколение в духе покорности царю и богу. Царские чиновники и духовенство хотели через школу и церковь с помощью этой литературы превратить молодежь в своих рабов. Это была чуждая, ненужная трудящимся массам литература. В большинстве она представляла буквальный, дословный перевод

славянских текстов без учета строя чувашской речи, потому была недоступной народу и оставалась литературой для одиночек.

Нечто подобное ей представляли созданные во второй половине XVIII века миссионерской интеллигенцией несколько стихотворений на чувашском языке, воспевающих чуждые народу идеи рабской покорности самодержавно-феодальному строю. По форме они напоминали переводы «священных» книг. Так, и эта литература ни по форме, ни по идейному содержанию не могла быть понятной чувашскому народу. Она никогда и не употреблялась в детском чтении. Вся существовавшая в XVIII веке и начале XIX века богослужebная, религиозно-нравственная и прочая миссионерская литература на чувашском языке не способствовала, а всячески препятствовала созданию оригинальной, соответствующей передовым идеям общества литературы.

В 40-х годах XIX века в России развернулась общественно-идейная борьба против николаевского режима в стране, борьба за немедленное уничтожение крепостного права, за просвещение народа, за революционное переустройство всего русского социально-политического строя.

Эту борьбу возглавили А. И. Герцен и В. Г. Белинский, которые в статьях, избличающих реакционную сущность крепостнического режима, ярко выразили свое глубоко революционное и реалистическое истолкование характера русского народа и движущих сил русского общества.

Русские революционеры-демократы сформулировали ряд требований по воспитанию молодого поколения, выработали принципы развития реалистической народной литературы. В ряде статей, специально посвященных анализу произведений художественной литературы для детского чтения, В. Г. Белинский разработал основы теории реалистической детской литературы и методических приемов руководства детским чтением. Детская литература, указывал Белинский, должна будить в детях стремление к свободе, звать их к борьбе против угнетения человеческой личности. Она должна быть народной, правдиво изображать жизнь народа и отражать народное творчество. Революционно-демократические принципы Белинского в дальнейшем, уже в 60-е годы, нашли свое развитие в трудах Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова и предопределили новый этап развития детской литературы.

Под влиянием передовых, демократических идей революционеров-демократов в 40-х годах прошлого столетия в русской литературе повышается общий интерес к устнопоэтическому творчеству народов России. Начинают появляться статьи и очерки об этнографии, искусстве и устной поэзии чуваш. В них исследователи все более обращают внимание на достоинства художественного творчества чувашского народа. В качестве иллюстраций своих суждений они публикуют образцы устной поэзии, развенчивая таким образом существовавшие до сих пор утверждения о том, что-де чувашам от природы не суждено иметь свою собст-

венную культуру. Такими трудами, давшими положительную оценку творчеству чуваш, явились произведения русских литераторов и краеведов А. Фукс, Д. П. Ознобишина, В. И. Лебедева, В. А. Сбоева.¹ Появление этих и некоторых других работ все более укрепляло мнение о богатстве чувашской устной поэзии и творческой способности чувашского народа, хотя однако шовинистически настроенные представители казенной науки не переставали утверждать о «неизбежной гибели», на которую-де обречены такие народы, как чуваша, мари, удмурты, мордва и другие.

Разоблачению ошибочных и ложных взглядов на нерусские народности Поволжья, в том числе и на чуваш, как на народность, неспособную создавать ценности материальной и духовной культуры, в значительной степени способствовала научная и литературная деятельность первого литератора из чуваш, этнографа и историка С. М. Михайлова (1821—1801), получившая общественное признание в научно-литературных кругах 50-х годов XIX века. В своих трудах С. М. Михайлов дал высокую оценку культуре чуваш; его работа по сбору и обработке произведений устнопоэтического творчества, его оригинальные очерки и рассказы из жизни и быта народа послужили вдохновляющим примером для передовых представителей интеллигенции из чуваш в борьбе за создание чувашской письменности и оригинальной художественной культуры.

Реальные возможности для создания чувашской письменности и литературы представились только во второй половине XIX века, когда в 60-е годы в России развернулось общественное демократическое движение.

В начале второй половины прошлого столетия в России противоречия между развитием производительных сил и тормозящими это развитие крепостническими отношениями приняли такой острый характер, что царское правительство, напуганное возможностью революционного взрыва, вынуждено было провести ряд реформ — безвредных для самодержавия и эксплуататорских классов. Одной из основных была крестьянская реформа 1861 года. По своему социальному содержанию она была буржуазной реформой, сделавшей возможным относительно быстрое развитие прогрессивных для того времени капиталистических отношений. Но эту буржуазную реформу подготовили и провели помещики, чиновники и царь-помещик. В связи с этим ре-

¹ Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840; Статьи Д. П. Ознобишина см. там же и см. Д. П. Ознобишин. Чувашская песня. Журнал «Заволжский муравей», ч. III. Казань. 1883. стр. 1204—1206; В. И. Лебедев. О чувашском языке. Журнал МВД, ч. 40, кн. 10, СПб, 1832; В. А. Сбоев. Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань, 1856. Книга позже была переиздана под названием «Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр». М, 1865.

форма имела полукрепостнический характер, она ограбила крестьян, разорила их выкупной операцией. Крестьянин в результате этой реформы все больше и больше подпадал под власть денег.

Усиливавшаяся в 60-е годы общественная борьба принудила царское правительство предпринять ряд других реформ: земскую, судебную, цензурную, в области просвещения. В 1864 году были утверждены «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» и «Положение о начальных народных училищах», которые предоставили земствам право на самоуправление делом народного просвещения. Земство в России в то время проявило наиболее активную и прогрессивную деятельность по народному просвещению, чем другие ведомства. В этой обстановке на территории Чувашии начинают открываться школы светской грамоты не только Министерства просвещения, но и земств.

Преподавание в школах еще долгое время велось только на русском языке. Лишь в 1870 году Министерством просвещения было принято положение, которое в «начальные школы для инородцев-христиан» допустило родной язык как орудие первоначального обучения. Литература для школьного чтения на родном языке издавалась образованной в эти же годы в Казани миссионерской организацией — так называемым «братством святителя Гурия». Она, эта литература, представляла из себя книги преимущественно религиозного содержания, и была предназначена, как определялось уставом «братства», для содействия «утверждению в вере православной крещенных инородцев, воспитания детей их в духе православия».

Между тем в связи с расширением сети учебных заведений создание усовершенствованной письменности, увеличение издания учебных книг и пособий на родном языке для чувашских школ стали острейшей необходимостью.

Допуск родного языка в школы и печатного слова на нем предоставил некоторые возможности развитию чувашской оригинальной литературы для детского чтения.

Принципы и опыт создания такой литературы были выработаны прогрессивной русской педагогикой и литературой 60-х годов XIX в.

Вопросы воспитания подрастающего поколения в общественном движении 60-х годов заняли большое место. Эта эпоха выдвинула блестящую плеяду русских педагогов. Сложилась и укрепились демократические принципы русской педагогики — яркая критика крепостнического воспитания, борьба за общее образование, постановка на первый план задач общественного воспитания, уважение к личности ребенка, протест против схоластики, муштры и зубрежки. Эти принципы определили взгляд на детскую литературу и литературное чтение как на средство общественного воспитания детей.

Мысли русских революционеров-демократов 40-х годов теперь нашли практическое применение и дальнейшее их развитие. Со всей последовательностью революционного демократа Н.Г.Чернышевский и Н.А.Добролюбов развили идеи В.Г.Белинского и выдвинули как основную цель новой педагогики — воспитание человека, всесторонне развитого в умственном, нравственном и физическом отношениях, гражданина, бесстрашного борца против крепостничества и царизма. Выступая против рутины, угодничества перед царизмом, ханжества, имевших место в школе крепостнической России, Чернышевский и Добролюбов потребовали опираться на «естественное развитие ребенка», развивать у детей «здоровые понятия», которые будут способствовать формированию нравственных и культурных людей и граждан, воспитывать в них трудоспособность, активность и самостоятельность. Задачам такого воспитания, указывали они, должно быть подчинено все, что имеет отношение к делу обучения и образования, в том числе и детская литература.

Идеи революционных демократов сыграли большую роль в формировании общественных и педагогических взглядов виднейших русских педагогов.

Передовые общественно-педагогические идеи 60-х годов нашли применение в работе корифеев русской педагогической мысли К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого по созданию книг для детского чтения. В 1861 году К. Д. Ушинский издал свою книгу для классного чтения «Детский мир и хрестоматия», в 1864 году вышло его «Родное слово. Для детей младшего возраста. Азбука и первая после азбуки книга для чтения.» Несколько позже, в 1872 году, вышла «Азбука» Л. Н. Толстого, а в 1875 году—его «Новая азбука» и четыре «Книги для чтения». В них воплощались лучшие принципы прогрессивной педагогики XIX века по вопросу о детском чтении, и книги эти послужили образцом создания подлинно народной, соответствующей задачам общественного воспитания литературы на русском языке и языке других народов.

Большую роль в определении значения детской литературы на родном языке и практического ее применения в школьной и внешкольной работе сыграли разработанные виднейшими педагогами того времени В. И. Водовозовым и В. Я. Стоюниным методические приёмы воспитательного чтения.

Идеи и опыт классической и демократической русской литературы и педагогики 60-х годов перенимались, развивались и претворялись в жизнь и в последующие десятилетия, вдохновляя и направляя передовых педагогов и писателей других народов России в борьбе за национальную литературу.

Традиции русской классической и демократической литературы и педагогической мысли и пример великих русских писателей и педагогов легли в основу создания оригинальной чувашской детской литературы XIX века. Произведения для детей на чуваш-

ском языке создавались на примерах произведений или в соответствии с указаниями о детском чтении А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. И. Крылова, К. Д. Ушинского, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других.

Лучшие стремления чувашских писателей всегда находили постоянную поддержку у представителей передовой русской культуры. Так само зарождение чувашской письменности, появление первых оригинальных художественных произведений обязаны непосредственной помощи русских просветителей и ученых Н. И. Золотницкого, В. К. Магницкого, Н. И. Ашмарина и других. Их специальные научные исследования в области чувашского языка, устной и оригинальной поэзии,¹ их помощь, оказанная писателям и поэтам, благоотворно сказывались на росте оригинальной чувашской литературы для детей.

Первую попытку создания чувашской книги для детского чтения на основе передовых педагогических требований предпринял *Николай Иванович Золотницкий* (1829—1880).

Выросший и долгое время живший среди нерусских народностей Н. И. Золотницкий посвятил себя делу их просвещения. Он смело выступил против существовавших тогда принципов обучения чуваш, разработал свою систему обучения на родном языке. Золотницкий убежденно утверждал: «Главная причина стравнения инородцев от учения заключается в различии рожденного их языка от языка школы... Полагем, что учение для инородца тогда только будет полезным, если он начнет и выучится читать, писать, считать и всему прочему на своем родном языке...»²

Взгляды Золотницкого на цели и задачи обучения нерусских народов во многом были общими с миссионерами, и он принял определенное участие в христианизации чуваш. Вместе с тем его деятельность объективно сыграла значительную роль в деле общего подъема просвещения чуваш и сближения их с культурой русского народа.

¹ Н. И. Золотницкий. Заметки по ознакомлению с чувашским наречием. Казань, 1871.

Его же. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875.

В. К. Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

Его же. Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этнографический сборник, Казань, 1888.

Его же. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.

Н. И. Ашмарин. Очерк народной поэзии у чуваш. Журн. «Этнографическое обозрение», 1892, кн. XIII—XIV, №№ 2—3.

Его же. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. 1900.

Его же. Словарь чувашского языка. Вып. I—XVII. Казань, 1910—1912. Казань—Чебоксары, 1928—1950. До революции вышли две книги словаря: I—1910, II—1912.

² «Вятские губернские ведомости». 1861, № 47. См. рукописный фонд ЧНИИ.

В течение 1867—1875 годов Н. И. Золотницкий первый исполнял должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. За это время он развернул работу по изданию и распространению чувашских книг и по устройству начальных школ с обучением на родном языке.

Н. И. Золотницкий хорошо знал язык и поэзию чуваш. Он жестоко осуждал существовавшую вплоть до начала 70-х годов невежественную практику издания книг на чувашском языке, игнорируя его строй. Он призывал переводчиков и составителей книг изучать язык, вникать в художественные особенности поэзии народа, и сам положил начало пользования ими в целях перевода и составления книг. Золотницкий сделал первую попытку составления чувашского алфавита на основе русского с учетом фонетических особенностей чувашского языка. Он посвятил специальную работу вопросу изучения строя чувашского языка, составил корневой чувашско-русский словарь, издал чувашский букварь, книгу для обучения чтению и счислению по-чувашски, «Руководство» для учителя по обучению детей по этим двум книгам, выпустил первый печатный чувашский календарь.

В 1867 году вышла его книга — первый букварь для чувашских школ — «Чуваш кнеге».¹ Книга предназначалась для пользования в начальном обучении чтению, письму и счету на чувашском языке. Она содержит в себе азбуку, тексты для упражнения в чтении, официальную часть (молитвы, заповеди), тексты для обучения счету. Она отличается от всех предшествовавших ей книг, употреблявшихся в детском чтении, тем, что здесь текст составлен с учетом особенностей строя народной речи и насыщен произведениями чувашского устного творчества. Таким образом, чувашские дети впервые получили книгу для чтения на родном языке, близкую и понятную им.

Значительную часть текста для упражнений в начальном чтении представляют народные пословицы, поговорки и нравоучения. Подбор их автором подчинен определенной цели — в процессе чтения произведений народной поэзии помочь учащемуся расширять его кругозор, воспитывать в нем человека, мыслящего, трудолюбивого, честного, уважающего коллектив, не боящегося трудностей. Этим задачам как нельзя лучше соответствовали многие из включенных в книгу произведений. Приведем некоторые из них:

Вурмана вода лесмэссе, т. е. вурмана вута лесмэссьё (В лес дров не возят).² Выгыт иртсэн сирла татма каймассе.—Вахат иртсен сырла татма каймащё (После времени за ягодами не ходят).

Ислемэзыр ларма намыс—Ёслемесёр ларма намас (Стыдно

¹ Чуваш кнеге. Хозан-да (Чувашская книга), Казань, 1867.

² Здесь и в дальнейшем подстрочные переводы сделаны мною. В тех случаях, где приводятся переводы других, оговорено особо—В. К.

сидеть, сложа руки). Кагал номай озала вирендеть — Кахал ну-май усала вёрентет (Лень учит много дурному).

Сояна аякалла тюксэ-яр, тюррине кала — Суяна аякалла тёксе яр, тюррине кала (Ложь гони прочь от себя, говори правду). Тутла ыйга семзе вырын мар парать, таза чон — Тутла ыйаха семсе выран мар, таса чун парать (Не оттого бывает спокоен сон, что постель мягка, а оттого, что совесть чиста).

Сидик кюрюк йит сассы-бэ ситлеть, тессе — Ытёк кёрёк йыта сассипе те йтёлет, тесё (Худая шуба и от собачьего лая рвется).

Тода син син высине астумась — Тута сын сын выссине астумась (Сытый голодного не понимает). Халых исьне перь син туваймасть — Халах ёсне пёр сын таваймасть (Мирское дело одному не под силу).

Букварь Н. И. Золотницкого явился первым и довольно удачным опытом чувашской книги для детского чтения на основе использования устнопоэтического творчества. С включением народных произведений в детское чтение в него внедрялась народная идея, облеченная в полнозвучную народную форму.

Вскоре букварь с дополнениями был переиздан и оставался основной книгой для чтения на родном языке в школах светской грамоты вплоть до создания усовершенствованной письменности и издания новых букварей. Книга Золотницкого не могла полностью удовлетворять потребности эпохи. Она не была достаточно способна решить ряд вопросов воспитательного чтения. Кроме того, она, как и другие книги Золотницкого, была издана на языке верховых чуваш, без учета низового наречия. Это несколько ограничивало ее распространение. Тем не менее «Чувашская книга» Золотницкого сыграла свою положительную роль в истории зарождения чувашской детской литературы. Выход ее в свет и успех, которым она пользовалась среди читателей, сделали яснее пути зарождения и развития детской книги, воодушевляли писателей и педагогов в их стремлении преодолеть косность и рутину, и тем в той или иной степени приблизили время появления оригинальных произведений. Учитывая успехи и недостатки этой книги, стало возможным приступить к созданию отвечающего требованиям передовой педагогики детского чтения на чувашском языке.

Таким образом, 60-е годы XIX века подготовили условия для создания оригинальной чувашской литературы. Эти условия были использованы в последующем десятилетии, и в начале 70-х годов стали появляться первые оригинальные произведения художественной литературы.

Забегая вперед, нужно заметить, что в дореволюционный период детская литература, особенно в начальный этап ее развития, еще окончательно не выделилась из общей массы художественных произведений. Многие произведения в равной мере пред-

назначились как для детей, так и для взрослых.¹ Но примечательно при этом то, что значительная часть произведений дореволюционной оригинальной литературы создавалась и появлялась в печати именно как материал для детского, классного или внеклассного, чтения в школе. Основными сборниками чувашской художественной литературы на протяжении десятков дореволюционных лет оставались учебные и другие школьные книги.

Одним из первых чувашских писателей, автором первых оригинальных произведений для детей на чувашском языке был виднейший педагог и просветитель чувашского народа *Иван Яковлевич Яковлев* (1848—1930).

Работа И. Я. Яковлева над созданием произведений для детей тесно связана с его педагогической деятельностью.

Формирование педагогических взглядов И. Я. Яковлева началось в 60-х гг. под влиянием демократических идей русской общественной и педагогической мысли. Под влиянием этих идей и при содействии представителей демократической русской интеллигенции он пришел к мысли своим личным участием помочь родному народу в решении его судеб и приступил к работе по просвещению чуваш. Окончательно сложились взгляды и развернулась общественная и педагогическая деятельность Яковлева в 70-х гг., когда демократические силы России в условиях жестокого нажима со стороны реакционной правящей верхушки на всякое проявление свободной мысли самоотверженно продолжали борьбу за гражданские права русского и нерусских народов.

И. Я. Яковлев стремился освоить все ценное, передовое в учении великих русских мыслителей. Он изучил и высоко ценил труды Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого и на их учении строил свою педагогическую работу.

Положительно отразились в педагогической деятельности Яковлева встречи с известным в то время деятелем по просвещению нерусских национальностей Н. И. Ильминским. Из системы Ильминского он принял идею обучения чувашских детей на родном языке и, в отличие от Ильминского, ратовавшего исключительно за вероучение, подчинил ее своей просветительской, общеобразовательной программе, которая исходила из достижений прогрессивной педагогики.

Неоценимо богатый вклад в развитие чувашской культуры внес русский педагог-демократ, последователь педагогических идей Чернышевского и Добролюбова, системы Ушинского, крупнейший деятель в области народной школы 70—80-х годов, инспектор, затем директор народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянов.

И. Н. Ульянов активно боролся против реакционной политики

¹ Это явление часто побуждало исследователей чувашской литературы к ошибочным утверждениям об отсутствии чувашской дореволюционной детской литературы.

царского правительства в области просвещения нерусских народов. Он постоянно утверждал, что дети нерусской национальности, татары, мордва, чувашаи в такой же степени нуждаются в образовании, как и русские. Характеризуя работу нерусских школ Симбирской губернии, он не раз указывал на успешное усвоение учебного материала учащимися-чувашами, например, в Симбирской чувашской школе, Ходаровском, Кошкинском и других начальных училищах.

Прогрессивным в педагогической системе И. Н. Ульянова, оказавшим положительное влияние на И. Я. Яковлева и его учеников, было указание о месте родного языка в общем росте национальной культуры нерусских народов и о роли обучения детей этих народов родному и русскому языкам в школах. И. Н. Ульянов высоко ценил родной язык народа и указывал, что он должен служить средством для развития мыслей и чувств учащихся, потому он должен стать орудием начального обучения детей в нерусской школе. Получив начальное обучение, дети легко могут переходить к изучению русского языка, преподавание которого в нерусских школах имеет важное значение. Обучение детей татар, мордвы, чуваш на русском языке следует вести для того, говорил И. Н. Ульянов, чтобы приобщить эти национальности к русской культуре. Однако принуждать их к изучению русского языка, учить из-под палки было бы так же вредным, как лишить их этой возможности.

Демократические, прогрессивные принципы И. Н. Ульянова оказывали положительное влияние на всю деятельность И. Я. Яковлева. Ульянов заботливо следил и внимательно направлял работу Яковлева, постоянно помогал ему.

Творчески воспринимая прогрессивное в русской науке об обучении и воспитании детей нерусских национальностей, И. Я. Яковлев разработал свою педагогическую систему.

Основным в этой системе является принцип демократизма, который последовательно проявлялся во всей работе по просвещению чуваш.

Как выражение демократического в просветительной системе И. Я. Яковлева выступает решение им вопроса о значении родного языка в общей культуре народа и его месте в деле обучения, образования и воспитания молодого поколения. Яковлев утверждал, что язык народа является «оболочкой» его духовного богатства. «Из глубины тысячелетий каждый исторически обособившийся народ выносит выработанный его собственными духовными силами и средствами скелет чувств, понятий и идей, которые умрут только вместе с ним», — писал он. «Язык умирает только вместе с создавшим его народом, — продолжал он, — и требовать, чтобы родной язык народом был забыт, почти равносильно требованию смерти этого народа».¹

¹ См. Госархив Чувашской АССР, фонд И. Я. Яковлева, д. 1268—а. л. 13.

Родной язык Яковлев считал лучшим средством развития мыслей и чувств детей и ввел его в школу как язык обучения грамоте чувашских детей.

При этом он считал необходимым использовать родной язык не только для первоначального обучения, но как орудие постоянной и последовательной работы по руководству развитием учащихся. Одним из средств такого воздействия на ребенка является литературное чтение на родном языке, которое должно давать ему не только первоначальное знакомство с грамотой, но и способствовать его общему развитию путем усвоения систематических знаний, выработки художественного, эстетического чутья. Он активно добивался практического осуществления этого принципа во всех школах¹.

В своих высказываниях по теоретическим и практическим вопросам обучения нерусских детей, замечаниях по поводу проведенных учителями уроков и прочих методических указаниях Яковлев постоянно подчеркивал, что обучение родному языку не должно быть самоцелью и не стоять обособленно от общего дела просвещения народа, а, напротив, занятия по изучению родного слова, часы литературного чтения должны представлять одно из важных звеньев этого дела и способствовать формированию культурно развитого человека.

Благодаря тому, что чувашский язык наряду с русским стал языком обучения, яковлевские школы приобрели народный характер, они стали близкими, родными чувашскому народу. В общей системе просвещения чуваш родной язык стал средством распространения знаний среди всего населения, орудием развития национальной культуры, приобщения ее к передовой русской культуре.

И. Я. Яковлев вел многогранную общественную и педагогическую работу. Он относится к числу талантливых организаторов народного просвещения чуваш. По его инициативе и при активном участии была основана Симбирская чувашская учительская школа, открыты около ста школ для чувашских детей. Он кропотливо руководил и направлял работу учителей.

¹ Примечателен в этом отношении такой факт. На съезде учителей Чебоксарского уезда, состоявшемся в 1883 году, выступая по вопросу о литературном чтении на родном языке в нерусских школах, инспектор народных училищ Казанской губернии Казаринов сообщил, что «На съезде инспекторов народных училищ Казанской губернии, бывшем в сентябре 1880 года, вопрос о чтении инородческих книг был обсуждаем по предложению инспектора чувашских школ И. Я. Яковлева, и было решено, согласно его мнению, ввести чтение книг на родном языке во всех отделениях; признано полезным читать книги на инородческих языках в классе даже и тогда, когда ученики уже свободно владеют русскою речью. На основании всего вышеизложенного, чтение книг на инородческих наречиях следует ввести во всех отделениях, разумеется, употребляя на то соответственно количество времени, не в ущерб другим занятиям». (См. «Постановления съезда законоучителей, учителей и учительниц начальных училищ Чебоксарского уезда, бывшего в июле 1883 года». Казань, стр. 23—24).

Вместе со своими единомышленниками и с помощью русских филологов Яковлев составил чувашский алфавит, который лег в основу современной письменности. Он руководил изданием оригинальной и переводной литературы на чувашском языке.

И. Я. Яковлев претерпел ряд гонений со стороны царского правительства. В течение всей своей дореволюционной деятельности ему приходилось бороться против реакционной кучки великодержавных шовинистов, которая обвиняла его в «сепаратизме». Доносам представителей духовенства на Яковлева о «распространении им ереси» не было конца. В 1903 году царским правительством должность инспектора чувашских школ была ликвидирована, и Яковлев был уволен с должности за «неблагонадежность». В период наступившей после революции 1905—1907 годов реакции рамки деятельности Яковлева были сужены до предела. Наперекор преследованиям он, однако, оставался верен своему делу служения народу.

Просветительская деятельность И. Я. Яковлева получила высокую оценку В. И. Ленина. В известной телеграмме от 20 апреля 1918 года на имя председателя Симбирского Совдепа В. И. Ленин отметил, что И. Я. Яковлев пятьдесят лет работал над национальным подъемом чуваш и претерпел ряд гонений от царизма. Эту работу он назвал делом жизни Яковлева.

Общественно-педагогические взгляды Яковлева проявились и в его литературном творчестве.

Вскоре после создания чувашского алфавита Яковлев принял составление букварей. В 1871 году в сотрудничестве с В. А. Белилиным и А. И. Рекеевым он составил букварь на низовом чувашском наречии.¹ В 1872 году появился букварь, составленный им по способу Н. Ф. Бунакова.² Первый способ составления алфавита не увенчался успехом. В результате длительной работы он при активной помощи В. А. Белилина составил новый алфавит, который и лег в основу современной чувашской письменности. Тут же, в 1873 году, появился «Букварь для чуваш» Яковлева.³ Это был первый букварь, изданный новым чувашским алфавитом. В течение 1873—1913 годов с изменениями и дополнениями он выдержал 22 издания и являлся почти единственным в своем роде книгой для школьного чтения на чувашском языке.

В букваре Яковлева появились первые произведения письменной художественной литературы для чувашских детей: устнопоэтические народные творения — загадки, пословицы и поговорки, песни, сказки, шуточные миниатюры, басни, короткие оригинальные рассказы и переводы отдельных произведений русских

¹ Тъваш адизене сырва вьрентмелли кнеге (От совета братства «Св. Гурия» печатать разрешено 15 ноября 1871 г.). Казань, 1872.

² Сырва вьренме тытъымалли кьнеке, Казань, 1872.

³ Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки. Казань, 1873.

классиков. В первом рукописном букваре 1873 года были помещены ряд загадок, пословиц, поговорок, а также сюжетные произведения: «Тёлит-тёлит Микулай», «Вищё сын утта кайна тет» (Как трое были на сенокосе), «Пёр сын хай айёнчи лашине вищё кун шырана тет» (Поиски лошади), «Чи-чи касия» (Синичка). В букваре издания 1875 года они дополнены новыми образцами народной поэзии, оригинальными рассказами, баснями и сказками: «Автан» (Петушок), «Чакак» (Сорока), «Пурта аврине тытма хатланса, пуртине яна тет» (Зарился на топорыше, топор упустил), «Кашкар» (Волк), «Пёр ача» (Мальчик), «Сармантей» и переводами с русского: «На воре шапка горит» (Сухална укша тупанни), «Спор» (Тавлашу), «Хорек» (Пасара), «Баба и курица» (Мантарланна чаха), «Лошадь и конюх» (Лашапа тарса), «Дойная корова» (Савакан ёне), «Волк и старуха» (Кашкарпа карчак), «Волк и мужик» (Иван тарса),¹ «Лиса и волк» (Тилё тус). Так в каждом новом издании букваря количество художественных произведений увеличивалось.

В построении своего букваря И. Я. Яковлев следовал принципам учебных книг К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого. Придерживаясь системы «воспитательного чтения», выработанной классической русской педагогикой, он стремился к созданию такой книги для чтения на родном языке, которая могла бы способствовать выполнению задач народного воспитания детей.

Так же, как Ушинский и Толстой, И. Я. Яковлев при изучении родного языка большое значение придавал устнопоэтическому народному творчеству, как средству ввести учащихся в мир мысли, чувств, духа и жизни родного народа.

Значительную часть его букварей составляют образцы устнопоэтического народного творчества. В методических указаниях к букварю он обращает внимание учителя-руководителя детским чтением на возможность и необходимость творческого использования этого материала. В «Предупреждении» к букварю 1875 г. он указывает, что «для упражнения в чтении в букваре помещено 23 небольших рассказа, 45 загадок и несколько пословиц и поговорок;² все это может также послужить материалом для устных бесед».³

Отбирая и включая в букварь лучшие образцы народной поэзии, Яковлев преследовал цель воспитания в детях чутья к звуковым красотам родного языка, к живому изобретательному народному уму, а также будить в юных читателях критическое чувство к окружающей их действительности.

¹ Время появления сказок «Сармандей» и «Волк и мужик» в «Букваре для чуваш» И. С. Тукташом не верно отнесено: первого—к 1880 году, второго—к 1890 году. См. «Чуваш фольклор» (Чувашский фольклор), Сост. И. С. Тукташ, под ред. С. В. Эльгера. Подготовлено к изданию Чувашск. НИИ ЯЛИ, Чувашгосиздат, 1949, стр. 10.

² Как было сказано, количество материала по мере переизданий букваря росло.

³ Букварь для чуваш. Казань, 1876, стр. 1.

С большим успехом он использует народные загадки. Загадки всегда представляют образное, картинное описание предмета, его внешних и внутренних качеств, взаимоотношений с другими явлениями. Усвоение их прививает детям навыки наблюдательности и логического мышления, в то же время дитя постигает в них образную простоту и красоту родной речи.

К. Д. Ушинский говорил, что включать в детское чтение загадки нужно для того, чтобы доставить уму ребенка полезное упражнение: приладить отгадку, сказанную, может быть учителем, к загадке и дать повод к интересной и полезной классной беседе, которая закрепится в уме ребенка именно потому, что живописная и интересная для него загадка заляжет прочно в его памяти, увлекая с собою и все объяснение к ней приведенное.¹

Отбор и включение загадок в свою книгу Яковлев подчинял принципу «от простого к сложному, от легкого к трудному». Вначале дети читают более простые, легкие для восприятия загадки. Тем не менее, по мнению Яковлева, частое обращение детей к этим загадкам прививает им наблюдательность, быстрый ум. Вот несколько таких загадок из его букаря. Все они представляют метафорические выражения, в них названы предметы по их качествам, сходным или отличительным от других предметов и явлений. Для отгадки этих загадок требуется наблюдательность, живой ум.

Икё кашта чэххам пур, пурте шап-шура (Два насеста кур имею, все беленькие. Зубы). Пёр сапкара икё ача (В одной зыбке два дитяти. Полба). Пёр сёлёкён хёрёх саплак (На одной шапке сорок заплаток. Каменка в бане). Шура хыран ашё хавал (У белой сосны полый ствол. Соломинка).

Постепенно детям предлагаются и более сложные загадки. Зато в них больше динамического, живого и вместе с тем—поэтического: Чупса-чупса пына чух кемёл сёррем тухрё үкрё, ана уйах курчё, хёвел илчё (Роса. Ср. русскую народную загадку: Заря-заряница, красная девица, по лесу гуляла, ключи потеряла; месяц видел—не сказал, солнце увидело—подняло).² Ши каять, пи каять, сүле каять, сармарт тавать (Вьется-завивается, взвивается ввысь, доберется—снесет яичко. Хмель). Сартан чамсах пырать, парё шансах пырать (Щука вперед

¹ См. К. Д. Ушинский. Избр. произвед. Прилож. к журн. «Сов. педагогика», в. I, 1946, стр. 94.

² К. Д. Ушинский эту загадку назвал в числе наиболее поэтических загадок для чтения в школе. «Так, например, сколько интересных и полезных для ребенка объяснений можно связать с следующей поэтической загадкой: «Заря-заряница» красная девица по лесу гуляла, ключи потеряла; месяц видел—не сказал, солнце увидело—подняло». Положим, что ребенок не отгадает, что *ключи* значит *роса*; но пусть он объяснит: почему заря называется красной девицею? почему говорится, что заря теряет росу? почему месяц не поднял росы? как солнышко поднимает росу? Какая живая и полезная беседа может быть закреплена в душе дитяти подобною живописною загадкой!». См. там же.

ныряет, за ней река замерзает. Тканье). Нарат, нарат синче турат, турат синче йави, йави синче шамарти (Сосенка, у сосенки сучок, на сучочке гнездышко, в гнездышке яичко. Горох). Сеҫен хир варринче вата юман; вата юманан вуникё турат; вуникё туратра таватшар йава, тавата йавара сичшер шамарта (Средь чиста поля старый дуб, старый дуб о двенадцати ветвях, на двенадцати ветвях по четыре гнезда, в четырех гнездах по семи яиц. Год, месяцы, недели, дни).

Значительное место в букваре занимают народные пословицы и поговорки. Они помещены и отдельно в специальном отделе пословиц и поговорок, а также органически введены в текст рассказов. В пословицах и поговорках нашло место до предела лаконичная и в то же время пожалуй наиболее меткая и острая, чем в каком другом жанре, оценка народа, данная тому или иному явлению; в пословицах и поговорках народ беспощадно осуждает пороки и утверждает положительное. Нравоучение, мораль, которую заключают в себе эти произведения устного творчества всегда оформляются столь убедительно и столь живописно, поэтично, что любовно воспринимаются детьми. Это и давало Яковлеву использовать пословицы и поговорки в детском чтении и через него научить ребенка умению взглянуть на явления жизни зорким глазом народа, воспитывать в нем любовь к трудовому народу, прививать ему трудолюбие, разум и смекалку, смелость, правдивость, скромность и другие качества положительного человека, какого представлял педагог. И он отбирает пословицы и поговорки о труде, о народной силе, человеческом разуме и так далее.

Ёҫ хыта та, чикмест вал (Работа жестка, но не колетса)*¹. Ёҫ апат ййтмасть, вал хай тарантарать (Труд хлеба не просит, он сам кормит). Ёҫрен ан хара,— вал санран харатар (Не бойся работы, пусть она тебя боится)*. Ҫынна ёҫ типётмест, хуйха типёттет (Не работа сушит человека, а горе)*. Ахаль тариччен кёрёк аркине йавала, теҫҫё (Чем стоять без дела, хоть разомни подол шубы)*. Юлхава ялан уяв. (У ленивого каждый день праздник).

Пёччен автан ашё ҫиме анчах аван, теҫҫё (Одному (в одиночку) хорошо только курятину кушать). Халах ҫаварё хапха, теҫҫё (Уста народа — что ворота). Халах сурать кулё тавать, пёччен сурать типсех пырать (Народ плюнет — сделает озеро, один плюнет — высохнет)*.

Илемлё ан пул та, ася пул теҫҫё ваттисем (Не будь красавцем, а будь умницей). Вуна хут виҫ те пёрре кас (Десять раз отмерь, один раз отрежь)*. Пёр кун каймалла пулсан, сичё кунлах ҫакар хатёрле, теҫҫё (Поедешь на день, бери хлеба на неделю)*. Чавса ҫывах та ҫыртмалла мар (Близок локоть, да не

¹ Звездочкой отмечены переводы проф. Н. И. Ашмарина. См. его «Сборник чувашских пословиц» (Ваттисем калана самахсем)». Чебоксары, 1925.

укусишь)*. Вайаран вакар тухать, теҫҫё (Из игры выходит бык, т. е. игра до добра не доводит)*. Юр ҫинчен кампа ан шыра (По снегу грибов не ищут).

Ут ёҫерёнет — тыттарать, самах ёҫерёнет—тыттармасть (Конь вырвется — поймашь, слово вырвется — не поймашь).

Анаталла шырасан, шыван вёҫне тупас ҫук; тавалла шырасан, вёҫне час тупан (Пойдеш искать конец реки вниз по течению — не найдеш, пойдеш вверх — найдеш начало).

Йыттан хури кукар, ана шанма ҫук, теҫҫё (На собаку не надейся, у нее хвост кривой).

Шыван турачё ҫук (У воды сучьев нет).*

Йёп аста, ҫип унта (Куда иголка, туда и нитка).

В побасенках и прибаутках народ с горькой иронией изображал картины жизни трудящихся. Собственные нужды, претерпеваемые крестьянами для того, чтобы кое-как прокормить себя и семью, хотя бы в относительной исправности содержать хозяйство, народ перенес на иронические образы этих произведений.

В числе других произведений в буквари включалось много народных песен. При отборе их Яковлев учитывал многие качества этого жанра, которые делали его полезными для детского чтения. Почти все отобранные для букваря песни построены на дидактической основе народной педагогики. Идеи народной лирики, естественно, соответствовали идеям народного воспитания педагогической системы Яковлева. Народная песня, с другой стороны, была ценна как познавательный материал для усвоения поэтических особенностей родной речи, для воспитания в детях образного мышления. Яковлев включает в детское чтение песни обрядовые («Сиктёрмеллё урапа», «Таран ҫырма тарых хурлахан», «Шанкар-шанкар шыв юхать», «Вуниккён туна ҫапата», «Сём-сём варман», «Асатас пулсан асатар»), сатирические («Вуникё кушак пур ҫинче», «Атте мана юратать», «Эпир вуниккён пёр таван», «Керепенке ҫура хут укҫа», «Ҫуре пёлмен ҫавра-сул») и специально детские («Чи-чи касая», «Чёкеҫ юрри»).

Народные нравоучительные мотивы, тонкий юмор и намек, глубокий лиризм — слияние в единое целое педагогического и поэтического — делало народные песни не только возможным для рекомендации детскому чтению, но и выдвинуло в ряд лучших произведений народной детской литературы. Усвоение поэтами этих особенностей народной лирики явилось условием создания оригинальной чувашской детской поэзии на реалистической народной почве.

Яковлев стремился к тому, чтобы дети воспринимали бы народные произведения не как отвлеченное, оторванное от жизни, а так, чтобы они ясно поняли, что народная мудрость, вкладываемая в устнопоэтические творения, рождается жизнью, многовековым опытом, и чтобы эти произведения учили бы детей разбираться в окружающей их обстановке. С этой целью он многие произведения устной поэзии иллюстрирует коротенькими

рассказами из понятной детям жизни и быта. В букварь включена загадка «Пуѣ тура, куче џурла» (Голова — гребешок, а хвост — серпок. Петух). Ей предшествует маленький оригинальный рассказ-описание «Петушок». Пословице «Пурта аврине тытма хатланса, пурттине яна, тет» (Зарился на топорище, топор упустил) предпослан рассказ, сюжет которого соответствует и раскрывает содержание народного произведения: «Мужик заметил, как по реке плывет бревно. Он стал на берегу, приготовился подцепить топором и вытащить его. Всадил топор в бревно, не удержал—вырвалось топорище из рук, и топор поплыл вместе с бревном». Рассказ не большой, но в силу его яркости и убедительности цель успешно достигается — народная пословица приобретает действенный характер.

Такая связь в книгах Яковлева не случайна и выдержана она довольно последовательно. Чаще она приобретает тематический характер, а иногда писатель свои рассказы дополняет такими произведениями устной поэзии, в которых содержатся те же образы, что и в оригинале. Например, рассказ «Ўурла» (Серп), помещенный в букваре 1884 года, завершается двумя произведениями народной поэзии: загадкой «Пёчэксеџё пёкёрёлчёк пётём хире пётерет» (Маленький, горбатенький—все поле убирает — Серп) и пословицей «Пере пёлмен ала туйи хайне џавранса тивнё, тет» (Неумело брошенная палка попадает в самого, кто ее бросает). При этом загадка является описанием предмета, о котором идет речь в рассказе, а пословица имеет с произведением тематическое единство. Подобные примеры многочисленны. Такой прием вызывает наибольший интерес читателей не только к содержанию, но и форме читаемого текста, повышает их наблюдательность. С другой стороны, такое преподнесение материала гармонирует с задачами последовательного чтения его в соответствии с развитием восприятия и мышления детей.

Дети, читая книги Яковлева, особенно тогда, когда руководили их чтением, приучались сами сознательно обращаться к устной народной поэзии. К такой работе с детьми готовили и учащиеся Симбирской учительской школы: в своих школьных, а потом и самостоятельных литературных сочинениях они активно использовали народную поэзию, органически включая ее в свои произведения, или, подобно Яковлеву, дополняя их образцами народной поэзии. Любопытен в этом отношении рассказ одного ученика — «Пирён пурт џунни» (Как сгорел наш дом). Рассказ (он в числе других сочинений учащихся школы включен в букварь) завершается приложенными к нему шестью произведениями народного творчества—пословицами, поговорками и загадками об огне.

Стремление Яковлева помочь ребенку с наибольшей пользой для своего развития усвоить идейное и художественное богатство народной поэзии ярче выразилось в его работе по литера-

турно-творческой обработке устнопоэтических произведений, которая представляет вторую ступень развития его литературного творчества.

И. Я. Яковлев вел большую работу по литературно-творческой обработке произведений народной поэзии. Он создает короткие нравоописательные и нравоучительные рассказы, используя для этого народные шуточные миниатюры, пословицы, поговорки, обрабатывает сказки. При этом часто народные произведения оставляются им без изменения, подвергаясь лишь литературному их оформлению в соответствии с педагогическими требованиями к материалу для детского чтения. Иногда, сохраняя их сюжетную основу, художественную красоту, силу народного юмора, писатель вкладывает в них нужный ему смысл. Характерен в этом отношении рассказ «*Џил-тăвăл*» (Вихрь). В нем писатель, используя народный юмор, высмеивает суеверия и предрассудки, осуждает людей, которыми руководит страх перед возникшими трудностями: «Молотили мы однажды летом на лужайке семенную рожь. Не заметили, как нависла туча, налетел вихрь и разметал солому и семена. Все опешили и перепугались. Кто взял лопату и ворошит солому, кто схватил вилы и тычет в зерно, хочет сгрести в кучу. Сосед наш, молотивший с нами, вскочил с перепугу на лошадь и носится вокруг нас вскачь, а сам благим матом кричит: «Конец света, конец света! Погибаем! Где моя трубка?..» Вихрь прошел, и стало нам смешно над собственным страхом.» Заканчивается рассказ народной поговоркой: «Перепуганная утка задом в воду нырнула». (Перевод М. Сироткина). Таковы его рассказы «*Сусмен хакё*» (Цена хомута), «*Утара*» (На сенокосе), «*Лаша шырани*» (Поиски лошади) и другие, которые направлены на осуждение житейских недостатков, искоренение невежества, предрассудков, суеверий и т. п.

Мягкий юмор, добрый смех сохраняется в структуре и таких рассказов, в которых нравоучение дается не путем осуждения недостатков, а утверждения положительного. С теплым чувством одобрения описывает писатель в рассказе «*Вăрамтунасемпе старик*» (Комары и старик), как старик, попавший в беду, в конце концов нашел выход из трудного положения. Напали на старика комары, мучился бедный, не знал, что предпринять. Надоело ему отгонять комаров, покрылся он через голову кафтаном и... спасся от врагов.

Обстоятельство, в какое попал старик, и то, что нужно было придумать ему, чтобы спасти себя от беды, вызывают улыбку читателя и его симпатию к герою повествования. А мораль, вложенная в рассказ, усваивается им легко и успешно.

Прогрессивная струя 60-х годов — включать в детское чтение народную сказку — влилась в чувашскую детскую литературу в самый ранний период ее развития, оказывая положительное влияние на исход дела создания детского чтения на родном языке. Так, Яковлев с большим успехом использует народные сказки в

письменной детской литературе. Он обрабатывает чувашские и русские народные сказки, переводит сказки Толстого, Ушинского, Аксакова и других.

Для своих книг Яковлев берет большей частью сказки о животных и бытовые. При обработке тщательно освобождает их от излишних деталей и уводящих от основной темы эпизодов и приключений, усиливает дидактизм сказки. Таковы оригинальные сказки «Сармандей», «Волк», «Лиса и волк» и другие. Этим принципом руководствовался он и при отборе сказок для перевода с русского.

И. Я. Яковлеву принадлежат и первые в чувашской литературе оригинальные рассказы для детей. Писатель в них, как и в работе над произведениями устной поэзии, а пожалуй даже более глубже и последовательней, осуществил принципы своей педагогической системы детского чтения. В стремлении содействовать развитию в детях положительных качеств человека, он преподносил детям различные по характеру рассказы. Он написал коротенькие научно-познавательные, нравоописательные и нравоучительные рассказы и в них охватил широкий круг тем: быт и занятие детей и взрослых, семья и общество, человек и природа. Разнообразна система образов произведений. В ряду персонажей его рассказов стоят человек и окружающие его явления природы и общества, интересный для ребенка своим богатством животный и растительный мир.

Первым его оригинальным произведением был рассказ-описание «Автан» (Петушок), вышедший в букваре 1875 года. Это небольшой рассказ, посвященный описанию Петушка—золотого гребешка. О нем много слышали чувашские дети в народных сказках и песнях, его часто наблюдали сами. Рассказ рассчитан на то, что, читая его, дети еще раз обратят внимание на виденное ими ранее, поймут, чем красив петушок и почему он им нравится.

«Пирён пёр пысак хёрлэ автан пур. Вал тар кантарла урапа сине хапарать те: «Кики-рик-ку», тесе аватать. Сасси аван; хури илемлэ, авана-авана тарать. Кикирикки пысак; тэклэ уралла; качи варам.

— Сирён автан сапла-и?— У нас есть большой красный петух. Он в ясный полдень взлетает на телегу и поет «Ку-ка-ре-ху!» Голос звонкий, хвост красивый, дугою гнется, гребень высокий; ноги мохнаты; шпоры длинные.

— Такой ли ваш петух?»

Вопрос, завершающий рассказ, вызывает оживленные рассуждения детей, настраивает их на беседу о других птицах, животных, деревьях, цветах и о многом другом, что они наблюдали. Так дети подготавливаются к чтению последующих за этим произведением малых научно-познавательных рассказов, которые по образцу Ушинского и Толстого писались Яковлевым в течение всей его литературной деятельности.

Яковлевым создан ряд рассказов-описаний научно-познавательного характера: «Сус» (Волокно), «Кер» (Осень), «Чие» (Вишня), «Макань» (Мак), «Чакак» (Сорока) и другие, в них показан окружающий детей мир природы и животных. Они невелики по объему и представляют краткое описание основных качеств предмета, которому посвящен рассказ. Вот рассказ «Мак»: «Макань пахчара усет. Чечекё унан хёрлё те, шура та пулать, тарри пукра пущё пек. Маканён варри тутла, анчах ана ытларах сисессён, вал сыварас килтерет.— Мак растет в огороде. Его цветы бывают красные, бывают и белые, на стебле коробочка, как у куколя. Семена мака вкусны, но, если съесть много, от них клонит ко сну».

А «Волокно» состоит всего лишь из одного сложного предложения: «Сусрен пушне пире пит хён: кёпи те кирлё, вёренё те кирлё, пуши те кирлё, сын сусрен пушне шап аптрамалла.— Без волокна мы были бы в большой нужде: и рубашка нужна, и веревка нужна, и кнут нужен; человек без волокна был бы лишен многого».

Эффект чтения этих произведений заключается в том, что ребенок, обнаруживая в процессе чтения свою осведомленность в теме, охотно будет участвовать в последующей за этим работе, направляемой руководителем (рассказы эти рассчитаны на тот младший возраст детей, которые должны читать под руководством старших): он непринужденно будет делиться своими наблюдениями и впечатлениями, упражняясь при этом в последовательном их изложении (устном или письменном), а открывая интересное для себя, захочет узнать еще большего, у него появится потребность к чтению, самостоятельным наблюдениям. Ясно, вся эта работа положительно скажется на развитии его восприятия, логического мышления, обогащения научных познаний.

Много произведений этого жанра переведено Яковлевым с русского из книг Ушинского и Толстого.

В рассказах Яковлева разносторонне охвачена жизнь и быт детей.

Из числа рассказов о детском быте выделяется «Арман туни» (Мельница). В нем рассказывается не о чем-либо особенном, исключительном, это рассказ о буднях детей. Это история о том, как однажды осенью собрались дети и отправились на реку. Там они вырезали большой кусок льда, обтесали его, и получился огромный круглый жернов, точно мельничный. Дети укрепили его и стали вертеть. Вертели, вертели, вдруг льдина лопнула. Поспорили ребята, кто виноват, и, довольные игрой, разошлись по домам. История эта подкупает читателей-детей тем, что в ней просто и ясно рассказывается о близком и понятном им. Строгая лаконичность, простота и точность, рассказывание только о главном и нужном, доступные детям различных возрастов образы— эти особенности, свойственные всем рассказам И. Я. Яковлева, остаются характерными и для рассказа «Мельница».

Верный задачам воспитания многосторонне развитого человека, Яковлев стоял за всесторонний показ жизни в детской литературе, и он не ограничивал ее произведениями только о детях, старался обогатить рассказами о жизни взрослых, пример которых должен быть для детей направляющим. В его рассказах широко представлен быт взрослых, их труд, думы и настроения, чаяния и переживания. Писатель стремился вплотную подвести юных читателей к большим явлениям природы и общества. Образами и персонажами его рассказов является все то, что близко и понятно детям, что способствует достижению этой задачи.

В взрослых писатель показывает детям их богатый опыт жизни, народный ум и смекалку, всепобеждающую силу труда. Наблюдать за взрослыми, учиться у них, беспрекословно выполнять их советы и указания — такова идея многих детских рассказов. Наиболее ярко выразилась она, например, в рассказе «Ес̄ синче» (На жатве).

Яковлев исключительно важное значение придавал воспитанию детей трудом. Труд он рассматривал как одно из главных средств, направляющих верное развитие человека. И перед своими рассказами он ставит определенную задачу — научить детей любить труд, относиться к нему серьезно.

Яковлев учил детей определять достоинство человека по его приверженности к труду. Только тот человек полноценен и заслуживает уважения, который трудится. В числе ранних произведений писателя имеется рассказ «Пирён̄ семье» (Наша семья). В произведении перечисляются члены семьи. Образ каждого из них определяется их трудом. В этой семье нет не трудящихся, все работают, выполняют посильную им работу. Отец весной и летом работает в поле, пашет, сеет, зимой готовит дрова — всегда у него полно работы, постоянно он занят делами по хозяйству. Мать все делает для детей: шьет, стирает, есть-пить готовит. «А я, — заканчивается рассказ, — пока родители заняты делом, нянчу свою маленькую сестренку».

Труд надо любить, ведь не зря же говорили деды: «Труд кормит, лень портит». Но труд — это не просто игра, каждая работа требует, чтобы к ней относились серьезно, с умом да сноровкой, не то — можно больше вреда наделать, чем пользы. Эту мысль писатель прививает детям настойчиво, но щадя самолюбие читателей. Вот маленький рассказ «Чӓлха̄ сыхни» (Вязанье). В нем повествуется о том, как девочка решила помочь матери. Взяла она в ее отсутствие вязанье и стала довязывать чулок, да напутала все. Пришла мать, увидела, чего наделала дочка, и сказала: прежде толком научись делу, а потом и примись за него.

В вопросе воспитания любви к труду Яковлев, воспринимая идею и творческие приемы Ушинского и Толстого, показывает детям, как труд переделывает, облагораживает человека. В рассказах он раскрывает юным читателям истину жизни трудового че-

ловека, что «хлеб добывается в поте лица», что «потрудишься и черный хлеб вкусен, а сытому и мед горек». Решает эту проблему Яковлев, опираясь на народную педагогику. Народное устное творчество кладется им в основу своих рассказов, посвященных этой проблеме. Характерен в этом отношении рассказ «Калач»: одному мальчику очень хотелось калача, и он все просил отца, чтобы тот привез ему с базара калачей. Однажды в базарный день отец велел мальчику положить в сумку каравай черного хлеба и повел его корчевать поле. Привел на загон и говорит: «Вот сынок, корчуй эти пеньки, а на хлеб не гляди, он сам по себе станет калачом». Сказал и ушел на базар. А мальчик наработался и не выдержал, вынул каравай, отрезал горбушку, посолил ее круто и принялся есть. Тут воротился с базара отец и спрашивает сына: «Ну, как сынок, не стал еще хлеб калачом?»— Белым он, правда не стал, а по вкусу куда тут калачу до него!— отвечает сын. «Так вот оно, сынок: потрудишься да проголодаешься и черный хлеб вкусен, а сытому и мед горек»,— говорит отец.

Мы уже говорили о том, что всю свою деятельность И. Я. Яковлев посвятил национальному подъему чуваш, сближению их с передовой русской культурой.

Задаче воспитания в читателях-чуваших любви к русскому народу подчинил Яковлев и свое литературное творчество. В произведениях художественной литературы он стремился показывать равенство трудовых людей всех народов, их близость, он подчеркивал, выдвигал на передний план большие чувства симпатии к русскому народу, таящиеся в глубине души чувашских трудящихся крестьян. Эти чувства выражены в отобранных им произведениях народного творчества. Эту идею вкладывал он в оригинальные произведения.

В букварь включалось известное народное шуточное повествование о рыбаках—русских, чуваших и мордвинах, которые за целый день так и не поймали ни одной рыбки—«Пуля сёрни» (Рыболовы). В редакции Яковлева рассказ сам по себе направлен на то, чтобы вызвать у читателя одинаково теплое чувство к персонажам произведения. Кроме того Яковлев придал рассказу такую концовку: «Вырас, тутар, чаваш—пурте сын» (Русские, татары, чуваша—все люди)¹. Так рассказ в целом становится произведением на большую тему о равенстве народов.

Огромную и неотделимую часть всей работы по созданию чувашской литературы, способствующей воспитанию детей в духе любви к русскому народу, представляла обработка лучших образцов русской литературы для чтения на родном языке. Русская классическая литература XIX века располагала таким богатым

¹ В букварях изд. 1884—1886 г. г. эту концовку составляла загадка: «Вырас, тутар, чаваш—пурте пёр самах.» (Русские, татары, чуваша—одно слово, то есть—человек).

материалом, творческое использование которого предопределяло значительные успехи в решении ряда проблем создания оригинальной национальной литературы в духе передовых, демократических общественно-педагогических требований. Заслуга верного решения этого вопроса в чувашской дореволюционной литературе принадлежит И. Я. Яковлеву.

Наряду с первыми народными и оригинальными произведениями в букварях Яковлева печатались и переводы с русского. Чтение этих переводов было первым знакомством чувашских детей с образцами русской литературы, а через нее душой и характером создателя ее—великого русского народа. Так начиналась первая стадия воспитания посредством литературы любви к русскому народу, его культуре.

Ряд произведений русской классической детской литературы Яковлев принимал в полном их виде и в переводе на чувашский язык включал в детское чтение, сообразуя при этом свой принцип отбора этих произведений с национальным характером читателей и особенностями педагогической работы с нерусскими детьми.

Дело педагогически осмысленного подхода к отбору произведений для чтения чувашскими детьми подсказывали Яковлеву мысль о том, что не всегда достаточно ограничиться простым переводом их. И значительная часть произведений русской литературы подвергается творческой обработке писателя.

Яковлевым переводятся и обрабатываются для своих букварей народные и оригинальные басни, рассказы, сказки из книг К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого. Исключительно искреннее и глубоко творческое отношение писателя к делу перевода давало положительные результаты: переведенные им произведения приобрели национальный колорит и воспринимались читателями как произведения родной литературы.

Работа над переводами творений гениальных русских писателей благотворно сказалась на росте его собственного художественного мастерства. Примечательно то, что именно в период работы над произведениями классиков русской литературы и создаются им лучшие из его оригинальных рассказов.

Позже под его руководством переводятся отдельные книги для детского чтения, крупные эпические и лирические произведения классиков русской литературы.

Так лучшие образцы русской классической литературы, появляясь на чувашском языке, дополняли то, что имелось, и восполняли то, что отсутствовало в оригинальной литературе. Роль, которую сыграли они в воспитании многих поколений чувашской молодежи и развитии чувашской литературы, неоценима.

В многолетней серьезной творческой работе над созданием специально детских произведений, в процессе глубокого изучения устной поэзии родного народа и творений классиков русской литературы росло художественное мастерство И. Я. Яковлева.

Одно из принципиальных достоинств Яковлева как художника — это его умение строить свои произведения, исходя из уважения личности ребенка-читателя, глубокой веры в его творческие возможности. Эта вера позволяла писателю избегать какие-либо попытки искусственно подделаться под детский возраст, говорить с детьми о серьезных вещах.

Создавая свои произведения, Яковлев руководствовался принципами народной педагогики. Каждый его маленький рассказ включает в себе народную мораль, которая и составляет идею произведения. Она вкладывается в самую глубину произведения и облекается в форму коротенького эпизода, бытовой сценки, воспоминания, повествования.

Часто, как было сказано, к произведению придается народная пословица, поговорка или другое образное нравоучительное выражение, соответствующее мысли произведения. Такое использование образцов народной поэзии однако не есть просто нечто похожее на объяснение идеи рассказа.

Идея произведения раскрывается в его содержании. Все произведение в целом утверждает вложенную в него мораль. А вставленное в рассказ народное нравоучение усиливает обобщающий характер произведения. Рассказ «Калач», говорить о котором мы уже имели случай, без пословицы концовки больше воспринимался бы как история об определенном мальчике, которому после усердной работы, опять-таки случившейся в определенный один момент, и черный хлеб показался калачом. Бесспорно, от этого значение рассказа не умалялось бы. Мудрое народное слово выводит изложенное в рассказе за рамки одного определенного случая, произведение приобретает художественно-обобщенный характер, наводит читателя на философские мысли.

Более того, в обращении Яковлева к устной поэзии обнаружилось его творческое новаторство. Перенимая от народа нравоучительный афоризм, пословицу, поговорку, писатель использовал его не только как составной элемент своего произведения, но в ряде случаев идею, выраженную в этой пословице, развертывал в широкое оригинальное художественное произведение. А иногда писатель строит свой рассказ таким образом, что описанные в нем события сами приводят читателя к нравственному и логическому смыслу народного творения, и в этом случае дополнить концовку повествования пословицей или поговоркой имело педагогический и художественный смысл.

Принципу пользования народными пословицами и поговорками писатель остается верным и при переводах и обработках произведений русской литературы: каждый переведенный им рассказ, басня дополняется нравоучением, взятым из чувашского устного творчества, усиливая таким образом смысловую завершенность произведения.

Слово используется Яковлевым для выражения действия, в котором рассказывается идея произведения. Активность, напря-

женность действия в произведении для детей является необходимым условием для того, чтобы просто и четко раскрыть мысль. Ребенок не останавливается на подробностях, деталях, а жадно воспринимает в рассказе действие. Все языково-художественные средства в яковлевских рассказах направлены на создание действия. В рассказах нет описания персонажей в отрыве от его действия. Образы, характеры неизменно складываются только в действиях.

Композиционно-сюжетное построение рассказа соответствует его общему характеру. Действие разворачивается в самом начале рассказа и не теряет своей напряженности до конца. Один из рассказов, характерных в этом отношении,—«Поиски лошади» начинается так: «Три дня искал мужик лошадь, на которой сидел верхом. Приезжает он в одну деревню и спрашивает»... Далее—диалоги между мужиком и селянами, которых он встречает по пути. Диалогом и довершается рассказ.

Или вот другое произведение.

«Пёр ача кёнеке ыйтна, ана пёр кёнеке пана. Вал калана: «Кана анланмалла мар», тенё. Ана тепёр кёнеке пана. Вал калана: «Ку йәләхтарать», тенё.—Один мальчик просил дать ему книгу; дали ему книгу. Он говорит: эта мне непонятна. Дали ему другую книгу. А он говорит: эта мне надоела».

Быстрый переход действия в этом повествовании—условие для характеристики персонажа. Здесь, как и в других произведениях, нет ничего описательного, дополненного автором от себя; его и не нужно, образ уже полон. Принцип такой характеристики образов во всех рассказах о жизни и быте детей и взрослых выдержан последовательно. Даже сказка «Сармандей» при обработке был лишен обычного сказочного зачина и концовки. «Сармандеева желтая курочка снесла желтое яичко...» так начинается сказка. Оригинален ее конец: в момент, когда, казалось бы, можно ожидать дальнейшее развитие событий в сказке, повествование вдруг прерывается и неожиданно вставляется слово «конец».

Литературное творчество И. Я. Яковлева явилось значительным вкладом в дело развития чувашской национальной культуры. Однако в нем обнаружилось и то противоречивое, что свойственно мировоззрению Яковлева, а отсюда и его практической деятельности. Яковлеву были чужды мысли о революционном преобразовании современного ему общественного строя. Его политические взгляды на борьбу за социальные права трудящихся ограничивались в рамках требований реформ в области культуры и просвещения. Незнание законов общественного развития при капитализме, ведущей роли пролетариата в национально-освободительном движении ограничивали его деятельность, привели к ряду ошибок. Человек, ограниченный в своей общественной и педагогической деятельности лишь общепросветительскими идеями,

во многом не удовлетворявшими возникшим в новую эпоху задачам воспитания молодежи в духе освободительной борьбы трудящихся масс. Яковлев не смог использовать свое литературное творчество для решения ряда важных проблем характера социального воспитания юных читателей, хотя основная часть его произведений, правдиво отображая жизненные явления, так или иначе прививала в них (читателях) критическое отношение к существовавшей в ту пору действительности. Литературное творчество Яковлева, как и его педагогическая деятельность, подчас прогиворечило новым задачам.

В основе педагогической системы Яковлева лежит требование воспитания молодого поколения в духе народной нравственности. Его заслуга в деле претворения этих требований в жизнь огромна. Вместе с тем он нравственное воспитание связывал с религиозным воспитанием и довольно активно действовал в направлении укрепления этой связи в практической деятельности школ. Педагогическое учение Яковлева ценно, когда оно утверждает народность воспитания. Яковлев ошибался, и его учение становилось вредным, когда он в нравственное воспитание включил, как его составную часть, религиозное воздействие.

Собирая и обобщая лучшие образцы народной поэзии для детского чтения, он внес в чувашскую детскую литературу то ценное, что содействовало ее развитию в духе народности. В то же время он не мог до конца остаться на верном пути. И он в числе народных пословиц и поговорок преподносил ребенку исходящие из учения церкви религиозные нравоучения, содержание которых отнюдь не соответствовало духу народного творчества. Преминялись они в детском чтении с явным намерением воспитывать в детях богобоязнь, верность земному богу — царю-самодержцу, непротивление общественному злу. Книги Яковлева пестрили такими нравоучениями: Хён куракана тура тусёмлех патар (Страждущему да даст бог силу терпения); Тура пурменнине илес сук (Что не суждено от бога, того не взять); Турсене тура лартна (Цари богом поставлены). Или вот еще: Вайла сынпа ан тавлаш, хасан та пулсан санан унан аллине керсе укмелле ан пултар (Не противься сильному, не пришлось бы когда-либо тебе попасть в его руки); Вайран ытлашшине ан сёкле, хавантан пуян сынпа ан сыхлан (Сверх своей силы не накладывай на себя груза, с тем, кто богаче и сильнее тебя, не связывайся). И так далее.

Кроме того, издаваемые Яковлевым школьные книги для чтения непременно содержали так называемую официальную часть, что представляло переводы из церковных книг. В большей или меньшей степени, правда, религиозное содержание их зависело не от самого Яковлева. Насыщение школьных книг религиозным и верноподданническим содержанием безоговорочно требовалось официальными программами, а царская и церковная цензура, это «недреманное око», накладывало нерушимый запрет на книги, не

отвечающие этим требованиям. Однако, как бы то ни было, произведения эти оставались антинародными.

Содержатся ошибки и в некоторых рассказах Яковлева. Там проскальзывают идеи оправдания пережитков воспитания детей в патриархальном духе (слепое повиновение младшими старшим, физическое наказание как мера воспитания и т. п.).

Недостатки и ошибки Яковлева, хотя они и не заслоняли то сильное и прогрессивное, что было внесено им в развитие народной культуры, конечно, не содействовали, а тормозили верному росту детской литературы и детского чтения.

Благородные начинания и прогрессивные традиции в творчестве Яковлева нашли своих продолжателей.

Подобно Л. Н. Толстому, Яковлев вовлекал учащихся своей школы в творческую работу. Под его руководством они собирали образцы устнопоэтического народного творчества, писали оригинальные рассказы. Созданные воспитанниками Симбирской чувашской школы произведения получили большую популярность среди детей. Это—рассказы, помещенные в «Букваре для чуваш», «Хурашка», «Серси» (Воробей), «Суркунне» (Весна), «Нуша» (Нужда), «Йалантарни» (Каприз), «Эпё сехет сёмёрни» (Как я разбил часы), «Вилнё чёпё чёрёлни» (Как ожил мертвый цыпленок), «Туй курма тарса кайни» (Как я сбежал из дому на свадьбу), «Эпё үкённи» (Раскаялся), «Выртмара» (В ночном), «Чёмпёр курма кайни» (Поездка в Симбирск), «Пирён сурт сунни» (Как сгорел наш дом), «Марук вилёмё» (Смерть Марук), «Таман айне пулна сын» (Как в бурю погиб мужик) и другие.

Среди них выделяются рассказы о детстве. Преимущественно они представляют рассказы-воспоминания из детства. Как и произведения Яковлева, они направлены на воспитание в детях честности и правдивости, чувства уважения к младшим и взрослым, любви к учению и труду. В них чувствуется стремление авторов использовать народное нравоучение. Однако, здесь народное нравоучение не всегда оказывается в глубокой связи со структурой повествования. Почти все эти произведения представляют рассказы о шалостях и проказах детей. Сюжетная линия их почти всегда одинакова: ребенок наперекор предупреждениям взрослых или, просто не задумываясь над вопросом о возможных последствиях, «наделает беду» и в конце концов бывает или наказан, или сам глубоко раскаивается. И подчас мораль этих рассказов переходит в открытое поучение.

Из среды воспитанников Симбирской школы впоследствии вышел ряд видных в чувашской литературе писателей и поэтов. Известную роль в развитии чувашской оригинальной литературы сыграло творчество первых чувашских самородков-писателей—бытописателя Игн. Иванова, написавшего ряд нравоучительных рассказов, включавшихся и в школьное детское чтение (некоторые его рассказы опубликованы в «Букваре для чуваш»); собирателя народного устнопоэтического творчества и писателя И. Н.

Юркина; этнографа и фольклориста, автора монументального историко-этнографического очерка и сборника произведений народного устного творчества «Тахър ял» (Девять деревень) Г. Т. Тимофеева. В годы первой русской революции выступил журналист и писатель-сатирик М. Ф. Акимов. Из этой школы вышли классик чувашской поэзии К. В. Иванов, первая чувашская советская писательница М. Д. Трубина, собиратель народных детских песен, композитор Ф. П. Павлов, которые создали талантливые детские произведения, имеющие решающее значение не только для их творчества, но и всей чувашской литературы.

В сравнительно не богатом фонде лучших произведений дореволюционной литературы выделяются несколько произведений, созданных не специально для детей, но оказавших сильное влияние на общий ход развития реалистической чувашской детской литературы. К числу таких произведений относится баллада основоположника реалистического направления в чувашской литературе М. Ф. Федорова «Арсури» (Леший). В балладе, весьма богатой в художественном отношении, Федоров одним из первых в истории чувашской литературы реально и широко изобразил жизнь, чувства и настроения масс крестьянства старой России. Баллада написана в 1879 году и распространялась в народе в списках. В 1908 году баллада вместе с талантливейшими творениями К. В. Иванова вышла в свет в книге «Сказки и предания чуваш» и сразу захватила сердца, разум чувашской дореволюционной молодежи. Она прочно вошла в круг чтения чувашских детей. В числе любимых произведений она и у наших современных детей.

Баллада «Леший», являясь одним из лучших произведений дореволюционной литературы, сыграла огромную роль в росте детского и юношеского чтения. Она послужила образцом для создания в последующие периоды реалистических произведений.

Политическая реакция царизма 80-х и начала 90-х годов оказала удушающее действие на только что начавшую свое существование чувашскую литературу.

В 90-е годы в России развитие капитализма усиливалось не только в городе, но и в деревне. Крестьянство, самый многочисленный класс дореволюционной России, расслаивалось. Небольшая часть крестьянской верхушки, притесняя бедноту и среднее крестьянство, наживаясь на труде батраков и поденщиков, все больше богатела, превращалась в сельскохозяйственных капиталистов. С другой стороны, большинство крестьян разорялось, увеличивалось количество крестьянской бедноты, деревенских пролетариев и полупролетариев. Количество же средних крестьян с каждым годом уменьшалось. Малоземелье и частые неурожаи вынуждали крестьянскую бедноту к усилению поисков работы на стороне. Увеличивалось отходничество, происходило массовое переселение крестьян на новые земли, преимущественно в Сибирь.

Развитие капитализма вызвало неизбежное пробуждение ра-

бочего класса, рост его классового самосознания и организованности. Под действием рабочего класса в революционное движение постепенно втягивается и крестьянство.

Стремясь подавить революционное движение, затормозить дальнейшее развитие буржуазных отношений, царское правительство усилило свою реакционную политику. Александр III, представлявший собой, по определению В. И. Ленина, целостную фигуру «первого дворянина» на русском престоле и одного из главных деятелей той, «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»¹, в манифесте от 29 апреля 1881 года заявил о том, что он «с верою в силу и истину самодержавной власти» будет ее «утверждать и охранять... от всяких на нее поползновенний». Политика Александра III, известная под именем «контрреформ», была направлена на всемерное ограничение проведенных в царствование Александра II буржуазных реформ — земской, городской, судебной, в области печати, литературы, школы и других. Дворянство предприняло отчаянную попытку укрепить самодержавие, православие, а главное, — патриархальность.

Царизм еще более усиленно насаждал великодержавный шовинизм, усилилось гонение на национальную культуру, школу, язык. Эта политика пагубно сказалась на развитии просвещения и культуры чувашского народа. Количество грамотных в Чувашии в начале XX века составляло всего лишь около 10 проц. Одна школа приходилась на 3 тыс. человек населения. Употребление книг на родном языке преследовалось. Доступ произведений оригинальной и переводной художественной литературы в печать совершенно прекратился. Даже учебная литература стала издаваться с большим ограничением, а чувашские буквари издавались в сокращенном виде. В них совершенно не включались произведения художественной литературы. В тексте для чтения удавалось сохранить лишь сокращенное количество произведений народного творчества. Зато большое место в них заняло нравоучение религиозного и верноподданнического характера, подделанное под устное творчество. Большую часть этих книг занимали теперь молитвы, заповеди и прочие переводы из религиозных писаний. Лишь изредка в Симбирской типографии И. Я. Яковлеву удавалось издавать буквари в полном их виде, а иногда и дополнить новыми оригинальными или переводными произведениями художественной литературы, соблюдая при этом также неременное требование увеличения объема официально-религиозной части их².

Всю издававшуюся в этот период на чувашском языке литературу представляли переводы книг церковно-религиозного содержания, призванных на помощь делу наиболее интенсивного одур-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 267.

² Буквари издавались одновременно в Симбирске и Казани. Часто одно и то же издание печаталось и в той и другой типографии. В Казани издавались только сокращенные буквари.

манивания масс, воспитания их в духе слепой преданности православной церкви и русскому самодержавию. Такими книгами были молитвенники, часославы, требники, поучения о православной христианской вере, «священные» истории из ветхого и нового завета, рассказы из жития святых и т. д. и т. п.

Казалось, реакция торжествовала. Однако политическая реакция царизма сохраняла лишь временное и видимое спокойствие. В стране зрели и уже действовали силы революционного пролетариата. Еще в половине 80-х годов рабочий класс вступил на путь организованной борьбы, на путь массовых выступлений в виде стачек. Возникли первые марксистские организации, которые на основе роста революционного рабочего движения росли и крепили. С вступлением в начале XX века в полосу последней стадии развития капитализма, Россия стала узловым пунктом всех противоречий империализма, которые привели к неизбежной революции. В 1905 году в стране началась революция.

В революции 1905—1907 годов активное участие приняло и чувашское крестьянство. Крестьянские выступления имели место во всех уездах. В отдельных местах была установлена непосредственная связь крестьян с рабочими и взаимная поддержка и помощь в борьбе. Революционные выступления трудящихся Чувашии проходят в основной массе под идейным влиянием социал-демократической партии, а в ряде случаев и под непосредственным руководством отдельных представителей ее—членов Казанской, Саратовской и Нижегородской организаций РСДРП.

Революция сыграла большую историческую роль в развитии трудящихся масс народов России. За годы революции рабочий класс и крестьянство получили богатую школу политического воспитания.

В годы первой русской революции чувашский народ сделал новый шаг вперед по пути развития своей национальной культуры. Революция предоставила чувашской оригинальной литературе, хотя на короткое время, доступ в печать.

В литературу пришли новые писатели и поэты демократического направления из среды трудового народа. Они внесли в литературу новые темы, новые образы. Развернулась борьба за создание революционно-демократической литературы. Расцветает творчество революционно-демократических поэтов Т. С. Семенова (Тайр Тимки), Н. И. Полоруссова-Шелеби, сатирика М. Ф. Акимова, выступают поэты этого направления Т. А. Абрамов, Д. А. Демидов. Эти писатели и поэты создают произведения большой эмоциональной силы и критической остроты. Обличение мира насилия и обмана, произвола и гнета царского правительства, страстный революционный призыв к борьбе против угнетателей трудовых масс, за подлинную свободу—вот их основные темы. Революционер-борец становится основным их героем.

Чувашская революционно-демократическая литература этих

лет при активном восприятии традиций демократической русской литературы приобретает наиболее действенный характер в воспитании революционной активности народных масс и становится на тот путь своего развития, по которому вел русскую литературу XX века А. М. Горький. Жизнеутверждающий, героический реализм Горького, светлые образы его произведений находят свое перевоплощение и в чувашской поэзии.

Возникают новые жанры. Создаются публицистический очерк, фельетон, памфлет, произведения публицистической лирики, поэма, драма. По образцу произведений русских писателей-демократов издаются оригинальные обличительно-сатирические произведения. Переводятся на чувашский язык сатирические рассказы М. Е. Салтыкова-Щедрина, рассказы В. Г. Короленко.

Явления общего характера, установившиеся в этот период в развитии критической и революционно-демократической литературы, определили и рост детской литературы.

В годы первой русской революции формировался как поэт и выступил в литературе основоположник чувашской поэзии *Константин Васильевич Иванов* (1890—1915).

Взгляды поэта формировались под влиянием событий в канун и разгар народной революции, под воздействием русской классической литературы. Иванов глубоко изучал русскую литературу. Будучи еще учеником Симбирской чувашской школы, он систематически читал произведения русской классической и революционно-демократической литературы. Позже он часть из них переводил на чувашский язык, учился на них писать оригинальные произведения. Активное, творческое усвоение русской литературы и, прежде всего, духа ее подлинной народности и реализма, благоприятно отразилось на всем его творчестве.

Творчество К. Иванова питало животворный источник — устная народная поэзия. Воспринимая в народном творчестве идеи, сюжеты, образы, Иванов создавал оригинальные произведения, отшлифовывал их и вернул народу еще более прекрасными.

Расцвет творчества К. В. Иванова явился результатом многолетней борьбы чувашского народа за свою национальную культуру. Достижения оригинальной чувашской литературы, существовавшей более тридцати лет до появления первых произведений поэта, лучшие создания предшественников и современников подготовили подъем его поэтического таланта.

Изучение жизни народа, его поэтического творчества, учеба у классиков русской литературы и усвоение передовых традиций родной литературы позволили К. В. Иванову создать произведения, которые народ с любовью хранит в числе лучших достижений своей культуры.

К. В. Иванов написал ряд лирических стихотворений, в которых он выступил поборником идей защиты и утверждения социальной справедливости. Лирика Иванова, имеющая преемственную связь с творчеством поэтов-демократов 1905—1907 годов,

утвердила публицистическую поэзию в дореволюционной чувашской литературе.

Перу К. В. Иванова принадлежат эпические произведения и, в том числе, бессмертная поэма «Нарспи». Со страстным протестом против гнета человеческой личности, с призывом к борьбе против темного царства насилия и бесправия выступает поэт в этой поэме.

К. В. Иванов был одним из лучших мастеров перевода в дореволюционной чувашской литературе. Ему принадлежат талантливые переводы эпических и лирических произведений М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. К. Кольцова, Н. П. Огарева и других.

Поэзия К. В. Иванова внесла в чувашскую литературу свежую струю, его творчество подняло ее на новую высшую ступень.

К. В. Иванов, чье поэтическое мастерство сложилось в обработке устнопоэтического и языкового богатства родного народа, явился новатором в обогащении лексики, выработке поэтического синтаксиса, что определило его как основоположника чувашского литературного языка.

В советское время ряд произведений К. В. Иванова стал достоянием многих народов нашей страны. В переводе на свои родные языки их читают русские, украинцы, народы соседних с чувашами республик.

К. В. Иванов оставил богатое наследство и в детской литературе. Многие из творений поэта, специально не адресованного детскому читателю, с большим волнением читались дореволюционными крестьянскими детьми и юношами и вошло в число любимых книг советских детей. Ряд произведений им написано и специально для детей.

Свое отношение к делу воспитания молодого, подрастающего поколения Иванов выразил в одном из первых своих произведений — в публицистическо-лирическом стихотворении «Хальхи самана» (Современность), посвященном сорокалетию основания Симбирской чувашской школы. Обучение чувашских детей грамоте, образование и воспитание их поэт расценивает как одну из основных частей общего дела просвещения, которое открывает народу глаза на его окружающую действительность и будущее. Долго мучился народ в нужде и бесправии, говорит поэт, много он перенес гнет своих и чужих насильников, погибал в темноте и невежестве под давлением предрассудков и суеверий.

Анчах тёрле хуйха та
Пайтах пулнă-çке тага.
Тухатмăш та тухатать,
Юмаçе те харагать,
Асамаçсем асаççе,
Ача-пăчана пăсаççе,

Но и горя было много
В те жестокие года.
Колдуны людей пугали,
Наводили страх тогда.
Знахари везде бродили,
Ведьмы портили детей,

Вырассем те вёсене,
Ыра сунса вёрентме
Ачисене илещё,
Ашшё-амашне йёртеççё.¹
Тарахтарать таркан та,
Вар-хурах та варманта.
Тёрлэ усал-тёселрен,
Тёрлэ усал чирсенчен
Чук кулленех тумалла,
Путек-сурах пусмалла.
Куллен-кунах чук туни—
Хёл-çавёпех хён курни.
Киремтре кёлли пур,
Хаяматра хывни пур.
Кёл туса та килёшмест,
Киремет те итлест.
Турасем те чүксене
Илми пулчёç кучуне.²

Нынче русские берут их
На учение к себе,¹
Той глухой порой разбой
Не давали людям жить.
Было просто невозможно
По родным лесам ходить.
Чтоб не шла беда с сумою,
Не входила во дворы,
Надо было бесконечно
Злым духам носить дары.
Все давай—зимой и летом—
Возражать нельзя, не сметь.
Хаямаду поклонися,
Помолись на киреметь.
Только что в поклонах наших:
Киреметь глуха всегда.
Безответны стали боги
В беспросветные года.

(Пер. И. Пиняева)

Довольно хватит народу влачить существование в таком беспросветном мраке и невежестве, восклицает К. Иванов.

Поэта радует, что времена меняются, что все это постепенно уходит в прошлое, народ начинает стремиться к свету.

В чувашских селениях одна за другой открываются школы, стали печататься и даваться в руки мужику книги. Думы чуваш направлены в Симбирск, где «сердце народного просвещения — Чувашская школа». О новом говорят сейчас в деревне, новые разговоры ведутся между родителями и детьми. С чувством радости и гордости пишет об этом поэт:

Ачаш кана ачам пур,
Пёртте хапма пёлмерё.
Апат сисе ларна чух
Аран силё килмерё,
— Сыру пёлме сын пулма
Ялти шукула яр-ха, тет,
Сыру пёлни мён тума
Кирлё сынна, атте?—тет,
— Ачам, ачам, ан йётет,
Илтес кунта ху илтён

Славный у меня малыш,
Мне покоя не дает.
За обедом как-то мне
Он задачу задает:
— Тятя, я уже большой,
В школу я хочу ходить.
Только ты скажи, зачем
Людям грамотными быть?
— Погоди-ка, ты, сынок,—
Говорю.—Пройдут года,

¹ Речь идет о миссионерах XVIII и нач. XIX вв., проводивших среди чуваш царскую политику насильственной руссификации. Миссионерские школы не пользовались успехом в народе. Принудительный характер набора детей в школы, грубые методы обучения (здесь науку вгоняли в головы учащихся дубиной) отпугивали население от этих школ, народом они именывались «домами смерти» (вилём сурчё).

² Произведения К. В. Иванова приводятся по тексту «Сочинений», Чувашгиз, 1940.

Хут вѣрени уссине,
Хут вѣренсен ху пѣлѣн.
Ѕичѣ ѳула ѳитсессѣн,
Партак ас-пуѳ кѣрсессѣн,
Ярап ака сана та
Ялти шула ас пухма.
Тура хушсан, ѳын пулсан,
Куран Чѣмпѣр хулине.
Ѣнтѣ, ачам, самана
Ѣлѣкхи мар кучуне.

Знанья для чего нужны,
Сам узнаешь ты тогда.
Как исполнится семь лет,
Станешь малость поумней,
В школу и тебя пушу,—
Разум ты получишь в ней.
Выйдешь в люди и в Симбирск
Попадешь, поможет бог.
Нынче времена пошли
Уж не те, мой сынок.

(Пер. И. Пиняева)

Однако еще положение народа, его будущее вызывает тревогу и волнение.

... Чатаѳѳѣ-ха чавашсем,
Вѣѳне ѳитмен-ха вѣсем.
Ѣѳкѣ-ѳикѣ туна чух,
Ѣѳсе-ѳисе ларна чух,
Юррисене юрлаѳѳѣ,
Куѳѳулепе кулаѳѳѣ.

Чаваш! сана ун чухне,
Чуну ѳѣкленнѣ чухне
Мѣн пит асна килет-ши?
Мѣн пит чунна хѣсет-ши?
Саванаѳ-и, куѳѳуль-и
Сан куѳанта куѳ тулли?

... Терпят чуваш,
Еще не дошли до предела.
В минуты веселого пира
Песни они поют
Смеются сквозь слезы.

Чуваш! Что больше волнует
в ту пору тебя?
Радость ли сердце твое наполняет?
Иль горькое горе душу гнетет?

(Подстрочный пер.

М. Сироткина)

Стихотворение полно оптимизма. Автор его глубоко верит в силу народа, верит, что народ сумеет сбросить с себя путы вековой нужды, бескультурия и бесправия. Видит, народ пробуждается, не теми глазами, как в былые времена, смотрит на жизнь, начинает понимать, как ему можно обрести свободу.

... Кѣѳке Ѣнтѣ куѳѣсем
Уѳалаѳѳѣ чавашсен.

... Кѣѳке курма пуѳларѣѳ
Тѣнче курма пуѳларѣѳ...

Открываются взоры чуваш,

К свету тянутся массы народные.
(Перевод его же)

Долг борцов за народное счастье — помочь народу добиться его освобождения. Народ, и только он может завоевать себе счастье. Молодежи, поколению, идущему на смену старшим, предстоит участвовать в великой борьбе за счастье народа. Поэт приветствует тех, кто начал и ведет дело обучения, воспитания младшего поколения чувашского народа. Его радуют плоды этого дела — рождение новых людей, готовых к борьбе за правое дело. Мудрое слово, сказанное на родном языке, дошло до народа!

Ырă чăваш тупăнчĕ,
Ырă ёсе тытăнчĕ.
Чăн чăвашла сăмахпа
Хай тăванне чăваша
Пырса сăпрĕ чĕрене.
Пăлхатнинчен питĕрех
Шухăш укрĕ пуç сине.
Сенĕ ёмĕр мар-и сав?
Сенĕ пурнăç каре сав.

Мудрый к нам чуваш явился,
Занялся он добрым делом.
Пробудил родимым словом
Он сердца чувашей смело.
Вместе с сердцем пробудились
Наши мысли, думы наши.
Жизнь пошла дорогой новой,
В новый век идут чувашаи.

(Пер. И. Пиняева)

К. В. Иванов с особым теплым чувством любви и уважения относился к детям. Он хорошо понимал их и умел близко к ним подойти. В нашей литературе имеются упоминания о его исключительной искренности в отношении к детям. Современники вспоминают его как педагога, знавшего и любившего свое дело. Учащимся Иванов-учитель был близок и дорог, они питали к нему большие чувства за его глубокую преданность делу бескорыстной работы с детьми, за его спокойный, деловой нрав, постоянную помощь.¹

В нескольких своих произведениях Ивановым созданы образы детей. Проникнутые теплым чувством стихи он посвятил детям в поэме «Нарспи». В этих стихах слышится веселый гомон, шумный смех шаловливой детворы, в них зримо выступают маленькие, но вечно подвижные, вечно стремительные и любознательные люди.

Дети в поэме—так же не случайные персонажи, как сама действительность не бывает без них. К ним поэт питает глубокую симпатию. Он с сочувствием относится к появившемуся в самом начале поэмы мальчику-подпаску, который стережет стадо овец и резвых ягнят да ладит песню на свирели; повсюду ощущается дыхание весны, трель свирели так мило вливается в общую мелодию пробуждающейся от зимней спячки природы; а мальчик вовсе б не унывал, да вот стал то и дело поглядывать в сторону деревни: не несут что поесть, давно уж пора обедать.

Всего в двух строфах, но столь ярко нарисованы образы озорных мальчишек, так ловко умеющих дразнить и сердить старика-рыболова, выбрав место для купанья нарочно там, где тот устроился с удочками в надежде перехитрить рыбку червячком.

Под кустом у сини зыбкой,
Примостился дед тишком,
Обмануть стараясь рыбку
Аппетитным червячком.

Только вот досада—дети
Рядом плещутся в воде:
Впрямь от них на этом свете
Не укроешься нигде...

(Пер. Б. Ирнина)

Пришла весна. Наступает лето. Ожила деревня. Описывая ее, поэт снова показывает детей: их голоса, раздаваясь то тут, то там, оживляют жизнь в деревне.

¹ См. Сб. воспоминаний о К. В. Иванове «Славный сын чувашского народа», под ред. В. Канюкова. Чувашгиз, 1952.

Жизнь в Сильби идет простая,
Но весной привольно в нем:
Неприметно, легкой стаей,
Пролетает день за днем.
Смех и говор, птичий гомон
Вперебой звенят вокруг.

Песня вешняя знакома
Льется в ширь, лаская слух.
Вдоль по улице селяне
Ходят чинно взад-вперед,
И резвится на поляне
Шумный детский хоровод.
(Пер. Б. И р и н и н а)

С веселым юмором описывает поэт картину завершения свадебного обряда в Хужелга. Увели жениха Тахтамана и невесту укладывать в амбаре (хёве хупрёс кёлетге), и тут не обошлось без любопытных ребят, уж таковы они, дети, до всего им дело. Что им тут нужно было! А нет, подслушали бессовестные, и злые языки разнесли по деревне недобрые слухи о старике Тахтамане, с участью стали поговаривать о горе его молодой жены.

В системе образов поэмы значительное место занимает светлый образ Сентти. Теплыми красками рисует поэт этот образ.¹ Маленький Сентти — это единственный человек, чье присутствие утешает и поддерживает Нарспи, заключенной злым Тахтаманом в каторжную неволю. У мальчика много забот: ему с утра до вечера надо без усталости скакать на своем коромысле-коне, ему некогда попасть домой.

Целый день с утра до ночи
Сентти маленький играет—
Сев верхом на коромысле,
Хвостинкой подгоняет.

Вдоль по улице широкой
Пыль столбом. И только к ночи,
Черный весь, в пыли бежит он...
(Пер. А. П е т т о к и)

Беззаботен и счастлив мальчик в наведении житейских невзгод. Но он видит и чувствует детским сердцем горе своей тетки. Каждый день не забывает он прискакать к ней на своем лихом коне и шептать ей ласковые слова:

— Не грусти, ингем, не плачь ты,
Осуши глаза платочком.

Не горюй, ингем, так горько,
Разгони тоску-кручину,

(Пер. А. П е т т о к и)

Однако слова мальчика приносят Нарспи мало утешения, более невыносимой становится ей жизнь с нелюбимым человеком при виде чистого сердцем и открытого душою племянника.

А детские забавы Сентти чем дальше, тем чаще прерываются страшными, ошеломляющими событиями в жизни взрослых.

Образы детей появились и в произведениях Иванова-художника, мастера кисти. Писательница М. Трубина вспоминает, как она, будучи его одноклассницей по Симбирской школе, имела случай познакомиться с альбомом его рисунков (портретов и

¹ Стихи о Сентти имеют такую целостность и так они просты и изящны, что представляют одно из лучших мест поэмы для чтения ее в отрывках уже младшими школьниками.

эскизов). В этом альбоме, в числе других, имелись и такие: ребята, купающиеся в реке под кудрявою ветлою; девочка, кормящая кур; подавленная горем и тоскою чувашская крестьянка у колыбели с грудным ребенком. Автора воспоминаний поразила сила художественного совершенства этих картин.¹

Преимник традиций русской классической литературы, последовательный реалист и гуманист К. В. Иванов, изображая детей по их природе беззаботными, веселыми и подвижными, озорными и любознательными, показывает их в то же время не в отрыве от окружающей действительности. А действительность горька. При существующем укладе жизни счастье детей слишком условно.

Вслед пламенным словам А. М. Горького «Человек — это звучит гордо!» К. В. Иванов восклицал:

Нет сильнее человека
В целом мире никого:

Он хозяин здесь от века,
Суша, воды—все его.

(Пер. Б. Иренина)

Но поэт видел и показал и другое: человек — этот всемогущий властелин природы, владыка всей вселенной, закован в свои законы, он покорен власти «дьявола»—золота, им управляет ложь, обман:

Но и сильный человек
Подчинен своим законам...

По этому закону одни господствуют над другими, по велению этого закона одни сыты и кровожадны, другие (большинство) вечно гнут спины на них.

Несправедливость социального строя давит на человека с детства. В обществе, в котором властвуют богачи и мироеды михедеры и тахтамань, счастье детства омрачается в самом раннем возрасте ребенка. В семье крестьянина-труженика над колыбелью ребенка постоянно гостят тяжкие вздохи забитой горем и нуждою матери. Маленькому Сентти приходится видеть горькие слезы Нарспи, обреченной переносить тяжесть судьбы чувашской женщины; он становится очевидцем бесславной гибели злодея Тахтамана. Мальчику постарше самому приходится заботиться о себе, он стал подпаском, частый голод и другие лишения чувствительно дают ему понимать, что в самом деле скрывается в деревне, которая со стороны имеет видимость спокойствия и благополучия.

В детских образах, созданных поэтом в произведениях «для взрослых», выражен его взгляд на детей. К. В. Иванов относится к ребенку не как к милому созданию, оторванному от человеческой суеты, как подчас бывало в литературе, он видит в детях людей, пока еще маленьких, но наблюдательных и живых, умеющих критически относиться к происходящим явлениям, людей,

¹ См. упомянутый сб., стр. 55—56.

чье будущее велико. Автору поэмы «Нарспи» очень верилось, что Нарспи с Сетнером не одиноки в их мужественной и справедливой борьбе за свободу личности в обществе, за его счастье, что молодое поколение добьется, придет к тому светлому времени, когда сбудется мечта народная.

К. В. Иванов верил в творческую силу маленьких читателей и считал возможным и нужным писать для них о большом — о жизни, сложной и противоречивой. Работе по созданию произведений, зовущих молодежь к свободе, борьбе за нее, посвятил он силу своего таланта. Но слишком коротка и столь же трагична была жизнь поэта, и в условиях гнусного царского режима не суждено было полностью осуществиться уже намеченным и намечаемым на будущее планам.

В 1908 году в Симбирске вышла книга под названием «Сказки и предания чуваш». Книга эта тотчас по выходе в свет разошлась в народе, пошла из рук в руки, из избы в избы; дети, почти единственные грамотные люди в деревне того времени, читали ее своим ровесникам и взрослым, все слушали и, не стесняясь друг друга, плакали — так на них действовала книга. В ней были напечатаны произведения К. В. Иванова: стихи-сказки «Две дочери», «Железная мялка», «Вдова», поэма «Нарспи». Все они с огромной радостью были приняты и старшим и младшим поколением чувашского народа. И если поэма больше читалась взрослыми и юношами, то сказки получили широкую популярность и у детского читателя.

Написать книгу сказок К. В. Иванов задумал в 1907 году. В первоначальных набросках, относящихся к этому году, им было намечено написать пять сказок: «Тимёр тыла» (Железная мялка), «Талах арам» (Вдова), «Икё хёр» (Две дочери), «Хуркайаксем» (Дикие гуси) и «Вата варман шухашё» (Думы старого леса). Тут же было подготовлено вступление к этим сказкам:

Кукашшэне итлесе
Ларать ача сак шинче,
Хайй сунать ташласа,
Хура пурте сунатса.
Ватти тавать сáпата
Хай юмахне сáптарса.
Юмах юпа тáрринче,
Халап хапха тарринче.

Внимая дедушкиным сказкам,
Сидит мальчик на лавке.
Дрожа горит лучина,
Курну избу освещает.
Лапоть медленно плетет,
Сказку сказывая, дет.
Загадка—на столбе,
Сказка—на воротах.¹

¹ Подстрочный перевод—В. К. Перевод слов «юмах» и «халап» см. в Словаре Н. И. Ашмарина, в. IV, стр. 325. Объяснить подлинный смысл традиционной сказочной концовки «юмах юпа тарринче, халап хапха тарринче» представляет большое затруднение. Проф. Н. И. Ашмарин указывает, что концовку эту «говорят тому, кто просит сказать сказку» (см. там же). Вероятно сказочник хочет этим дать понять детям, неотступным в своем желании услышать от него все новые и новые были-небылицы, что сказывать сказки-загадки дело не легкое: не рядом-де сказка ходит, поди-ка, достань ее.

Судя по наброскам, можно предполагать, что Иванов первоначально планировал писать сказки для детского чтения. Но сказки: «Железная мялка», «Вдова», «Две дочери» далеко переросли эти рамки. И пусть они даже не были бы предназначены специально для детского чтения, но как словесный строй, выразительный язык, занимательность фабулы этих сказок соответствует требованиям читателя-ребенка! В сказках Иванова действуют те же персонажи, те же волшебные силы народных сказок, которые волновали чувство и разум детей с ранних лет; здесь полностью сохранены и даже преувеличены образы народных сказок; и, наконец, здесь поэтический язык народных сказок воплощен в стихах и отшлифован до изумительной яркости. Эти качества привлекают и захватывают детей.

Все эти качества наиболее полно собраны в сказке «Железная мялка». В ней и сказочные образы — смелая и обаятельная Ласточка, главная героиня произведения, сварливая и своенравная старуха-ведьма в окружении волшебных сил — железной мялки и наговорной лепешки (юсман), здесь и остродраматический сюжет, и столь поэтическое повествование. Содержание произведения, как и в народной сказке, составляет борьба, в которую в данном случае вступает молодая невестка Ласточка и ее свекровь — ведьма. В этой борьбе жертвой становится Ласточка, которая набралась храбрости трижды проситься у свекрови в гости к своим родным. Старуха отпустила ее, но в догонку послала железную мялку. Мялка по наказу ведьмы догнала и убила невестку. Так безвинная Ласточка погибает из-за происков деспотической и злой свекрови.

«Железная мялка», как и другие сказки К. В. Иванова, — произведение оригинальное. Сюжет народной сказки служит в нем отправным, пользуясь которым поэт вкладывает в произведение свою мысль.

В отличие от народной сказки в произведении Иванова мялка губит не только молодую, но уничтожает и старую женщину. Таким образом, становится ясно, что основное зло заключается не в старушке, а в порождающих ее действия темных силах угнетения и насилия над личностью человека.

Рисуя быт старой деревни, К. Иванов не случайно избрал сюжет той сказки, главным действующим лицом которой является женщина. В старой патриархальной чувашской деревне, да и на всей русской земле, в особо тяжелом, угнетенном положении находилась женщина. Не в одном произведении русской литературы мы нашли изображение тяжелой и грозной доли, которая легла в прошлом на женщину. Следуя традициям Н. А. Некрасова, К. В. Иванов первый в чувашской литературе полно и реалистически создал образ чувашской женщины, угнетенной, униженной и забитой — в сказках, смелого борца за свою свободу и счастье — в поэме «Нарспи».

Реализм сказки «Железная мялка» усиливается ее оптимистическим характером. В сказке изображается трагедия действительности: страшная ночь окутывает деревню Агыр. Под завесой этой ночи в ней происходит такое, что наводит ужас на селян. Но в произведении ярко выступает мысль поэта: активной борьбой можно раздвинуть черную темень, и наступят ясный полдень:

И проходит сумрак черный,
Темь ночная убегает,

И приходит ясный полдень,
Солнце радостно сверкает...

(Пер. М. Сироткина)

В сказке «Две дочери» К. В. Иванов изобличает власть золота, богатства и обмана над людьми в обществе, где все построено на угнетении одних другими, где господствуют дармоеды и влачат жалкое существование вечно лишенные человеческих прав трудящиеся. В этом обществе мораль господствующего класса направлена на оправдание поступков и действий имущих и зиждется она на лжи и угодничестве.

Вот богатый отец двух дочерей. Его мораль настолько подчинена силе денег, что он не может терпеть того, чтобы устами родной дочери была высказана истина, утверждающая правду трудового человека, ибо она не оправдывает, а развенчивает мнимое и насыщенное величие богача. Весьма выразителен поступок его: старшая дочь притворной учтивостью и лестью завоевала у него симпатию и благословенье, а прямодушные слова младшей вызвали в нем ярый гнев, и он заявил ей:

— Нет в твоём сухом ответе
Благодарности и чести,

И не дочь отцу ты больше,—
Он прогнал ее из дома.

(Пер. И. Пименова)

Вся сказка в целом столь красноречиво повествует об этом самодуре и судьбе его двух дочерей, что юный читатель легко поймет, какова мораль дармоеда, наживающегося на чужом труде.

Горькая судьба народных масс, вынужденных расплатиться за позорное поражение царской России в русско-японской войне 1904—1905 годов, показана в сказке «Вдова». С глубокой лирической грустью описывает поэт картины бесславной гибели обманутых царем русских воинов на поле брани, горе и тоску осиротевших солдатских семей.

Сказки «Железная мялка», «Две дочери» и «Вдова», дополняя одна другую, представляют единое целое. Их пронизывает глубокая социально-политическая идея. Сказки Иванова беспощадно срывают завесу и средствами народной поэзии изобличают гнилую действительность старого общества.

Сказка К. В. Иванова — наследница народной сказки, носительницы идей народной поэзии. Иванов берет из народной сказки не столько сюжет, ее внешнюю форму, причудливые, фантастические узоры, сколько ее реалистическую основу, ее нравственное

и социальное содержание. Используя в своих сказках распространенный в народе сюжет, Иванов вовсе не имеет стремления неизменно следовать ему. Напротив, каждый раз он переделывает его, вводит новые образы, придает сказке иное направление, подчиняя ее своей идее.

Так, например, в народной сказке «Железная мялка» победа остается на стороне невестки Ласточки: она воскресает, возмездие карает старушку-колдунью. И сказка не выходит за бытовые рамки. Изменение сюжета ее придает сказке Иванова новый смысл, усиливает реалистическую основу, она приобретает широкий социальный характер.

В народе повествовалось, что отец из сказки «Две дочери» половину своего богатства по достоинству отдал младшей дочери за прямой и умный ответ, а старшую дочь за лесть и неправду — прогнал. Переделывая сказку, поэт отделил общественные пороки современной ему действительности, показал, что в мире власти денег обман и угодничество служат средством прикрытия ничтожества господствующего класса.

Сюжет сказки «Вдова» принадлежит поэту. Но реалистическая и народная в своей основе и облеченная в форму народной сказки, она приобретает характер устнопоэтического произведения.

Перенимая из народной поэзии реалистическое содержание, Иванов придал сказке и соответствующую ей форму — в основе языка произведений поэта полностью сохранен колорит сказочного языка народа. Качество стиха в сказке Иванова зависит от ее содержания. Народный язык всегда облакает богатство мысли и чувства.

Свободен и стремителен стих, четки и зримы создаваемые ими картины.

Ҷавна курса тәнипе;
Хам та хытә пахнипе,
Сехри хәпса тухнипе
Урхамахам сикрә те
Илчә каре туласа,
Пёр еннелле җавәрса.
Ырса җитсен тәтәмәр,
Унта җакна куртәмәр:
Ҷеҗен хирте җил вылять.
Сарә ыраш хумханать,—
Сарә ыраш хумханать,
Чәваш чунне йәпатать.

Ирех тарса пит җуса,
Ирех хырам тарантса,
Ертсе килет хунямаш
Ҷичә кинне тыр вырма.
Сичә таван ют җәрте,
Арәмәсем җак хирте.
Тыр ыраҗҗә юрласа,
Ыраш укет касалса,
Пулать-тарать кәлтесем,
Кәтра пуслә җемәлсем.
Тыр ыраҗҗә юрласа,
Пәлмеҗҗә те канасса...

Каждое слово здесь вносит или оттеняет новую мысль, новые понятия, создает новые образы. Здесь нет ничего лишнего, что задерживало бы быстрое развитие действия, здесь только главное, нужное — это придает особую действенность стиху.

Знание тонкостей народного языка позволяет поэту пользо-

ваться сильным средством народной сказки — юмором, который он направляет против пережитков прошлого, тормозящих развитие нового, против суеверий и предрассудков, опутывавших быт старой чувашской деревни.

Нескрываемым юмором начинает поэт повествование о том, как железная мялка губит честных крестьянок, превращая их в колдуний: само слово «железная мялка» приводит в ужас чувашек. И как им не бояться мялки, продолжает он, ведь в ней белый черт сидит, кострику в глаза пускает, и уж верно владелице такой мялки не долго в ведьму превратиться. Так если ж иметь мялку, то никак не железную, можно, на худой конец, медную, а всего лучше — деревянную.

Острым смехом обрушивается он на носителя суеверий и предрассудков, рисуя карикатурный портрет бородатого и горбатого мельника, которого в «страшную ночь» настигло горе. Бредет старик по деревне и сетует на судьбу:

— Хурлах, хурлах, Михал тус!
Ман арманам сук ёнтё!
Кёсёр усал-тёселсем
Шыв урапи хушшине
Çакланнă та тытăннă
Урапана силёпе
Çухăрттарса çаварса
Арман чульне шăхартма.
Эпё чупса тухиччен
Арманама усалсем
Лăштăр-лаштăр ишнё те
Тара пана таçталла!

Друг, беда! Отныне нет
Больше мельницы моей.
Я не смог ее спасти
От злых духов, от чертей.
Завертели в ночь они
Водяное колесо,
Закружились жернова,
Затрещало, братец, все.
А пока на шум и гам
Добежал я до пруда,
Бесы мельницу свалили,
Разбежались—кто куда.

(Пер. И. Пиняева)

Заблуждение людей, оказавшихся в плену суеверий и предрассудков, поэтом подчеркивается в конце сказки:

„... Небылица однохвоста,
Пересуды—стоголовы“.

(Пер. М. Сироткина)

Сказка К. В. Иванова родственна с произведениями классиков русской литературы, особенно сказками А. С. Пушкина. Это родство заключается в народности сказок. Пушкин оказывал на творчество Иванова сильное влияние. У Пушкина Иванов учился принимать из устного творчества и развивать то главное, которое определяет подлинную народность устной и оригинальной поэзии,— народную идею. Идея непримиримой борьбы, вера в светлое будущее народа характеризует поэзию Иванова.

Учась у Пушкина, Иванов в своей работе над сказками, кропотливо отбирал все лучшее в народном языке, и, складывая их крупинку к крупинке, создавал бессмертные образы.

В сказках, первых эпических произведениях поэта, К. В. Ива-

нов обнаружил творческий талант в области чувашского стихосложения. В них Иванов показал себя непревзойденным мастером в применении народнопоэтического семисложника, в то же время выявилось его новаторство в пользовании силлабо-тоники. Глубокое знание тонкостей родной поэзии и тщательное изучение опыта русской классики принесли ему успех в работе над формой чувашского стиха.

Было бы неверно пытаться утверждать, что сказки К. В. Иванова воспринимаются одинаково как взрослыми, так и детьми различного возраста. Утверждать так, значило бы впасть в глубокую ошибку. Читатели различного возраста понимают и любят произведения Иванова. Но у каждого возраста—свои любимые произведения. Сказки Иванова сейчас у нас читаются всеми, и, конечно, они воспринимаются не каждым возрастом одинаково полно. Младший читатель, приступивший к их чтению, по-своему, но понимает, что мрак, гнет, ложь и бесправие властвовали прежде над землей, что для того, чтобы завоевать себе счастье и правду, людям труда нужно было освободиться от зол, бороться против них. Чем старше читатель, тем больше нового сткрывается ему в тех же сказках. Так сказки К. В. Иванова, привлекая к себе маленьких читателей своими волшебными образами, стройным и поэтическим языком, в конце-концов подводят их к мыслям о реальной действительности прошлого. В этом заключается то огромное значение сказок К. В. Иванова, которое они приобрели в деле многостороннего воспитания детей.

Революция 1905—1907 годов внесла в чтение чувашских детей произведения на тему социального положения трудящихся масс. Сказки К. В. Иванова в числе первых входили в состав таких произведений. После чтения этих сказок становилось более доступной, особенно читателям старшего возраста, обличительная и призывная лирика самого Иванова, а также других поэтов-демократов периода революционных лет.

После поражения революции 1905—1907 годов черная реакция бешено обрушилась на трудящихся России, «...царское правительство стало усиленно громить политические и экономические организации пролетариата. Каторжные тюрьмы, крепости и места ссылки переполнились революционерами. Революционеров зверски избивали в тюрьмах, подвергали пыткам и мучениям. Черносотенный террор свирепствовал во-всю. Царский министр Столыпин покрыл виселицами страну»¹.

Усилилось гонение царского правительства и на печать, литературу и школу нерусских народностей. Поражение революции пресекло начавшийся подъем чувашской литературы. Светская литература на родном языке оказалась под строжайшим запретом. О доступе в литературу демократическим писателям и говорить не приходилось. Печатавшиеся до этого революционные

¹ История, ВКП(б). Краткий курс, стр. 93—94.

поэты и писатели царской охранкой были изолированы от народа. Поэт Т. С. Семенов был осужден и сослан в Сибирь. Туда же был вынужден переселиться Н. И. Чолоруссов-Шелеби. М. Ф. Акимов и многие другие писатели-демократы из-за гонений царского правительства совершенно прекратили литературную деятельность.

В то же время цензура всячески одобряла книги религиозного содержания. Религиозно-миссионерская литература на чувашском языке как никогда раньше расцвела в годы реакции 1908—1912 годов.

Вынужденный режимом черной реакции оставить работу над широкими эпическими полотнами К. В. Иванов не мог полностью отказаться от работы над произведениями для молодежи. В тяжелые годы свирепствования черносотенцев он посвятил свой талант художественному и литературному оформлению букварей и созданию поэтических произведений для детей, записыванию и изданию народных песен.

В период 1910—1913 годов он переводит и пишет оригинальные стихотворения, большинство которых печаталось в чувашских букварях, составленных и изданных при его активном участии.¹ В своих произведениях через живые и конкретные образы поэт красочно и занимательно рассказывает детям об окружающем их мире природы, ее явлениях, временах года, трудолюбивой птичке ласточке. Он обращает внимание маленьких читателей на живое, развивающееся, на все то, что может воспитывать в детях здоровое, разумное, глубокие человеческие чувства.

Большое познавательное и воспитательное значение имеет стихотворение «Ласточка». Ласточке посвящено много чувашских народных песен для детей. В них ласточка — это красивая, юркая и быстрая птичка, веселая и милая щепетунья.

Пёчкёсёсё питлё-кусла,
Эреветлэ теветлэ,
Хуре вёсне туй килнэ,
Якат Петёр пачантар!..

Хир-хир урла,
Ял-ял урла
Эреветлэ-теветлэ
Хёр килет.

(Песня)

(Загадка)

Птичка эта привлекала внимание многих поэтов русской классической литературы. О певунье-ласточке писали для детей Г. П. Державин («Ласточка»), И. С. Никитин («Гнездо ласточки»), А. А. Фет («Ласточки пропали»), А. А. Майков («Ласточки

¹ Новый букварь для чуваш с присоединением русской азбуки для совместного обучения чтению и письму. Чаваш сыруне вёренмелли кёнеке. С рисунками и образцами письма. Сост. И. Т. Трофимов, литер. оформл. и иллюстр. К. В. Иванов. Симбирск, 1912. (Здесь—стихи К. В. Иванова «Телега», «Дождь», «Четыре времени года»).

Тоже, 2-е, доп. изд. Симбирск, 1913. (Здесь—стихи К. В. Иванова «Ласточка», «Времена года»). Букварь без изменений переиздан в 1914 и 1917 гг.

примчались», «Ласточки») и другие, произведения о ней помещены в книгах К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого.

«Ласточка» К. В. Иванова оригинальное произведение. Стихотворение воспевает трудолюбие. Ласточка предстает перед малышом, читающим стихотворение, хлопотливой, вечно занятой своей работой, не зная устали и отдыха старающейся птички. И красота ее прежде всего не во внешнем блеске и не в чудном щебетанье, а мила она своей живостью в работе. С смыслом стиха гармонируют его ритм и динамичный строй, чем стихотворение очень напоминает детскую песенку-считалку:

Чекеç, чёкеç-чёкеçё
Пёртте канма пёлмерё:
Кунёне вёссе сурерё,
Улам пёрчи пустарчё.
Тампа шалса сыпастарчё,
Хайне йáva çаварчё.
Хайне йáva çаварчё,
Çамарта тума тытáнчё,
Çамартасем турё те
Йáви çинчен анмасть те—
Чёп тухасса кётет вал.
Ака чёпё каларчё:
Чёпписем чайлатаççё,
Çиме апат йытаççё.
Чёкеç, чёкеç-чёкеçё,
Кунёне вёссе сурет вал;
Пёртте канма пёлмест вáл:
Шана-паван пустарать,
Чёпписене тарантать.

Ласточка, ласточка
Без отдыха и сна
Весь день летает—строит
Жилье себе она.
Соломку подбирает,
Из глины лепит дом.
Вот он уже готовый,
Уже яички в нем.
Сидит теперь касатка,
Ждет птенчиков себе.
Вот вывелись вскоре
В ее гнезде птенцы,
Пишат, они есть просят.
Нет ласточке покоя,
Ни отдыха, ни сна:
Мух ловит, ими кормит
Своих птенцов она.

(Пер. И. Пиняева)

Стихотворение детьми быстро заучивается наизусть, с любовью и часто распевается.

Живые, жизнерадостные стихи посвятил К. В. Иванов природе родного края. Поэта, знавшего и любившего свой народ, волновало все то, что было связано с его судьбой. Теплые чувства вызывали в нем родной край, его природа.

Пейзаж родного края занимает немалое место в ранних стихах К. В. Иванова. Он выступает и как составная часть более поздних, эпических произведений. Картины природы представлены и в детских стихах «Ешёл вáрман айккипе» (Вдоль зеленого лесочка), «Килсе ситрё кёркунне» (Наступила осень), «Кёркунне» (Осень)¹.

В творческой работе над созданием детских стихов, как и над произведениями для взрослых, К. В. Иванов обратился к русской литературе. Он сделал переводы широко популярных в русской

¹ Тексты этих произведений см. в книге:

К. В. Иванов, Савасем. Под. ред. Я. Ухсай. Чувашгиз, 1947.

детской литературе стихов-загадок «Четыре времени года» и произведения А. Н. Майкова «Колыбельная песня».

Выбирая для перевода «Четыре времени года», Иванов оценил в этих миниатюрах их значение в умственном и эстетическом воспитании детей. Чтение детьми художественных и иных научно-познавательных произведений о временах года имеют весьма важное значение. Русские педагоги всегда отмечали, что переменны времена года, как и другие явления природы, обращают на себя внимание детей и возбуждают в них одно из самых благодетельных, воспитывающих душу влияний.

В переводе стихов о временах года, как и во всей переводческой работе Иванова, проявилось его творческое, оригинальное. Оно проявилось в отношении поэта к смыслу стиха: в переводном тексте смысл стиха не только сохранен, но и усилен, вместе с тем не ослаблен общий поэтический колорит произведения.

Оставаясь верным содержанию и поэтическому колориту оригинала, переводчик добился полного их сохранения на чувашском языке. Достигнуто это заменой русских поэтических средств вполне соответствующими им средствами народной поэзии. Характерными являются переводы имен. Поэт не ухватывается за голобуквальное значение этих слов, он называет соответствующие им чувашские имена с их народно-поэтическими постоянными эпитетами: снежок — шура юр (белый снег), лужок — сешен хир («сешен» — постоянный эпитет к слову «степь», означает «красивый, цветистый») рожь — сар ыраш (желтая (золотая) рожь). Эпитеты сохраняются и при введенных самим поэтом именах: ешёл курак (зеленая травка), аша сил (теплый ветер), сём варман (дремучий лес). Так создаются вполне эквивалентные оригиналу поэтические образы.

Сохраняя смысл стиха, поэт находит и приемы его усиления: он принял не простое перечисление в стихе характерных признаков времени года, и не просто назвал их, а создал цельное описание-пейзаж с тем, чтобы ребенок воспринял бы его не только умственно, но и глубоко эстетически. В силу этого целые стихи оригинала заменяются своими:

вместо:
День прибывает
Липа цветет
Мокнет земля
Вьюга гуляет

включается:
Ёшел курак усет
(Травка зеленеет).
Аша сил вёркелет
(Дуют теплые ветры).
Сём вярман саралать
(Лес дремучий осыпается).
Сивётет аванах
(Морозит крепенько).

В результате получилось четыре поэтических пейзажа, соответствующие четырем временам года:

Тает снежок,
Ожил лужок,
День прибывает...

Когда это бывает?

Солнце печет,
Липа цветет,
Рожь поспевает

Когда это бывает?

Пусты поля,
Мокнет земля,
Дождь поливает...

Когда это бывает?

Снег на полях,
Лед на реках,
Вьюга гуляет...

Когда это бывает?

Шура юр ирĕлет,
Çеçен хир чĕрĕлет,
Ешĕл курак усет...

Вал хаçан пулать-ши?

Хĕвел хыта хĕртет,
Ăша çил вĕркелет,
Сар ыраш çитĕнет...

Вал хаçан пулать-ши?

Хир илемĕ каять,
Сĕм варман çаралать,
Пĕрмай çумар çавать...

Вал хаçан пулать-ши?

Хирсенче юр анчах,
Çырмапа пар анчах,
Сивĕтет аванах...

Вал хаçан пулать-ши?

«Колыбельная песня» привлекла внимание поэта богатством в ней народно-поэтических образов. Перевод ее осуществлен без отступления от смысла и формы. Тщательно подбирая соответствующие оригиналу поэтические средства чувашского языка, переводчик полностью сохранил колорит песни.

В 1912 году вышла книга П. В. Пазухина «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним». В этой книге вместе с другими были включены и некоторые песни («Хураң çулси» — Березовый лист, «Хура ёне» — Черная коровушка, «Çӳлĕ ту» — Высокая гора, «Текерлĕк» — Чибис), записанные К. В. Ивановым у чуваш Белебейского уезда Уфимской губернии.

Все детские произведения К. В. Иванова в наши дни много раз переиздаются в специальных изданиях, включаются в школьные книги для чтения и неизменно пользуются огромным успехом у читателя.

Так творчество каждого передового писателя явилось определенным вкладом в дело создания детского чтения на родном языке. Было положено начало развитию оригинальной детской литературы.

Другой значительной работой чувашских дореволюционных писателей и поэтов является перевод и издание для детей произведений классиков русской литературы. Мы уже упомянули о переводах и обработках отдельных нравоучительных рассказов, басен и стихов. Басни и рассказы, песни и стихотворения А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого и других видных русских писателей и поэтов, а также образцы русского народного устнопоэтического творчества, которые включались в хрестоматии для чтения в русских школах К. Д. Ушинским и его последователями В. Я. Стоюниным, В. И. Водовозовым, Н. Ф. Бунаковым и другими, использовались в переводах

для чувашских детей с первых годов издания чувашского букваря. Эта традиция оберегалась и при составлении букварей, в издании которых принимал участие К. В. Иванов. Интересно при этом отметить, что эти буквари являлись сборниками детской литературы, во многом отвечающими требованиям В. Г. Белинского, который советовал составителям подобных сборников включать в них произведения классиков русской литературы, написанные на основании материалов устного народного творчества, обращая при этом особое внимание на басни И. А. Крылова и на сказки А. С. Пушкина.

Кроме того, в 80-х годах были переведены «Новая азбука»,¹ «Первая и вторая книги для чтения», а к 1903 году и «Третья и четвертая книги» Л. Н. Толстого. «Четыре книги для чтения», в которых широко представлены образцы русского эпического жанра, потом несколько раз переиздавались.

В 1907—1908 годы были изданы отдельными книгами в переводе на чувашский язык «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, «Дикие лебеди» Андерсена, народная сказка «Два брата»² и переведенные К. В. Ивановым «Песня про купца Калашникова» и другие стихотворения М. Ю. Лермонтова.

Все эти произведения переведены людьми, отношение которых к переводам было глубоко творческим. Этим усиливается значение их работы по ознакомлению дореволюционного детского и юношеского читателя с образцами произведений великой русской литературы.

Выбирая для перевода те произведения, которые самой русской классической и революционно-демократической критикой расценивались как наиболее лучше отвечающие общественным и педагогическим требованиям воспитания молодого поколения, чувашские писатели еще более усилили свою литературу, способствовали ясному определению путей ее развития.

Борьба за создание реалистической, народной художественной литературы являлась в то же время борьбой за создание чувашского литературного языка. Она велась в ожесточенной схватке с духовенством и представителями дворянства официального,

¹ В июле 1883 года И. Я. Яковлев, выступая на съезде учителей и учительниц Чебоксарского уезда, заявил, что «Новая азбука» графа Толстого переведена на чувашский язык, остается дело только за изданием ее, что вероятно скоро и последует; по выходе ее из печати она будет разослана во все чувашские училища» (см. «Постановления съезда законоучителей, учителей и учительниц начальных училищ Чебоксарского уезда...», Казань, 1884, стр. 68—69).

Часть текста «Новой азбуки» включалась в буквари И. Я. Яковлева. Полностью он включался в «Новый букварь для чуваш», который издавался в течение 1912—1917 гг.

² Эти три сказки изданы в одной книге под названием «Две сказки: Аленький цветочек (Аксакова) и Дикие лебеди (Андерсена) на чувашском языке». Симбирск, 1908.

реакционного направления, совершавшими всевозможные выпады против предоставления каких бы то ни было гражданских прав нерусским народностям и являвшимися ярыми врагами развития национальной культуры. Борьба эта, начавшаяся с первой попыткой издания печатного произведения на чувашском языке, длилась вплоть до Октябрьской революции. Больших трудов стоило добиться права гражданства чувашскому алфавиту. С первых дней его появления поднялось гонение на него. Духовенство во весь голос возмущалось: Яковлев-де задался мыслью чувашский язык сделать языком книжным, литературным, это чувашскому языку дает право гражданства среди других книжных языков, что крайне смело и во всяком случае не политично и бесполезно, ибо чувашки рано или поздно должны слиться с русскими, и язык чувашский должен остаться только народным памятником в библиотеках записных филологов.¹ Чувашский алфавит, выработанный Яковлевым и его помощниками, по мнению представителей православной церкви, не имеет «никакого значения, кроме вреда», и ведет «к ереси».²

Нападки эти продолжались и через десятилетия, теперь уже не на транскрипцию, которая давно утвердилась в народе и перестала быть поводом для спора, а открыто и прямо преследовалось употребление книг на родном языке. На страницах «Казанской газеты» писалось, например, что «книжки на чувашском языке развивают только сепаратизм и самомнение, крайне несимпатичное и даже вредное... Не полезнее ли было для самих чувашей... давать им для чтения исключительно русские книги, в церкви, в школах, на народных чтениях говорить с ними, насколько возможно, только по-русски... Чувашской культуры не бывало и не будет...»³ Такие выступления были не единичны.

Однако, несмотря на эти нападки, врагам чувашской национальной культуры не удалось задушить литературу на родном языке. Литература развивалась, литературный язык оказался жизнеспособным. Литературный язык создавался путем обработки и шлифовки народного разговорного языка мастерами слова — писателями и поэтами. Опорой чувашским писателям была поддержка народа. Работа мастеров слова была бы бесплодной, если бы они оторвались от народа. Установленные Яковлевым нормы чувашской письменности основывались на общедоступных чувашскому народу нормах живой речи. Язык книг Яковлева и его последователей народ принял и закрепил как общенародный чувашский литературный язык, вполне понятный для представителей всех переходных говоров и диалектов. Литература широко распространилась в народе и приобрела действительное значение.

¹ См. Н. И. Ильминский. Переписка о чувашских изданиях. Казань, 1890, стр. 3, 9—10, 30—33.

² См. там же, стр. 79—80.

³ Цитируется по книге М. Я. Сироткина «Очерки дореволюционной чувашской литературы», Чувашиз, 1948, стр. 125—126.

Работа по созданию общенародного литературного языка шла в борьбе и против местного националистического пуризма и консервативного стремления ряда писателей выставить как норму книжного языка язык своей деревни. Произведения передовых писателей и поэтов, прежде всего творчество И. Я. Яковлева, М. Ф. Федорова, Т. С. Семенова (Тайр Т.), К. В. Иванова, сыграли в этой борьбе направляющую роль. В творческом обращении писателей к богатству устной поэзии своего народа и многовековому опыту русской литературы вырабатывались художественно-поэтические нормы чувашской письменной реалистической литературы. Так в дореволюционной литературе начинают складываться основы современного литературного языка, ставшего после Октябрьской революции общенациональным языком всего народа.

В общей работе по созданию чувашского литературного языка не второстепенное место заняла выработка языка детских произведений. Конкретно мыслящий, восприимчивый к слову читатель-ребенок требовал наибольшей простоты, точности, ясности, в то же время эмоциональности и образности в языке художественных произведений.

В работе по созданию наиболее доступных для детей произведений вырабатывались те художественные особенности каждого писателя, которые благоприятно отразились потом на их творчестве в целом. Через учебные книги, книги для детского чтения, равно как через язык художественных произведений, газет, научных творений, происходило закрепление лексических и грамматических норм чувашского письменного языка.

Богатство народного языка во всей его силе и красоте наиболее полно накоплено в устной поэзии этого народа. Устнопоэтическое творчество чувашского народа, являясь живым источником передовой дореволюционной чувашской художественной литературы, предопределяло не только ее народные идеи, но также служило средством выражения этих идей.

Правильное понимание задач создания оригинальной чувашской литературы определило и задачи изучения устного творчества народа.

Из всего положительного, что сделано до революции для детского чтения, нужно отметить работу писателей, исследователей и педагогов по собиранию устнопоэтического детского творчества. Центром, направлявшим эту работу, была Симбирская школа. Она прививала в учащихся любовь и бережное отношение к художественному творчеству родного народа. Работа в школе была организована таким образом, что обязанностью каждого из учащихся считалось записывать народные произведения. Все собранное здесь читалось, обсуждалось, а лучшее отбиралось и переписывалось в специальные сборники. Часть этого материала включалась в учебные и некоторые другие книги для детского чтения. «Букварь для чуваш» представляет сборник, столь полно

отражающий чувашскую устную поэзию, специально обработанную для детского чтения.

Большую работу по собиранию образцов устного творчества вели воспитанники школы—учителя сельских школ, привлекая в это дело своих учащихся и сельскую интеллигенцию. Образцом созданных таким образом сборников произведений устного творчества является, например, монументальный труд Г. Т. Тимофеева «Тахӑр ял» (Девять деревень), в котором представлен богатый материал устной поэзии чуваш междуручья Свияги и Волги.

В 1908—1912 годах предпринималось издание сборников народных песен. Несколько детских песен, записанных у чуваш различных уездов П. В. Пазухиным и К. В. Ивановым, содержалось в одном из этих сборников — в «Образцах мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» (Симбирск, ч. I—1908, ч. II.—1912).

Довольно богатый материал дореволюционной детской народной поэзии представлен в «Словаре чувашского языка» профессора Н. И. Ашмарина.

Все эти труды представляют значительный интерес в научном и художественно-творческом отношении и в настоящее время.

Работа чувашских дореволюционных писателей и педагогов по созданию литературы для детского чтения на родном языке проходила в продолжительной и непримиримой борьбе с реакцией, консерватизмом. Она слилась воедино в борьбу за подъем всей чувашской национальной культуры. Судьба общей чувашской литературы означала и судьбу литературы для молодого поколения; вне общей литературы, вне всей культуры не мыслимо было бы развитие детской литературы; в то же время достижения в области детской литературы открывали возможности развития чувашской литературы в целом.

Борьба эта была не легкой. Царизм так тщательно расставлял рогатки на пути национальной культуры нерусских народов, пробить которые стоило больших усилий. На стороне царского правительства стояли церковь и реакционное дворянство. Они ратовали за мерзкую национальную политику царизма, сеяли великодержавный шовинизм, всеми средствами выступали за уничтожение малейших признаков общественного проявления национальной культуры.

В таких условиях не могли быть полностью использованы творческие возможности роста чувашской литературы для детей. Писателям и поэтам приходилось создавать, ограничивая себя рамками требований царской цензуры.

К тому же ряд писателей и педагогов прогрессивного направления не был до конца последовательным в своей борьбе за реалистическую детскую литературу. Вследствие этой непосledo-

вательности из-под пера некоторых писателей, в целом посвятивших свое творчество делу служения народу и бесспорно внесших значительный вклад в развитие дореволюционной чувашской культуры, выходили и такие произведения, которые носили не народный характер и служили на руку реакции. Дальнейшее развитие детской литературы было возможно только в результате освобождения ее от всего отрицательного, ненужного и наносного.

Тем сильнее и ближе к народу были те писатели и поэты, которые преодолев все эти трудности, могли создать произведения, высоко оцененные народом.

В борьбе за передовую народную литературу чувашские писатели опирались на поддержку родного народа и постоянную помощь великого русского народа. Благодаря этой помощи и поддержке в чувашской дореволюционной литературе было заложено начало развития чувашской детской литературы. В работе дореволюционных чувашских писателей по созданию произведений для детского чтения сложились определенные и устойчивые традиции, сыгравшие свою положительную роль в дальнейшем росте чувашской детской литературы.

Передовые чувашские писатели рассматривали работу по созданию детских произведений не как самоцель, оторванную от действительности. Исходя из понимания литературы на родном языке как средства воспитания культурно развитого, полезного обществу человека, они вкладывали в свои произведения ту идею, какая, по их мнению, наиболее способствовала воспитанию человека в духе прогрессивных требований времени. Приемы осуществления воспитания молодого поколения перенимались из народной педагогики. К народной педагогике обращались в своей работе первые писатели, а последующими эта связь педагогики и литературы развивалась как лучшая традиция.

В условиях только еще зарождающейся оригинальной письменной литературы единственными источниками сил и творческого вдохновения чувашских писателей являлись устное творчество родного народа, с одной стороны, и русская классическая литература — с другой. Эти два источника постоянно дополняли друг друга, родное устнопоэтическое творчество и народные традиции русской литературы сливались в лучших произведениях передовой чувашской литературы.

Созданные на материале народного творчества произведения эти становились близкими для сердца и разума детей трудящихся. Творчески обращаясь к русской детской литературе, чувашские писатели учились разрешать проблемы воспитания подрастающего поколения посредством детской литературы. Под прогрессивным влиянием русской классической и демократической литературы передовая чувашская детская литература получила начало своего развития по пути подлинной народности и реализма. В ней нашли воплощение народные идеи и народная форма

искусства письменного слова, в ней сложились основы чувашского общенародного литературного языка. Дореволюционная чувашская детская литература, таким образом, создала благородные традиции творческого использования идейно-художественных достижений прогрессивной литературы великого русского народа и богатств устного творчества чувашского народа.

Выработанные в борьбе за народную национальную литературу традиции оказали положительное влияние на творчество многих дореволюционных чувашских писателей и поэтов. Особо благотворное воздействие оказали эти традиции на развитие чувашской детской литературы в советских условиях.

П. В. ДЕНИСОВ

ПРОБЛЕМЫ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА И ЭТНОГРАФИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. И. АШМАРИНА

Коммунистическая партия указывает, что важнейшим условием культурного подъема и роста творческой инициативы народа является овладение завоеваниями культуры, созданной всем развитием человечества. «Пролетарская культура не является выскокившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»¹—говорил В. И. Ленин в 1920 году.

Из каждой национальной культуры, указывал В. И. Ленин, мы берем только ее демократические и социалистические элементы, решительно отменяя все чуждое и враждебное трудящимся. В этих тезисах В. И. Ленина заключено его глубоконаучное понимание национальной культуры.

Основываясь на марксистско-ленинской методологии, открывая качественно новый этап в истории изучения быта и культуры народов, советская этнография и фольклористика вместе с тем творчески осваивают то лучшее, что имеется в наследии, оставленном представителями прогрессивной научной мысли дооктябрьского времени.

Необходимость разработки проблем устного народного творчества и этнографии вытекает из основных указаний И. В. Сталина, сделанных в трудах «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР» и из директив XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Эти исторические документы требуют значительного повыше-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 262.

ния теоретического уровня исследовательской работы, более глубокой постановки изучаемых вопросов и в области этнографии и устнопоэтического творчества чувашского народа. Первоочередной задачей становится всестороннее раскрытие прогрессивного влияния передовой культуры великого русского народа на подъем материальной и духовной культуры чувашского народа, как и всех других нерусских народов России. Одновременно встает задача исследования прогрессивной роли представителей русской культуры и общественной мысли в изучении культуры и быта чувашского народа.

Характерной чертой русского народа, столь ярко проявившейся в его культуре, в его освободительной, революционной борьбе, является глубокое уважение к прогрессивным традициям других народов.

Русские писатели и другие деятели культуры и общественной мысли высоко ценили героические традиции народов нашей страны, правдиво изображали национальные особенности других народов.

Передовые представители русской культуры и общественной мысли А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Л. Н. Толстой, А. М. Горький и другие с глубоким уважением относились к чувашскому народу, как и к другим угнетенным и бесправным народам России, оставили теплые и сочувственные отзывы о чувашском народе.

К какому бы видному русскому писателю или общественному деятелю-демократу не обратиться — все они свидетельствуют своим творчеством, своею жизнью, своим поведением о стремлении русского народа жить в дружбе с другими народами, о том, что русскому народу чужды национализм и шовинизм. Любовь к своему народу сочеталась у передовых русских людей с глубоким уважением к другим народам. Характернейшая черта русского патриотизма — его высокая гуманность, человечность, непримиримость ко всякому гнету.

Видя чиновничий произвол и насилие над чувашами, эксплуатацию их помещиками и торгашами, А. Н. Радищев в 1797 году в своем «Дневнике путешествия из Сибири» с горечью отмечал: «Сих простяков обманывают... много им притеснения». А. И. Герцен, имея в виду чуваш, удмуртов и мордву, в своих мемуарах «Былое и думы» в 1861 году указывал, что «полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками».

С поразительной правдой нарисовали картину бесправия, насилия и произвола над чувашами со стороны власти имущих и такие писатели, как Н. Д. Телешов — в рассказе «Сухая беда», Н. Г. Гарин-Михайловский — в драме «Зора» и О. Миртов — в «Затерянных краях». Л. Н. Толстой подчеркивал в чувашах честность и исполнительность, умение прочувствовать горе и страдание другого человека. О трудолюбии, добродушии, остроумии и смелости чувашского народа, об его богатой устной народной

поэзии писали М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Гарин-Михайловский и другие.

Передовая русская наука еще до Великой Октябрьской социалистической революции сделала немало для всестороннего изучения Чувашии. Русские исследователи положили начало изучению чувашской этнографии и устнопоэтического народного творчества. Деятельность десятков виднейших ученых и исследователей была тесно связана с нашим краем. Изучая сложную культуру великого русского народа, они не могли пройти мимо разноплеменного населения Поволжья вообще, и чуваш в частности. Начиная с середины XVIII века целый ряд русских исследователей (Г. Ф. Миллер, Гмелин, И. И. Лепехин, П. С. Паллас, П. И. Рычков, И. Г. Георги, В. А. Сбоев, М. Лаптев, А. Ф. Риттих, В. К. Магницкий и др.) изучали историю, язык и быт народов Поволжья. Они затратили много труда для их первоначального изучения и оставили ряд научных исследований, которыми мы продолжаем пользоваться до нашего времени.

К числу таких достойнейших сынов русского народа относится и Николай Иванович Ашмарин — член-корреспондент Академии Наук СССР, основоположник чувашского научного языкознания. Н. И. Ашмарин — один из лучших представителей великого русского народа, который всю свою жизнь и талант отдал великому делу служения науке, просвещения чувашского народа. Своей разносторонней и плодотворной научно-педагогической деятельностью Н. И. Ашмарин принес громадную пользу чувашскому народу и способствовал повышению интереса к изучению культуры, быта и языка чуваш. За 40 лет своей научной деятельности он создал целый ряд ценных трудов, посвященных изучению чувашского языка. Н. И. Ашмарин по праву занимает значительное место в истории науки и культуры чувашского народа.

Н. И. Ашмарин, как ученый, был прежде всего языковед, но в то же время его перу принадлежат труды и по другим отраслям науки, в частности по этнографии и устнопоэтическому творчеству чувашского народа, не потерявшие своего значения и по настоящий день.

Однако в литературе о Н. И. Ашмарине до последнего времени не было исследований, посвященных его этнографическим взглядам. В имеющихся работах о нем рассматривается широкий круг вопросов его воззрений на чувашское языкознание. Но вопросы этнографии и устного народного творчества (например, вопрос о понимании Н. И. Ашмариным задач этнографической науки, вопрос о его взглядах на устнопоэтическое народное творчество, его деятельность по собиранию и публикации произведений чувашского фольклора), очень важные по своему значению, освещались неполно. Без изучения взглядов Н. И. Ашмарина на устнопоэтическое народное творчество и этнографии чуваш не может быть полностью раскрыт процесс развития дореволюционной этнографической литературы о чувашах.

В настоящем кратком обзоре мы не ставим своей задачей дать характеристику всех работ Н. И. Ашмарина этнографического содержания, а ограничимся лишь рассмотрением тех из них, которые относятся непосредственно к нашей теме и затрагивают в той или иной степени проблемы устного народного творчества и этнографии только чувашского народа.

Н. И. Ашмарин не был этнографом и фольклористом в настоящем смысле слова, но было бы неправильно умалять его работы в области собирания и изучения материалов по этнографии и устнопоэтическому творчеству чувашского народа. Несмотря на то, что вопросами этнографии Н. И. Ашмарин занимался попутно, собранные им материалы имеют большую ценность для изучения истории культуры и быта чувашского народа. Исследования Н. И. Ашмарина, посвященные вопросам этнографии и устнопоэтического творчества чувашского народа, являлись важной составной частью его научных работ. На протяжении всей своей научно-педагогической деятельности Н. И. Ашмарин проявлял неослабевающий интерес к изучению этнографии чуваш.

Отдав свою жизнь делу служения чувашскому народу, борьбе за поднятие его культуры, он видел, что все стороны его жизни нуждаются в изучении. Необходимо было изучать и осознать чувашский язык, создавать о нем литературу, собирать материалы по историческому прошлому чуваш, а также знакомиться с бытовыми особенностями, анализировать их, выделять ценное, что создавал народ, от ненужного и нередко вредного.

Развитие историко-этнографических взглядов Н. И. Ашмарина протекало в органической связи с русской действительностью. 1890-е годы, в течение которых развернулась научная деятельность Н. И. Ашмарина, ознаменовались в социально-экономической и политической жизни России быстрым ростом буржуазных отношений, назреванием политического кризиса накануне первой буржуазно-демократической революции в России. Общее оживление темпа исторического развития, ускорение пульса общественной жизни не могли не сказаться и на этнографической науке.

Этот период в истории этнографической науки ознаменовался целым рядом новых явлений. Во-первых, именно в этот период сильно возрос интерес к этнографическому изучению народов. Лучшие представители страны прилагали большие усилия к познанию народа, в первую очередь русского, но не забывались также и нерусские народности, населяющие многонациональное государство. Возник большой интерес к народному быту, к бытковой культуре, что выражалось в активном росте этнографических исследований. Прогрессивные представители русской научной мысли смотрели на этнографию и фольклор, как на средство познать народ, его быт и его нужды, а в познании видели условия для переделки народного быта, устранения всех его темных

сторон. В этих взглядах находили непосредственное выражение интересы самих угнетенных народных масс.

Во-вторых, постепенно меняется метод этнографических исследований. На смену прежним экспедициям, специальным научным путешествиям в неисследованные области постепенно приходит метод систематического, углубленного изучения народа, его быта и культуры — стационарный, или краеведческий метод. Этот переход от экспедиционного к стационарному приему собирания материалов был отнюдь не случаен. В России появилось много новых общественных сил не только в столицах, но и в провинции. Новые потребности общественной силы вызывали усиление деятельности местных научных сил, в большей части при провинциальных университетах — Казанском, Новороссийском и др., местных отделов Русского Географического Общества. В изданиях этих обществ печаталось множество корреспонденций с мест, статей по текущим местным и общим вопросам. В числе этих статей и корреспонденций было немало и таких, которые представляют большой этнографический интерес: о положении местного населения, его экономике, быте, обычаях и пр.

В этот период усиливался интерес к изучению этнографии и устнопоэтического народного творчества чуваш. Проводились записи образцов устнопоэтического творчества, учащались случаи появления в печати статей, очерков и оригинальных исследований по многим вопросам истории и этнографии чувашского народа.

Следует указать, что дореволюционная этнографическая литература не всегда правильно изображала быт и жизнь чувашского народа, ибо многие исследователи того времени подходили к народам Поволжья, в том числе и к чувашам, как к народам «неисторическим», неспособным к историческому развитию и творчеству, а потому изучали их как объекты истории, как определенные и неизменные этнические величины. Даже в наиболее ценных исследованиях того времени чаще всего давалась лишь добросовестная регистрация этнографических элементов без учета их развития, без какого-либо исторического анализа и научной критики.

Большинство этнографов второй половины XIX и начала XX вв. чувашскую деревню представляли в виде простых элементарных человеческих отношений, без политических и классовых конфликтов. Этнографическая наука занималась преимущественно «духовной культурой» чуваш, отрывая ее от той материальной основы, на которой она выросла. В результате чего оставалась почти не изученной материальная культура чуваш, происхождение их духовной культуры оставалось ничем не мотивированным, его сущность подвергалась извращенному толкованию. Почти совсем не обращалось внимания на общественную жизнь, на социально-экономическую структуру общества, на выявление тех закономерностей, которыми обусловлено их развитие. При попытках же обобщить собранный материал буржуазные этнографы

пользовались порочным формально-сравнительным методом, сводя все к механическому заимствованию у других народов, полностью отрицая тем самым элемент самобытности чувашской культуры.

Такова была обстановка, когда выступил Н. И. Ашмарин со своими этнографическими, историческими и лингвистическими трудами.

Н. И. Ашмарин с ранних детских лет интересовался чувашами, быстро овладел их языком и свободно говорил по-чувашски. «Причиной этому были встречи с чувашами, приезжавшими и приходившими в Курмыш из Засурья и столь резко выделявшимися всем своим обликом на общем фоне русского населения, среди которого я жил»,¹ — указывал об этом сам Н. И. Ашмарин.

Молодой Ашмарин еще в годы учебы в Нижегородской (Горьковской) классической гимназии начал критически осваивать имеющуюся у него литературу о чувашах и их языке. Недостаток пособий и руководства по чувашскому языку сильно мешал Н. И. Ашмарину в его занятиях. Лишь впоследствии он узнал о том, что сравнительно новая область тюркологии уже насчитывает на своем поприще несколько небезызвестных имен, и лишь знакомясь с их произведениями он мог уяснить себе многое в области чувашского языка, что до тех пор рисовалось ему лишь в очень туманных и неопределенных чертах. В гимназические годы он изучал грамматику В. П. Вишневого,² известный словарь Н. И. Золотницкого,³ фонетику чувашского языка А. И. Добролюбова⁴ и ряд других изданий на чувашском языке.

Особенно сильно обрадовал Н. И. Ашмарина словарь Н. И. Золотницкого, так как он давал довольно большое количество чувашских слов. «Помню, что в первое время отдельные очерки по чувашской этнографии, составляющие приложение к словарю, показались мне верхом учености. Здесь я встречал сравнения чувашских слов со словами многих других языков и ссылки на различные ученые сочинения»,⁵ — вспоминал впоследствии Н. И. Ашмарин. Правда, его радость быстро сменилась разочарованием, когда он обнаружил, что Н. И. Золотницкий не обладал основательным знанием чувашского и восточного языков, и что многие из его ссылок и сравнений не выдерживают даже поверхностной

¹ Рукописный фонд Чувашского научно-исследовательского института (далее сокращ. Р. Ф. ЧНИИ). Инв. № 48, Переписка с проф. Н. И. Ашмариним, л. 1.

² В. П. Вишневский. Начертание правил чувашского языка, Казань, 1836.

³ Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями тюркского, финского и других племен, Казань, 1875.

⁴ А. И. Добролюбов. Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей, Казань, 1879.

⁵ Р. Ф. ЧНИИ, Инв. № 48. Переписка с проф. Н. И. Ашмариним, л. 2.

критики. Тем не менее сочинения Н. И. Золотницкого принесли Н. И. Ашмарину некоторую пользу, отчасти познакомили его с существующей литературой на восточных языках и заставили обратить внимание на казанских татар, значение которых для изучения истории чуваш и их языка он мог оценить лишь впоследствии, а также на марийский, мордовский и удмуртский языки, имеющие немало точек соприкосновения с чувашским языком¹.

Здесь же, будучи в гимназии, Н. И. Ашмарин стал изучать самостоятельно восточные языки, а именно: арабский, персидский, турецкий, а также языки казанских и нижегородских татар. Но основное внимание Н. И. Ашмарин уделял изучению чувашского языка. По окончании Нижегородской классической гимназии он поступил в 1891 г. в Московский Лазаревский институт восточных языков. Из предметов, которые он слушал в институте, его больше всего интересовал турецкий язык, как родственный чувашскому, изучению которого он уже тогда решил отдать свои силы.

Интерес к чувашскому языку связывался у него с интересом к этнографии, к народному поэтическому творчеству чуваш. В этом находила свое выражение широта запросов Н. И. Ашмарина, содействовавшая углублению его лингвистических воззрений. Свидетельством преобладающего интереса молодого Н. И. Ашмарина к чувашам является его первая небольшая работа по чувашской этнографии «Очерк народной поэзии у чуваш», написанная еще на первом курсе Лазаревского института и помещенная в журнале «Этнографическое обозрение» (1892 г. кн. 2—3, стр. 42—64).

Материалом для статьи послужили чувашские песни, собранные чувашским этнографом Н. И. Юркиным и переданные Н. И. Ашмарину для рассмотрения Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Язык произведений чувашской народной поэзии, собранных И. Н. Юркиным, привлек внимание Н. И. Ашмарина своей сочностью и образностью. «Чтение этого сборника раскрыла предо мной целый новый мир своеобразной поэзии, столь далекой по своей форме и содержанию от тех образцов народного творчества, которые я знал раньше. Вместе с тем эти же песни показали мне, насколько было недостаточно мое знание чувашского языка, так как оказывалось, что тем материалом, который я находил в печатных изданиях, далеко не исчерпывалось все морфологическое, синтаксическое и лексическое богатство чувашского языка»²,—писал Н. И. Ашмарин в своей автобиографии, выражая свое мнение об этом сборнике.

Юношеская статья Н. И. Ашмарина «Очерк народной поэзии» появилась после того, как ее автор проделал большую историко-критическую работу. Как показывают рукописные материалы

¹ См. об этом подробнее в Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи лл. 2, 3.

² Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 48, Переписка с проф. Н. И. Ашмариним, л. 3.

Н. И. Ашмарина, прежде чем приступить к написанию статьи, автор широко и тщательно ознакомился с материалами И. Н. Юркина, изучил их варианты путем сопоставления с материалами своих личных наблюдений среди верховых чуваш. Только после такой тщательной и всесторонней подготовки Н. И. Ашмарин выступил в печати со статьей о чувашской народной поэзии.

Эта статья окончательно опровергла измышления шовинистически настроенных исследователей-этнографов, которые всячески старались доказать, будто чуваша неспособны к творчеству и созданию исторических ценностей. Дореволюционные исследователи чувашского фольклора в большинстве своем сознательно замалчивали политически заостренный материал, выражающий социальный протест трудовых масс против имущих классов и духовенства, явно пропагандируя наиболее консервативные жанры устного народного творчества (молитвы, религиозные легенды, мифы). Во многих работах дореволюционного периода наблюдалась определенная тенденция — показать чувашский народ смиренным, способным только к повиновению, но не к сопротивлению.

Основываясь на богатейшем материале устного народного творчества чуваш, Н. И. Ашмарин настойчиво боролся в науке с предвзятыми мнениями о чувашах и давал правдивое описание их духовной жизни.

✓ К народной поэзии чуваш Н. И. Ашмарин обращался как к одному из ценнейших источников познания народной жизни и чувашского национального характера. Поэтому он придавал огромное значение народной песне и другим видам поэтического творчества, раскрывающим живую жизнь и мировоззрение чувашского народа. Проблемы фольклора для Н. И. Ашмарина были всегда связаны с проблемой народности искусства. Он понимал, что в народном творчестве чуваш отражены подлинные условия жизни трудового народа. В фольклоре чуваш он обнаруживал изумительные по своей свежести и оригинальности образцы, отображающие историю, быт, обычаи.

Действительно, нигде так ярко, как в произведениях устнопоэтического народного творчества, не отразилась история духовного развития чувашских крестьян. Народная поэзия чуваш — яркое выражение неиссякаемости и вечной жизненности народа. Непрерывно развиваясь, устная поэзия сопутствует истории чувашского народа, поэтически отражая его жизнь и чаяния. Основываясь на богатейшей и всегда развивающейся поэтической традиции, она постоянно обогащается все новыми и новыми произведениями. А. М. Горький неоднократно напоминал, что «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории»¹. Такая закономерность уста-

¹ М. Горький. Доклад на съезде советских писателей 17 августа 1934 года. О литературе. Статьи и речи. 1928—1935, ГИХЛ. Москва, 1935, стр. 175—176.

навливается самим многогранным бытом народа, как историческая необходимость.

Н. И. Ашмарин в своей работе показал, что чувашские крестьяне свои этические и моральные нормы, взгляды на общественные и природные явления, исторические события и отношение к ним отражали в богатых содержанием и формами памятниках бесписьменной литературы и искусства, в устнопоэтических произведениях этического и лирического жанров. В указанном очерке Н. И. Ашмарин верно подметил, что «Чуваши не является в песне исключительно преданным низшим материальным интересам; его самосознание восходит до истинно-гуманных взглядов на жизнь; он уже способен углубиться в себя самого, в свой внутренний мир и рассматривать философски то, что его окружает. Он живет не только настоящей минутой: неизвестное будущее часто заставляет его призадумываться; его возмущает людская несправедливость; он горюет о трудных временах, которые приходится переживать, и пытается объяснить те грустные явления, которые видит у себя перед глазами»¹.

Значение народного поэтического творчества для изучения мировоззрения народа увеличивается еще в связи с тем, что в условиях классового общества устнопоэтическое творчество народа иногда оказывается чуть ли не единственным достоверным источником, раскрывающим подлинные воззрения эксплуатируемых масс. Поэтому представление об общественно-политических взглядах народа в прошлом приходится составлять, главным образом, на основе художественных образов и тех обобщений, которые даются в произведениях народной поэзии.

Очерк Н. И. Ашмарина, конечно, ни в какой степени не претендует на то, чтобы полно и всесторонне представить характерные особенности народной поэзии у чуваш. Освещаемые в нем материалы ставят своей задачей раскрыть общий характер чувашской народной поэзии, богато насыщенной социальными мотивами и яркими поэтическими образами, отражающими жизнь и быт чувашского населения.

Значительное внимание в очерке уделено истолкованию техники чувашского стихосложения, различных особенностей содержания народной поэзии. Н. И. Ашмарин, анализируя тематику народной поэзии, широко использует этнографический материал, характеризующий крестьянский быт и семейно-общественные отношения. При изложении каждого вопроса автор иллюстрирует его большим количеством примеров.

Например, изучая отражение родственных отношений в произведениях народной поэзии, Н. И. Ашмарин отмечает использование кулаками в своих интересах, кроме обычной эксплуатации крестьян, и старинных родовых обычаев и родственных отноше-

¹ Н. Ашмарин. Очерк народной поэзии у чуваш. Этнографическое обозрение, 1892, кн. 2—3, стр. 63.

ний: «Говорят, что в прежнее время дружба заключалась у чуваш так тесно, что даже имущество одного из вступивших в дружеский союз становилось, по рассказам чуваш, имуществом другого. Такой друг (по-чувашски тус) имел право взять какую угодно вещь у того, кто заключил с ним дружбу. Теперь это древнее учреждение утеряло, конечно, свою первобытную форму и заключение подобного рода отношений ограничивается тем, что «тусы» дарят один другому мелкую скотину: барана, овцу, жеребенка и т. п.»¹. Это явление было широко распространено не только у чуваш, но и у многих кочевых народов, причем у последних оно шло преимущественно по линии сородичей².

Сущность этого обычая состояла в том, что обычай раздачи скота нередко выступал в форме родовой помощи, которая в прошлом существовала в ее истинном значении и была выражением родовой взаимопомощи. Позднее, в период развития капиталистических отношений, от них сохранилось только одно название, так как содержание этих обычаев ничего общего с настоящей помощью не имело. Потому что богатый кулак раздавал скот обедневшим сородичам под видом родственной помощи за отработки, причем отработки рассматривались как ответная помощь за оказанное «благодеение».

Все это прекрасно подтверждает тот факт, что круг вопросов, который в настоящее время входит в ведение этнографии, занимал в научных интересах Н. И. Ашмарина большое и важное место.

Однако, несмотря на ценность указанной работы Н. И. Ашмарина, нельзя не отметить существенных ее недостатков, как-то: неполнота в изучении и изложении фактов по многим затронутым вопросам, а также отсутствие четкой исторической последовательности.

Очерк носит статический характер, т. е. автор описывает народную поэзию чуваш не в историческом разрезе, а лишь в современном состоянии, не намечая весьма важных этапов в ее развитии. Не раскрыто в очерке и историческое значение чувашской народной поэзии, в статье анализируется лишь песенное творчество чувашского населения конца XIX в. Несмотря на это, отдельные положения автора по вопросам народной поэзии чуваш сохраняют свое значение и по настоящее время. Мы обращаемся к данному очерку Н. И. Ашмарина как к лучшему средству узнать жизнь и мировоззрение чувашского трудового народа, его образ мыслей, его надежды и устремления.

После окончания института (1894) с дипломом первой степени с 1 января 1896 г. Н. И. Ашмарин работал в Казанской «инородческой» учительской семинарии, где занимался педагогической

¹ Н. Ашмарин. Очерк народной поэзии у чуваш, стр. 55.

² Л. П. Потапов. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников. Краткие сообщения института этнографии Академии Наук СССР, 1947; вып. III, стр. 67—68.

деятельностью вплоть до закрытия этого учебного заведения в 1919 году.

В Казани развернулась научная деятельность Н. И. Ашмарина, непосредственно связанная с изучением чувашского населения, его быта и культуры, языка и религии. С 1896 года он стал собирать материалы для чувашского словаря. Для этой цели Н. И. Ашмарин сначала использовал весь материал, имеющийся в существовавших тогда изданиях на чувашском языке и сочинениях о чувашах, а потом приступил к чтению чувашских рукописей, представленных ему И. Я. Яковлевым и другими лицами. Эти рукописи, собранные сельскими учителями, учениками Симбирской чувашской школы и некоторыми другими лицами, содержали в себе материалы по этнографии и устному народному творчеству чуваш.

Кроме того, Н. И. Ашмарин и сам лично производил наблюдения над бытом, культурой и языком чуваш, собирая как словарный, так и фольклорный материал в Белебеевском уезде Уфимской губернии, в с. Тюрлеме Чебоксарского уезда, в Шибачеве, Верхних и Березовых Ольгашах, Большом и Малом Карачкине Козмодемьянского уезда, в Торханах, Мыслеце и Чертаганах Курмышского уезда и в некоторых других местах¹.

В 1899 году, видя, что одному человеку при помощи ограниченного круга лиц невозможно собрать необходимое количество материалов, он обратился к чувашской интеллигенции с просьбой помочь ему в этом деле, для чего издал «Программу для составления чувашского словаря»².

Программа Н. И. Ашмарина явилась руководством для собирания не только лингвистического материала, но и этнографического, исторического, археологического и др. Программа состояла из 64 вопросов и подробного перечисления всех нужных ему сведений и материалов, особое внимание в которых обращалось на этнографический и фольклорный материалы.

Программа Н. И. Ашмарина и сейчас поражает исследователей исключительной широтой и полнотой охвата вопросов, а также своей методикой, рекомендуемой для изучения поставленных вопросов. В программу входят вопросы о названиях и самоназвании народа, его территории, занятиях, происхождении народа, религии, народной медицине, обрядах и обычаях при рождении, браке, погребении, его языке и фольклоре и т. д. Лицам, собирающим материал, Н. И. Ашмарин дает ряд советов для того, чтобы сделать записи наиболее точными.

Освещая задачи изыскания и собирания необходимых материалов для составления словаря чувашского языка, Н. И. Ашмарин объясняет: «Так как собирание необходимых данных по чуваш-

¹ Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 48, Переписка с проф. Н. И. Ашмариным, л. 3.

² Н. И. Ашмарин. Программа для составления чувашского словаря. Казань, 1899.

скому языку в виду многочисленности местных говоров и значительной величины территории, занимаемой чувашским племенем, представляет для отдельной личности задачу трудновыполнимую, то я решаюсь обратиться к лицам, стоящим близко к чувашам по своему положению и интересующимся чувашами и их языком, с убедительной просьбою удостоить меня своего просвещенного содействия сообщением таких сведений, касающихся чуваш, их быта, языка и народной словесности, которые могли бы способствовать всесторонней обработке подготовляемого мною труда»¹.

Работа Н. И. Ашмарина по сбору материалов и изучению народного творчества и этнографии чуваш быстро была подвучена как собирателями-фольклористами, этнографами, так и ссталной чувашской интеллигенцией. Среди собирателей должны быть в первую очередь названы имена И. Н. Юркина, И. Е. Ефимова (Тахти), Г. Т. Тимофеева (автора рукописи «Тахар ял»). Они собирали народные сказки, песни, пословицы и загадки, производили запись этнографических материалов, свидетельствующих, с одной стороны, о социальном бесправии и угнетенном положении трудящихся Чувашии, с другой стороны, о силе народного протеста против угнетения.

Сбор материалов составлял лишь одну часть работы по составлению словаря. Эта кропотливая работа, требующая серьезной методической подготовки исследователя, много времени отнимала у Н. И. Ашмарина, поскольку он подходил к составлению словаря не просто как лексикограф, но и как языковед, как фольклорист и этнограф. Н. И. Ашмарин писал, что сокровища языка «могут открыться только при внимательном и тщательном изучении языка в связи с наблюдениями над бытом и жизнью данного народа». «Поэтому необходимо наблюдать, что связывает народ с названиями вещей, какие думы пробуждают они в его уме, на каких струнах его сердца, в каких уголках его души отражаются эти как будто одинаковые звуки... Отсюда является необходимость проследить в языке каждое слово, отметить все случаи его употребления в народном творчестве, а для этого необходима масса текстов, множество выписок. Из сравнения этих выписок мы находим, какую роль в мировоззрении играют те или иные предметы в той среде, в которой живет народ, без этого знания мы не будем иметь ясного представления о языке»².

Загадки и пословицы, описания обрядов, если они были интересны в том или ином отношении, Н. И. Ашмариным выписывались целиком. Он старался уяснить себе каждое слово в языке и вникнуть в сущность каждого обряда или верования. Как дра-

¹ Н. И. Ашмарин. Программа для составления чувашского словаря, стр. 3.

² Р. Ф. ЧНИИ, Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи, л. 14.

тоценные реликвии собирал он все оригинальные мысли чувашского народа, иногда скрывавшие в себе глубочайший смысл.

Собирая в такой последовательности материал для своего словаря, Н. И. Ашмарин выписывал в большинстве случаев не отдельные слова, а целые отрывки. Он упорно совершенствовал свое умение собирать материалы и включал эти материалы в свой словарь только убедившись в их правильности. Добросовестные и достоверные сборы—главная ценность материалов Н. И. Ашмарина.

За выписыванием примеров и отрывков следовала еще более кропотливая работа, требующая солидного лингвистического образования. Необходимо было выяснить по возможности все значения слов. В неопубликованном предисловии ко 2-му тому словаря, издания 1912 года, он писал: «Не буду много говорить о том, какого труда и скольких расспросов стоило мне определение подлинного значения многих чувашских слов; как трудно найти людей, хорошо знающих свой язык, и как мало лиц, близко знающих быт, верования и предания своей родины. Скажу без преувеличения, что иногда десятки лиц бывали опрошены мною по поводу лишь одного чувашского слова»¹. Некоторые слова так и остались не выясненными: слова загадок, забытые слова в песнях и т. п. Все это было занесено в словарь, хотя нередко и без достаточного объяснения, если эти загадочные слова были взяты из рукописей, а не из живой речи, или если сами чувашки не понимали и не могли истолковать их значения.

Кроме наблюдательности и тщательности собирателю этнографических и фольклорных материалов нужна еще большая объективность. Подход к материалу с предвзятым мнением не может дать хороших результатов. Н. И. Ашмарин выработал в себе и это необходимое качество. Он записывал материалы и передавал их не приукрашивая, не идеализируя и не фальсифицируя, что иногда имеет место у некоторых исследователей. Н. И. Ашмарин не стремился выгородить, приукрасить быт чувашского народа, одинаково отмечал как хорошее, так и дурное. Поэтому его исследование представляют собой ценный материал по этнографии и народному поэтическому творчеству чуваш.

Результатом такой работы явился монументальный труд— семнадцатитомный словарь чувашского языка. До революции было издано только два тома (1-й—в 1910 г. и 2-й—в 1912 г.), издание выдающегося научного труда Н. И. Ашмарина на этом прекратилось. Издание его возобновилось только после революции. В настоящее время издание словаря завершено, 17-й (последний) выпуск, посвященный 30-летию Чувашской АССР, вышел в 1950 г.

В своем фундаментальном труде Н. И. Ашмарин использовал самые разнообразные источники, собранные им в течение 37 лет.

¹ Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин, Незаконченные рукописи, л. 5.

Здесь и материалы живого разговорного языка, который Н. И. Ашмарин знал и с которым соприкасался во время неоднократных поездок по чувашским местам, печатные и рукописные материалы на чувашском языке (книги, газеты, рукописи с записью фольклорных и этнографических материалов, рукописные материалы местных говоров, ученические тетради, письма корреспондентов, присланные Н. И. Ашмарину из разных мест).

Словарь Н. И. Ашмарина, широко задуманный автором и подготовленный в течение более 30 лет, до некоторой степени можно назвать энциклопедией дореволюционного чувашского быта, различные стороны которого рассматриваются здесь с достаточной полнотой на основании изучения обильного рукописного и печатного материала и собственных наблюдений автора.

В предисловии к VI (первому посмертному) выпуску мы читаем: «Издание (Чувашским) Научно-исследовательским институтом многотомного словаря доктора тюркологии Н. И. Ашмарина диктовалось тем, что названный труд представляет собою богатейшее собрание памятников чувашского языка, фольклора и этнографии. В научных целях необходимо было это культурное наследие, оставшееся нам от прежних лет, запечатлеть письменно и создать таким образом монументальный памятник, могущий служить основным источником в деле научного изучения чувашского языка»¹. Член-корреспондент Академии Наук СССР С. Е. Малов в своей статье «Памяти Н. И. Ашмарина» заявляет, что «чувашский народ может считать себя счастливым, что имеет такой ценный словарь», и далее он особо подчеркивает, что «чувашские слова Н. И. Ашмариным брались как из живой речи и из области домашнего обихода, так и из народного фольклора, в последнем случае нередко из области шаманских легенд, сказаний и молитв, т. е. из той области, которая безвозвратно уже ушла в область прошлого и сохранена для науки нашим автором»².

Н. И. Ашмарин в своем «Словаре» не ограничивается простым переводом чувашских слов на русский язык, а дает пространное описание многих предметов материальной культуры, религиозно-культурных терминов, приводит множество материалов по общественно-семейным отношениям чуваш. Некоторые объяснения бытовых слов и примеры, приведенные в «Словаре» Ашмарина, могут считаться этнографическими статьями (см., например, слова автан сари, ака, анатри чаваш, арман, уйях, сурпан, кантар и др.).

Исключительно богато представлен проф. Н. И. Ашмариным бытовой уклад и элементы материальной культуры дореволюци-

¹ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. VI. Чебоксары, 1934, стр. 1.

² «Записки» Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 1, Чебоксары, 1941, стр. 136.

онных чуваш. Он довольно детально описывает жилище чуваш, встречающиеся в нем бытовые вещи, отмечает их значение, а иногда и происхождение. Описывая одежды, он отмечает покрой, цвет, материал, способы употребления отдельными возрастными способами ношения в отдельных этнографических группах чуваш и т. п.

Для характеристики этнографического материала, помещенного в «Словаре», приведем в извлечениях описание одежды верховых и низовых чуваш. «Они (т. е. верховые чуваш.— П. Д.) носят белые кафтаны и черные онучи. Мужчины летом местами носят высокие шляпы с подхватом. Женщины носят кафтанники из белого полотна, а зимою—белые кафтаны, и обуваются летом и зимою в черные онучи, причем наворачивают их так толсто, что ноги образуют из себя настоящие колотушки. Лапти у них с маленькими головками, которые отделяются более мелким плетеньем. Оборы очень длинные и красиво наворачиваются крест на крест до самых колен... Когда вирьялка выйдет на базар, то на ней не увидишь ни пылинки; ни на лаптях, ни на оборях не найдешь ни мохра, ни задоринки: все гладко и блестит, как бусинка. Весело ходят они, сверкая и позванивая своими шельгемами, сурпан сакки и ожерельями из крупных серебряных монет... Замужние женщины у вирьялов, как и у низовых, поперек головы носят масмак.

Мужчины (низовых чуваш) носят черные или сероватые кафтаны, обуваются в белые суконные онучи (покупаемые на базарах); летом ходят либо в фуражках, либо в маленьких шапочках. Лапти аляповатые, а не тщательно сплетенные и разукрашенные, как у вирьял, и оборы не длинные. Женщины обуваются либо в портянки (нарочно для того сотканые), либо носят чулки, сшитые из белого же базарного сукна. Рубашки (верхнее платье) носят сшитые из белого холста и вышитые узорами, или же сшитые из пестряди, сотканной с синими и красными тонкими полосками по красному полю. Повязываются ситцевыми платками разного цвета. Если ноги обуты в портянки, то они обертывают их оборами немного похоже на вирьял; а если ноги обуты в белые чулки, то поверх этих чулок из базарного сукна надевают еще черные носки домашней вязки; эти носки обертывают оборами не как вирьялы, а вплотную, и оборы лежат рядышком, у самой шиколотки; затем чулки спускаются к носкам, и они образуют нечто похожее на складки сапог. Замужние женщины голову обертывают сурбаном и никогда не оставляют шею голою. Девушки, летом, когда едут на свадьбу, надевают тухъя (особый головной убор девушек). У вирьялов ни тухъя, ни сарка (украшение из монет и бус, носимые девушками на груди и спине) не бывает. Раньше эти тухъя и сарка носили и в христианские праздничные дни и в свои языческие праздники, а теперь эти уборы надевают только на свадьбах, и то не все. У них сурбан, масмак и пу-с-йёппи (головные уборы женщин) не похожи на

вирьялские: сурбан длиннее и шире, а масмак—короче и шире, и узоры на нем похуже, чем у вирьялов; пуҫ-йёппи (убор на задней части головы) короче, и серебряных монет на нем не наложено столько, сколько у вирьял. У вирьялок всегда видны уши, шея и затылок, а у женщин анатри их не видно. Они не показываются простоволосыми (ни деверьям), ни свекрам, ни чужим людям: это считается неприличным. Точно так же не показываются они перед ними и босиком. Женщину, строго соблюдающую этот обряд, никто кроме мужа не увидит до самой ее смерти простоволосою или босою. Когда женщины едут в гости, то повязываются самотканными платками и поверх платка надевают еще каракулевую или барашковую шапку. Летом они повязываются лишь платками: либо самотканными, либо ситцевыми. Тот и другой повязывают двояким способом: ситцевым платком или повязываются поверх головы так, чтобы он обхватывал голову как татарская тубетейка, или же повязываются им так же, как и русские женщины. Самотканые платки повязывают на подобие татарской чалмы (обхватив им голову и завязав его раз на затылке, оставшиеся концы завязывают спереди над лбом, причем концы платка торчат на голове в виде рогов), или же завязывают этот самотканый платок на затылке, причем длинные концы его закидываются назад и свободно висят на спине. У вирьялок этого самотканного (полотенцеобразного) платка нет, они носят исключительно ситцевые платки, а также самотканые бумажные четырехугольные платки белого цвета, похожие на ситцевые»¹.

В таком же плане даны и другие этнографические материалы, включенные в словарь. Важнейшее значение для этнографа, занимающегося изучением быта чуваш, имеет описание пищи чувашских крестьян. Описание пищи в словаре Н. И. Ашмарина моментами превращается в довольно тщательно составленную поваренную книгу, так детально Н. И. Ашмарин описывает изготовление кушаний и рецепты, изучение которых, надо сказать, весьма трудно.

Далее материалы касаются жизни крестьянина-чувашина от рождения до его смерти. Н. И. Ашмарин тщательно описывает обычаи, сопровождающие рождение ребенка; уход за ним, затем свадьбу и наконец похороны. Подробно изложены многие светские обряды и церемонии, наблюдавшиеся в недавнее время в быту чувашских крестьян (свадебные, аграрные и т. п.). Поскольку словарь чувашского языка составлен в основном до революции, то и формулировка значения культурных слов в нем дана применительно к дореволюционному периоду чуваш, когда чуваша были суеверны и часто совершали языческие обряды. Например, про «ыра» сказано, что это название духов, чтимых чуваша-

¹ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. вып. 1. Казань, 1928, стр. 222—224.

ми («Словарь», вып. III, стр. 64), «пүсёр карчакки — знахарка, которая лечит от грыжи» («Словарь», вып. X, стр. 94) и т. д.

В словаре отмечено даже много мелких этнографических деталей, которые нередко ускользают из поля внимания исследователя. Н. И. Ашмарин здесь дает и материалы по быту чувашской сельской молодежи, знакомит с ее интересами, желаниями, детально описывает церемонии приема гостей, угощения и т. п. Эти материалы очень ценны и частично дают сведения по истории быта чувашских крестьян, ибо далеко не все, что описано Н. И. Ашмариным, сохранилось до настоящих дней.

Особую группу составляют в словаре Н. И. Ашмарина вопросы быта чувашских детей и, в частности, вопросы детских игр. Этот раздел чувашской этнографии вовсе не затронут учеными, если не считать брошюры и Ф. П. Павлова¹ и статьи Н. Романова².

В свой «Словарь» проф. Н. И. Ашмарин включил около 200 детских стихов, песен, считалок, приговоров и т. п. Затем Н. И. Ашмарин приводит 180 названий детских игр и игрушек, описание которых в общей сложности занимает 35 печатных страниц.

Даже этот краткий указатель дает понятие о количестве этнографического материала в «Словаре». Этнографический материал, включенный в «Словарь», как мы уже указывали выше, проф. Н. И. Ашмариным был самым тщательным образом обработан и уточнен, поэтому этнограф в своей исследовательской работе уверенно может ими пользоваться.

В своих трудах Н. И. Ашмарин только частично использовал собственный рукописный фонд, но то, что Ашмарин сохранил и воспроизвел в своих работах, поражает нас сейчас меткостью наблюдения и вниманием к этнографическим деталям и мелочам. Если не считать извлечений из материалов, собранных по программе Н. И. Ашмарина для 17-томного словаря чувашского языка, то все прочие материалы остаются до сих пор не изученными и даже не описанными полностью. По своему характеру материал далеко не равноценен. Наряду с поверхностными корреспонденциями с мест имеются ценнейшие подробные этнографические описания чуваш. Имеются, наконец, небольшие специальные статьи по отдельным вопросам этнографии чуваш.

Рукописный фонд проф. Н. И. Ашмарина, хранящийся в Чувашском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, содержит 30 объемистых томов. Научную ценность этих рукописей можно приблизительно определить исходя из следую-

¹ Ф. П. Павлов. Ача-пача сасси («Песни детворы»), Чебоксары, 1921.

² Н. Р. Романов. Халах самахлахё («Народное творчество»), в журнале «Ерлекенсен сасси», Москва, 1925, № 8 и 1926, № 1.

щих данных. По предварительным неполным подсчетам энограда Н. Р. Романова, в них содержится огромное количество записей дореволюционных песен около 8000 стр.), описание быта чувашских крестьян (примерно 1500 стр.), личные записи самого проф. Н. И. Ашмарина составляет более 2000 стр. Рукописный фонд проф. Н. И. Ашмарина и хранящийся вместе с ним большой словарный материал, собранный Н. И. Ашмариным через своих корреспондентов и учеников, должны привлечь к себе внимание этнографов, литераторов и языковедов Чувашии.

Подавляющее большинство хранящихся в Рукописном фонде Чувашского научно-исследовательского института записей произведений чувашской народной поэзии сделано в чувашских селениях в конце XIX и начале XX вв. и содержит ценный материал для характеристики мировоззрения пореформенного чувашского крестьянства. Эти материалы дают возможность установить общий характер мировоззрения чувашского крестьянства и его социальные и этические взгляды, изменение этих взглядов под влиянием развивавшихся в деревне капиталистических отношений и разложения патриархального быта.

Изучение истории формирования и развития общественно-политических воззрений народа невозможно без широкого привлечения материалов народного устнопоэтического творчества. О значении народной поэзии для раскрытия взглядов и стремлений народа неоднократно говорили классики марксизма-ленинизма. Народная поэзия дает возможность проникнуть в психологию и сознание различных групп трудящихся, понять их чаяния и стремления, определить, в каком направлении развиваются и изменяются их воззрения. Народная поэзия является одной из форм общественного сознания. В специфической образной форме она выражает идеологию народа на различных этапах исторического развития, обобщает и закрепляет трудовой и социальный опыт трудящихся. В обществе, разделенном на антагонистические классы, устная поэзия народа является очень важной частью подлинной народной культуры, идейно противостоящей культуре господствующих классов, их науке, искусству, философии и морали.

Интерес к народной поэзии у чуваш, появившийся еще в годы учебы в Лазаревском институте восточных языков, Н. И. Ашмарин сохранил до конца своей жизни. Начав изучение народного творчества с древнейших его памятников, Н. И. Ашмарин очень скоро перешел к внимательному, пристальному изучению жизни, быта и художественного творчества чувашского народа.

Для исследования вопросов устного народного творчества чуваш в распоряжении Н. И. Ашмарина был богатый фонд записей произведений устнопоэтического творчества нескольких десятков краеведов. Н. И. Ашмарину удалось заинтересовать и вовлечь в дело собирания произведений устного народного творчества чувашскую интеллигенцию, в лице учителей, воспитанников и воспитанниц Ульяновской учительской школы и Казан-

ской учительской семинарии, позднее и студентов Ульяновского практического института народного образования, Чувашского отделения Казанского восточно-педагогического института. Они весьма охотно собирали и доставляли Ашмарину нужные материалы: песни, сказки, пословицы, частушки, легенды и предания, описания разных обрядов, поверий и пр. В свое время Н. И. Ашмарин со всех концов, где только ни жили чуваша, получал корреспонденции. Например, его «Сборник чувашских пословиц» полностью составлен из готовых поступлений.

В изучении вопросов устного поэтического творчества чуваш Н. И. Ашмарин исходил из положения о взаимной обусловленности явлений и указывал на главенствующую роль объективных факторов в процессе создания произведений устнопоэтического народного творчества.

Ашмарин писал, что «изучение народной поэзии немыслимо без изучения народного быта, так как она связана тысячами нитей со всею жизнью народа»¹. Он указывал, что для доказательства этого положения иногда требуется серьезная кропотливая работа: «В своем творчестве народ любит выражаться намеками. Иногда только легкий штрих бросает слабый луч света на ту или иную черту народного характера, на ту или другую особенность народного быта, которая остается для нас неразрешимой загадкой, пока мы не найдем на нее ответа во всестороннем исследовании народной жизни. Самые, казалось бы, ясные и понятные вещи являются, при их углубленном изучении, в совершенно ином освещении и мы, к изумлению своему, замечаем, что то истолкование, которое мы им давали, неправильно и коренится в особенностях нашего национального, а иногда и индивидуального мировоззрения»².

Рассматривая устное поэтическое творчество как отображение исторической жизни народа, Н. И. Ашмарин не ограничивался одной только записью произведений народной поэзии, а давал перевод и объяснял значение песни, имеющей иносказательный характер. Подобная же работа проводилась им и над загадками, пословицами и поговорками.

Прекрасно разбираясь во всей литературе того времени о чувашской народной поэзии, Н. И. Ашмарин ясно осознавал недостатки существовавших в то время работ по этому вопросу. Он указывал, что нет основания приписывать происхождение произведений народного поэтического творчества причинам, которые не кроются в материальных основах жизни людей, и рассматривать их вне зависимости от истории самого народа.

¹ Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи, л. 197.

² Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи, л. 196.

Н. И. Ашмарин подчеркивал, что произведения поэтического творчества народа возникли не в порядке заимствований, а в силу действия материальных причин, связанных с определенным уровнем общественного развития у чуваш¹.

Чтобы доказать свою точку зрения на народное поэтическое творчество, Н. И. Ашмарин анализировал словесное содержание и характерные особенности произведений чувашской народной поэзии.

Во-первых, Н. И. Ашмарин указывал на связь языка и народного поэтического творчества, которая складывается исторически, в процессе трудовой деятельности людей. Диалектическое взаимодействие языка и народной поэзии в процессе поэтического творчества ясно прослеживается в непрерывных изменениях, которым подвергаются произведения народной поэзии в устной передаче, и в том, что отшлифованные в поэтической практике средства поэтического языка обогащают, в свою очередь, общенародный язык.

Поэтому Н. И. Ашмарин справедливо писал:

«Сам по себе, весь язык есть творчество и то, что мы называем творчеством в обычном употреблении этого слова, есть только часть словесного богатства народа, обособившаяся от повседневного, будничного обихода, вследствие ее особенной верности или особенного интереса»².

Н. И. Ашмарин указывал далее, что изучение народного творчества тесно примыкает к изучению языка: «успехи в исследовании последнего приносят с собою и новые приобретения в области истолкования народной словесности, а расширение поля наблюдений в отношении народного творчества содействует выяснению явлений в сфере языка. Язык поэзии более архаичен, чем обиходная речь, между прочим, потому, что произведения народной словесности нередко связаны определенной формой, и потому менее подвержены изменениям, чем разговорный язык».³

Во-вторых, Н. И. Ашмарин считал, что благодаря своеобразности окружающей природы и личных задатков, у каждого народа вырабатывается своеобразное поэтическое творчество, своеобразные сравнения, которые не имеют смысла в другом языке.

«Мышление каждого народа,— писал Н. И. Ашмарин,—находится в прямой зависимости от природы той видимой среды, в которой он живет, и от характера возникающих здесь влияний, поэтому в основу каждого языка ложатся те образы, которые возникают в его личной обстановке. Наши понятия, представляя собою известные формы отвлечения, вместе с тем сохраняют от-

¹ Р. ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи, л. 196.

² Там же. л. 198.

³ Там же.

печатки совокупности тех конкретных образов, от которых они отвлечены, так как имеются серьезные доказательства, что вполне отвлеченного мышления не существует»¹.

Разбирая вопросы перевода произведений устнопоэтического творчества чуваш на языки других национальностей, Н. И. Ашмарин указывал на необходимость учитывать при переводах характерные особенности чувашской народной поэзии. «...Самая простая фраза, взятая на одном языке, будучи переведена буквально на другой язык, является несколько иного по своему внутреннему содержанию, нежели она была первоначальной в подлиннике»².

Иными словами, для переводчика недостаточно знание одного лишь местного разговорного языка, он должен изучать также различные говоры, народное творчество: песни, сказки, предания, пословицы и поговорки, характерные особенности их языка, ибо в них много материала для обогащения переводческого языка.

Как мы уже указывали выше, представление об общественно-политических взглядах чувашского народа в прошлом приходится составлять, главным образом, на основе тех художественных обобщений, которые даются в произведениях устнопоэтического творчества.

В народном поэтическом творчестве даются типические образы и ситуации, раскрывающие социально-историческую сущность изображаемых явлений. Так, например, образы народных песен, сказок и пословиц с исключительной яркостью раскрывают сущность классовых отношений в капиталистическом обществе. Характер типических образов народного искусства, реалистического по своему существу, дает возможность уяснить социально-политические взгляды народа в различные исторические периоды, ибо, как говорил Г. М. Маленков в отчетном докладе XIX съезду Коммунистической партии, «проблема типичности есть всегда проблема политическая»³. Задача исследователя выявить смысл этих образов. Для изучения типических образов народной поэзии, вопроса об отношении языка народной поэзии к литературному языку и к народным говорам очень ценным материалом являются «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской» и «Сборник чувашских пословиц», составленные Н. И. Ашмариным.

Песни, включенные в «Сборник чувашских песен», записаны Н. И. Ашмариным у чуваш разных селений Белебеевского уезда Уфимской губернии, Козмодемьянского и Чебоксарского уездов Казанской губернии, Карсунского уезда Симбирской губернии.

¹ Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи, л. 198.

² Там же.

³ Г. М. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 73.

Произведения народной поэзии чуваш, представленные в указанном сборнике, с большой полнотой отражали идеологию дореволюционного крестьянина—мелкого собственника, всеми помыслами привязанного к своему клочку земли и в кровавом поту добывавшего на нем свой хлеб, страдавшего от безжалостной эксплуатации и угнетения царско-помещичьей власти. У чувашских крестьян был большой положительный опыт, накопленный в результате вековой трудовой деятельности. Этот опыт нашел свое выражение в образах и идеях народных песен. В богато представленном Н. И. Ашмариным народных песнях отражается многогранный мир чувашского крестьянства с трезвым отношением его к окружающей жизни, практической сноровкой в делах, житейской мудростью, оптимизмом и едкой иронией и ненавистью к угнетателям.

Тематика чувашских народных песен, включенных в сборник, чрезвычайно разнообразна, преобладающее место здесь занимают темы личных переживаний и семейного быта.

Характерной особенностью старой чувашской песни было оплакивание тяжелой доли крестьянина, в них звучала сердечная тоска, безысходная печаль забитых, бесправных людей. Чувашский крестьянин роптал на свою горькую судьбину, проклиная пороки и зло, порождаемые общественным строем, протестовал против социальной несправедливости, а внутренне лелеял мечту о светлой будущей жизни, что и вылилось в его теплых, душевных лирических песнях:

<p>1. Ҫулĕ тусем ҫинче ҫавра куле,
Ҫаварнайса ишсе пулас ҫук;
Мёскён пуҫёнче нуша пыҫăк
пулсан,
Ярăнайса үсме пулас ҫук.</p>	<p>„На высоких горах—круглое
озеро,—
Да не придется по нему плавать
вокруг.
Когда над головою бедняка нужда
великая,
То не придется ему вырасти на
приволье“¹.</p>
<p>2. Хура чёкеҫ вёҫет ҫўлелле,
Ҫуначёсем канас ҫёр пур-ши?
Пирён ку пуҫсем хурлăхлă,
Чунамăрсем канас ҫёр пур-ши?</p>	<p>„Черная ласточка летит вверх,—
Есть-ли где отдохнуть ее
крыльям?
Несчастные у нас головы,—
Есть-ли где отдохнуть нашей
душе?“²</p>

¹ Н. И. Ашмарин. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань, 1900, стр. 5—6. (Обе песни записаны автором в сел. Ниж. Кармалы Белебеевского уезда, Уфимской губ. Все переводы текстов песен Н. И. Ашмарина—П. Д.)

² Там же, стр. 6—7.

Лирический герой чувашской народной песни в стремлениях к свободе и к счастью часто не находил среди окружающей его действительности условий для применения своих душевных сил. Разочарованные в своих попытках уничтожить эксплуататоров и найти правду на земле, забытые и обездоленные народные массы обращали взор к небу. От бога ждали они награды за перенесенные страдания и надеялись, что если не здесь, то на том свете их мучителей ждет заслуженная кара. Так создавались в песенной лирике старого времени песни с элементами религиозных представлений, характеризующие ограниченность мировоззрения дореволюционного чувашского крестьянства. «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»¹— говорил В. И. Ленин. Анализ текстов произведений народнопоэтического творчества из сборника Н. И. Ашмарина подтверждает это положение В. И. Ленина.

Здесь необходимо подчеркнуть, что несмотря на энергичные попытки духовенства вмешиваться в жизнь народного искусства, господствующая религиозная идеология — христианство — не затронула сколько-нибудь существенно основную часть дореволюционной чувашской народной поэзии.

Оценивая идейную сущность чувашской народной поэзии, Н. И. Ашмарин в первой же своей работе подчеркивал, что «...религиозные верования чуваш мало затрагиваются в песнях: ...В чувашских песнях употребительны два выражения: «Бог определил» и «определил бог и пюлих». Пюлих, по верованиям чуваш, назначает каждому кебе, т. е. счастливый или несчастный жребий»².

Жизнеутверждающие тенденции народной поэзии в ее прогрессивной линии развития остались непоколебленными, а настроения покорности судьбе, отказ от борьбы характеризуют творчество наиболее отсталых слоев народа. Вопреки стараниям господствующего класса навязать народу безусловное подчинение требованиям религии и церкви, именно народная поэзия обнаруживала рост антиклерикальных, а частично и антирелигиозных настроений. Резко отрицательное отношение к попам в сказках, поговорах, насмешки над их ханжеством и лицемерием свидетельствуют о том, какой отпор встречала в сознании передовых слоев трудового народа церковная проповедь смирения и покорности.

Пуп куç—нүхреп куç теççё.—«Поповский глаз—величиной с

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 65.

² Н. И. Ашмарин. Очерк народной поэзии у чуваш, стр. 48—49.

погреб»,¹—образно формулировал народ свое отношение к попам, метко бичуя жадность и невежество духовенства. Подобные пословицы обобщают наблюдения народа, показывают сущность социальных отношений.

«Сборник чувашских песен» Н. И. Ашмарина далеко не раскрывает всего богатства песенного репертуара чувашского народа. Ознакомившись со сборником, мы убеждаемся лишь в том, что песня, как неотъемлемая принадлежность быта, живо откликнулась на бытовые впечатления.

К разряду бытовых песен относятся богато представленные в сборнике песни застольно-пирового цикла. Застольно-пировые песни были самыми распространенными в старом быту чувашских крестьян. Именно в многочисленных застольных песнях находили свое характерное отображение мысли и переживания чувашских крестьян, здесь также выступали мотивы утверждения незыблемости старых дедовских обычаев, святости труда на земле и нерушимости патриархально-общинных порядков в общественной жизни.

Одна из главных особенностей группы застольно-пировых песен — ярко выраженная в их текстах прочность родственных и семейных связей. Прочность этих связей чрезвычайно типична для быта дореволюционной чувашской деревни, упорно сохранившей в себе пережитки патриархальных родовых традиций. На каждом шагу в застольно-пировых песнях мы встречаемся с восхвалением своей родни и воспеванием всяческих родственных чувств.

Уйӑх ҫути ҫап-ҫутӑ,
Кун ҫутине ҫитес ҫук;
Ялта хуранташсем пит нумай,
Хамӑр тавансене ҫитес ҫук.

„Очень ярок свет месяца,
Но не сравнись ему с дневным
светом;
Очень много родственников
в деревне,
Но не сравнись с нашей кровною
роднею“².

«Гостила я у своих родных, забуду-ли их когда-нибудь», — поет женщина, возвращаясь с пирушки; «любишь или нет меня, братец — все равно, выходи, меня встречай», — поет гость, являясь на пирушку к брату.

«Сильная привязанность к своим родственникам слышится во многих их песнях. Круг их симпатий так узок, что вся их привязанность с тем большею силою концентрируется на тех, кто связан с ними узами крови»,³—пишет Н. И. Ашмарин, анализируя тексты бытовых песен чуваш.

Однако, далеко не все песни застольно-пирового цикла имеют

¹ Н. И. Ашмарин. Сборник чувашских пословиц. Чебоксары, 1925, стр. 32.

² Н. И. Ашмарин. Сборник чувашских песен, стр. 18.

³ Н. И. Ашмарин. Очерк народной поэзии у чуваш, стр. 51.

подобное содержание. Наоборот, количественно большое место в нем занимают песни противоположного содержания, ярко вскрывающие разрушение прежних патриархальных отношений, и отражающие классовое расслоение чувашской деревни. В текстах этих песен прослеживается довольно четкое осознание бедняком глубоких классовых противоречий, выраженное при помощи художественного противопоставления двух ярких образов.

Кайак хурсем килеç картиле,
Кикак тияканны пери сук;
Çак тавансем патне эп килсессён,
Киях тияканны пёри сук.

„Вереницею летят дикие гуси,
Но ни один из них не кричит:
„га-га“!
Когда я приеду к этим
родственникам,
То ни один из них не приглашает
меня войти“¹.

К семейно-бытовым лирическим песням чуваш примыкают близкие к ним и по содержанию, и по поэтическому языку свадебные песни, сопровождающие свадебный обряд. Свадебный обряд являлся одним из самых древних и консервативных пережитков в дореволюционном быту чувашских крестьян. Ведя свое происхождение из глубин общинно-родового строя, свадебный обряд с большой цепкостью удерживался в быту чувашской деревни вплоть до Октябрьской социалистической революции, приспособиваясь к изменяющимся общественным условиям и сохраняя в себе целый ряд пережитков седой патриархальной старины.

Песенное оформление свадебного обряда чуваш отличается своей устойчивостью, в нем явно выражены определенные обрядовые функции: песни — плачи невесты, песни подружек невест и свадебные песни гостей, родных жениха и невесты. Общий же смысл свадебного обряда направлялся на укрепление новой семейной ячейки и пожелание ей материальных и духовных благ в жизни.

Тексты свадебных песен явно отражали социально-экономическое положение трудящихся крестьян и разложение чувашской деревни в связи с развитием в ней капиталистических отношений.

Основным признаком свадебных песен чувашской бедноты нужно считать проявление в них иронического отношения к своим невзгодам. Показательны в этом отношении следующие тексты песни: «Едем, едем мы в повозке, а повозка не своя; она тройкой запряжена, тройка-то соседская»—и далее говорится о том, что и одежда взята у снохи и у девиц. Примеры, когда для свадебных целей бедняками брались на прокат повозка и тройка у более состоятельных крестьян, имели большое распространение

¹ Н. И. Ашмарин. Сборник чувашских песен, стр. 77.

Сичё ютсем сиччён, эп пёр пёччен,
Кун кураймӓп тесе хӓратӓп.

Чужих людей семеро, а я одинока:
Боюсь, что не видать мне (светлых) дней.¹

Анализируя тексты чувашских свадебных песен, песни-плачи невесты, Н. И. Ашмарин подчеркивает, что «Отдача в замужество против воли дочери практикуется, повидимому, и у чуваш, потому что на это есть некоторые указания в их песнях. Девушка, вышедшая не по любви, часто вспоминает своего милого; ее муж не нравится ей, чужая семья относится к ней холодно и несочувственно»².

1. „Разве кто видел ноги
Летающего лебеда?

Разве видел кто хорошее,
Попав к семи чужим*.

2. „У семи чужих в саду липняк,
В липняке все змеи:

Зашипят при входе,
Зашипят и при выходе»³.

Как ни отрывочны материалы «Сборника чувашских песен» Н. И. Ашмарина, знакомящие нас со звучанием лирической песни дореволюционной чувашской деревни, они все же позволяют сделать некоторые выводы о характерных признаках лирической песенной поэтики того времени.

Тематика девичьих лирических песен ярко вскрывает нам ограниченность кругозора чувашской женщины в дореволюционном крестьянском быту. Показателем узости кругозора и ограниченности интересов, столь характерных для психологии наиболее отсталой женской половины деревенского населения, является боязнь толков, пересудов, сплетен, которая красной нитью пронизывает содержание девичьих песен старого быта. В то же время, боязнь сплетен—это очевидный результат господствовавшей в старом быту морали семейно-бытовых традиций и морали господствующей идеологии кулацкой верхушки, в силу которой девушка буквально боялась шаг ступить, чтобы не «осрамить» себя перед «обществом» и вынуждена была особенно «соблюдать» себя, не давая повод к унижительным толкам и пересудам:

„Улицз широкая, дорога черная:
Кто увидит, как мы пойдём?

Время тяжелое, люди дурные:
Кто будет плакать, если мы не
поплачем»⁴.

Однако в семейных лирических песнях есть и выражение протеста против произвола семьи, защита прав на любовь. Наряду с образами девушек, вынужденных покоряться патриархально-семейным традициям, в народном творчестве дан и другой образ—образ волевой девушки, смело защищающей свои права. Немногие образцы лирических семейных песен в записях рукописного фонда Н. И. Ашмарина подтверждают это положение. Так, например,

¹ Н. И. Ашмарин. Сборник чувашских песен, стр. 67.

² Н. И. Ашмарин. Очерк народной поэзии у чуваш, стр. 66.

³ Н. И. Ашмарин. Очерк народной поэзии у чуваш, стр. 62—63.

⁴ Там же, стр. 64.

Иначе и быть не могло, ибо солдатская служба в старой армии, кроме нужды, мучения и унижения человеческой личности, ничего не давала. Поэтому невольно проникали эти печальные мотивы в дореволюционные рекрутские песни:

Солдатское имя—тяжелое имя.
Тяжелее себя имя есть.
Ах как же его мне носить?

Солдатский путь—длинный путь,
Длинный путь да тяжелый путь,
Ах как же по нему мне ходить?

С такими песнями выезжала чувашская молодежь из родных деревень в далекие неведомые края для несения царской службы. У них не было даже никакой надежды на благополучное возвращение в родительский дом и «на чужбине часто кажется ему, что вот-вот придут к нему отец и мать, обнимут его и вместе с ним поплачут над его горем»; но они далеко:

Хир варринче мӑн юман;
Атте тесе пытам та,
Килех, ывалам, темерӗ.
Хир варринче ман ҫака;
Анне тесе пытам та,
Килех, ывӑлам, темерӗ.

„Посреди поля—огромный дуб;
Я подумал, что это отец, и подошел,
Но он не сказал мне: „Подойди,
сыннок!“
Посреди поля—большая липа;
Я подумал, что это мать, и подошел,
Но она не сказала мне: „Подойди
сыннок!“

Изучение устнопоэтического творчества чуваш позволило Н. И. Ашмарину решить проблему художественной формы произведений народного творчества второй половины XIX века.

«Характерную особенность чувашской поэзии,— пишет Н. И. Ашмарин,— составляет богатство сравнений. Значительная часть песен состоит из двух частей, дающих как бы сравнение двух явлений, при чем основная мысль, обыкновенно касающаяся различных сторон людских отношений, некоторым образом поясняется аналогией, взятой из природы».² Изображение природы в ее отношении к жизни человека было одной из наиболее примечательных черт народного лирического стиля. Лирический пейзаж в разных видах народной песни служил материалом для построения сравнений, метафор и символов; единство настроений человека с жизнью природы в устной народной поэзии символизировало неразрывную связь его с природой родины. В живом чувстве родной природы, которое передается через изображение настроений и поведения человека в их единстве, выражается глубокий патриотизм устной народной поэзии чуваш.

Исключительно большое значение для характеристики мировоззрения дореволюционного чувашского народа и для изучения социально-бытовых явлений того времени имеют пословицы и

¹ Н. И. Ашмарин Сборник чувашских песен, стр. 53—54.

² Н. И. Ашмарин. Очерк народной поэзии у чуваш, стр. 45.

поговорки, которые «образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа».¹

Интерес Н. И. Ашмарина к пословицам выразился не только в использовании их в 17-ти томном «Словаре чувашского языка», но и в собирании афористического материала и систематизировании его в алфавитном порядке в особом сборнике «Ваттисем калана самахсем» (Сборник чувашских пословиц, Чебоксары, 1925). Это первое научное издание чувашских народных пословиц, подготовленное на основе кропотливой собирательской работы. В сборнике приведено 1307 пословиц с их наиболее важными вариантами с переводом на русский язык.

К недостаткам сборника надо отнести неудачно разработанную систему классификации текстов. В указанном сборнике Н. И. Ашмарина пословицы расположены в алфавитном порядке. При подобной классификации игнорируется идейное содержание пословиц и исключается возможность их тематического группирования. Расположенные друг за другом в алфавитном порядке, пословицы не имеют между собой никакой связи ни по смыслу, ни по тематике, ни по социальному содержанию. Более того, при подобном расположении оказываются разделенными различные варианты одной и той же пословицы, начинающиеся с разных букв, что затрудняет их изучение. К тому же Н. И. Ашмарин не указывал в какой местности произведены записи пословиц, в результате чего сборник теряет отчасти свое научное значение.

Несмотря на указанные недостатки, представленные в сборнике Н. И. Ашмарина народные пословицы дают богатый материал для изучения подлинной истории трудового народа, широко отражая и обобщая весь его социально-исторический жизненный опыт, стремления и надежды, его борьбу против стихийных сил природы, против своих угнетателей, его мировоззрение и психологию, его быт и верования. На основе этого сборника мы имеем возможность представить себе запас наиболее распространенных в устной речи дореволюционного времени народных и книжных пословиц, можем судить о том, как пословичное творчество обобщает и закрепляет в метком образном речении, «в крылатом слове», жизненный опыт многих поколений, их сознание и духовные устремления.

Изучение пословичного творчества чувашского народа показывает, как пословицы, возникнув в одну эпоху, в условиях определенной социально-экономической формации, в определенной социальной среде, продолжают жить века, приживаясь к новым социально-экономическим условиям, приравливаясь к иной классовой идеологии, наполняясь новым социальным содержанием.

¹ М. Горький. Литературно-критические статьи, ГИХЛ, Москва, 1937, стр. 346—347.

Пословицы чувашского народа широко отражали противоречивость его мировоззрения, выраженного в устной поэзии. Богатство и бедность, власть и подчиненный им трудовой народ, труд и эксплуатация, семья и мораль человеческих отношений в обстановке капиталистического гнета—все эти темы к началу XX века оказались представленными в огромном количестве спорившихся между собою пословиц. Анализ «Сборника чувашских пословиц», составленного Н. И. Ашмариним, подтверждает это.

Своеобразным видом народной поэзии, из которой можно почерпнуть сведения о прошлом чувашского народа, Н. И. Ашмарин считал исторические предания, легенды, обыкновенно связываемые с названиями урочищ и именами основателей селений.

Придавая большое значение топонимическим преданиям, Н. И. Ашмарин в одном из своих незаконченных статей писал: «Известия о первых насельниках и основателях селений отличаются особенным изобилием, имена этих людей иногда передаются в целых генеалогических таблицах, и для будущего исследователя края эти предания могли бы дать интересный материал, напр., при определении центров расселения целых групп населенных мест и пр. Некоторое количество подобных преданий уже собрано, но до сих пор они почти не появились в печати»¹.

В сокровищнице устного поэтического творчества чувашского народа видное место принадлежит историческим песням. В них народ выражал свое мнение о происходивших событиях, по-своему осмысливал и оценивал их, рисовал свои идеалы. Большое количество исторических песен, созданных чувашским народом, исчезло для нас безвозвратно. Изучение чувашских исторических песен, как указывает Н. И. Ашмарин, началось очень недавно, «за малыми исключениями, эти записи восходят не раньше второй половины XIX века»². «Кроме того,—пишет Н. И. Ашмарин,—исторические песни, касавшиеся очень давних событий, могли исчезнуть из народной памяти вместе с исчезновением интереса, который они пробуждали к себе в умах предыдущих поколений»³.

Н. И. Ашмарину был известен ряд исторических песен чувашского народа, в частности песня о Пугачеве и песня о жизни и быте удельных крестьян. В первой из песен, которую пели старики с Белой Горы, Богучевской волости, Петровского уезда, Саратовской губернии, рассказывается о страшном смятении в Казани с появлением отряда Пугачева. Песня повествует с эпическим спокойствием о том, как пойманного Пугачева повесили на горькую осину, как сожгли в срубе его тело и развеяли прах по чистому полю. Тут же выводится личность какой-то Маруси, повидимому, любовницы героя, которая обливалась горькими

¹ Р. ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи, л. 28.

² Там же, л. 29

³ Там же.

слезами при виде его несчастной участи. Какие-то лица—кто, неизвестно—утешают ее и обещают взять ее с собою и обходиться с нею как с родной сестрою. «В этих простых словах утешения, обращенных к несчастной женщине, лицу, повидимому легендарному,—подчеркивает Н. И. Ашмарин,—сказалось скрытое сочувствие народа к погибшему вождю народного восстания»¹.

В песне удельных крестьян, созданной в феодально-крепостническое время, с особой силой подчеркивается угнетенное положение всего удельного крестьянства, ненависть народа к удельному начальству и вместе с тем всему помещичье-крепостническому строю. Песня показывает насколько была тяжела работа удельных крестьян, и она по своему содержанию носит ярко выраженный характер борьбы трудящихся масс чувашских крестьян против удела.

Рассматривая предпосылки возникновения исторических песен чувашского народа, Н. И. Ашмарин указывает на воздействие русской народной песни на песенное творчество чуваш. Последнее доказывается, по мнению Н. И. Ашмарина, невыдержанностью размера, особенностями стихосложения, употреблением русских эпитетов, слов и оборотов и общим характером песен. Н. И. Ашмарин пишет, что подобное влияние русской поэзии заметно и в других видах поэтических произведений чуваш, напр., в песнях солдатских, хороводных и других, в которых мы находим или русские припевы, сопровождающие основной текст песни или простое переложение ее на чувашский язык². В этом отношении весьма показателен факт проникновения в старобытовой лирический цикл чувашских песен частушечных песенных образцов русской народной песни. Появление частушек, со специфически частушечными образами и оборатами, относится к последним десятилетиям перед Октябрьской революцией, особенно к годам первой империалистической войны. Освоение новых понятий и образов, идущих от «городской культуры», отражало влияние проникавших в чувашскую деревню капиталистических отношений, разлагавших патриархальные формы быта и консервативные навыки в мышлении и психике, охранявшие типичные нерушимые особенности словесного и музыкального содержания и образов песенного творчества чувашского народа.

К произведениям устного народного творчества, очень ценному материалу для исследователей, из которого можно почерпнуть сведения о прошлом чувашского народа, Н. И. Ашмарин рекомендовал прибавить словарное богатство языка, которое в отдельных своих выражениях иногда дает нам возможность бросить взгляд на исторические события или на старый уже забытый

¹ Р. ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи, л. 30.

² Там же.

уклад жизни в тех случаях, когда об этом молчат письменные памятники и ничего не говорит устное народное предание.

Н. И. Ашмарин, обращая внимание на необходимость изучения словарного состава и свойства языка, писал, что «самым обильным источником, из которого мы можем почерпнуть понимание чувашского прошлого, является разговорный язык, который, передаваясь из поколения в поколение и подвергаясь беспрерывным изменениям соответственно переменам как в жизни личности, так и в жизни всего народа, сохраняет в своем составе стрывки древней истории и обломки древних воззрений»¹.

Так, например, изучение имен чувашских божеств позволяет выяснить вопрос о влиянии на религиозные представления чувашского народа общественно-административного строя Золотой орды, иерархическая терминология которого перешла на почитаемые чувашами божества. Этой темой Н. И. Ашмарин занимался с необычайной любовью и достижения его в этом направлении были обобщены в его небольшом очерке «Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш»².

Отсутствие памятников старины послужило не малым препятствием к истолкованию лингвистического материала, относящегося к области древнего чувашского культа, так как, за немногими исключениями, запись народных верований, обрядов и молитв была сделана исследователями лишь начиная со второй половины XIX в., когда многие стороны языческих верований уже были народом забыты, а другие удерживались лишь в весьма скудной и несовершенной традиции.

Очерк «Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш» замечателен прежде всего тем, что дает представление о методе научного подхода Н. И. Ашмарина к объяснению непонятных терминов в старинных молитвословиях чуваш. Н. И. Ашмарин и в этой области показал основательное знание филологических и историко-этнографических материалов и свою эрудицию.

Н. И. Ашмарин писал, что общественно-административный строй Золотой орды и мусульманская религиозная терминология в главных элементарных чертах оставили явные следы в религиозных наименованиях чуваш.

Например, в языческих молитвословиях чуваш мы находим обращения к следующим божествам: тавам ыра — добрый дух, заседающий в палате(диване), т.е. в государственном учреждении, в судебном трибунале (ср. в ярлыках золотоордынских ханов, «диван битикчилари» — писцы дивана), тавам сүретекен — дух,

¹ Р. ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи, лл. 197—198.

² Н. И. Ашмарин. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш, Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани, т. II, 1921, стр. 93—128.

ведущий дела дивана, ман торра алак ошакан — отворяющий двери богу пүлэхсё, чёлпёр тытан ыра, чёлпёр тытса сүрен ыра — дух держащий повод, дух, ведущий за повод (лошадь того или иного бога). Последние названия, указывает Н. И. Ашмарин, явно заимствованы из торжественно обставленных выездов хана. Или еще хум кёрекесё — кравчий хана и т. д.

Чуваши в период монголо-татарского владычества (может быть и раньше, в период Волжской Булгарии) представляли своих богов в виде важного хана и чиновников, окружающих его, сопровождающих и прислуживающих ему¹.

Точка зрения Н. И. Ашмарина на возникновение отдельных элементов религиозной системы чуваш является правильной, ибо он рассматривает вопрос о происхождении религии не изолированно, а в связи с историей чувашского народа и в этом его заслуга перед наукой.

Значительный языковой материал для разрешения историко-этнографических вопросов имеется в неопубликованных статьях Н. И. Ашмарина. Например, в одной из своих незаконченных статей он указывает, что названия некоторых предметов торгового обихода чуваш (пус, тараса, маскал, наркамаш, ермен пурсан, елмен пурсан и др.) свидетельствуют о торговых сношениях с восточными народами, в частности персами, армянами, о чем мы узнаем и из других источников².

Многие собственные имена, указывает далее Н. И. Ашмарин, которые стали в настоящее время нарицательными, содержат в себе воспоминания о различных примечательных личностях, те или другие свойства которых применяются в качестве мерила сравнения при оценке поведения или положения других напоминающих их лиц, послужили к увековечению их памяти в народном языке. К таким он относил слово шеремет (несчастный бедняга), очень употребительное у чуваш Козмодемьянского, Ядринского и Курмышского уездов, апарша, или апаршиши, встречающиеся с тем же значением у чуваш других местностей и многие другие, источник которых иногда мог совсем затеряться за отсутствием исторического предания³.

Таков, в общих чертах, краткий обзор вопросов устного народного творчества и этнографии чувашского народа в произведениях и высказываниях Н. И. Ашмарина. Вышеизложенный обзор и приведенные в нем материалы лишь в самой незначительной мере

¹ Н. И. Ашмарин. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш, стр. 109—112.

² Р. ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи, л. 27.

³ Там же, л. 28.

отражают изучаемый вопрос и ограничиваются небольшими итоговыми замечаниями.

Н. И. Ашмарин оставил неизгладимый след в истории этнографического изучения чувашского народа. Фольклористические и этнографические работы Н. И. Ашмарина являются важной составной частью его научных трудов. Почти все произведения Н. И. Ашмарина, начиная с его первой опубликованной статьи («Очерк народной поэзии у чуваш», 1892) и кончая последними произведениями, не отделимы от народного творчества и этнографии чуваш. Во всех творениях ученого проявлен глубокий и разносторонний интерес к народному искусству и быту чуваш. Взгляду Н. И. Ашмарина на устное народное творчество чувашского народа на всех этапах его развития присуще понимание фольклора как подлинно народного творчества, как поэтического искусства трудовых масс, неразрывно связанного с самой действительностью. В соответствии с этим пониманием природы народного творчества Н. И. Ашмариным разрабатывались и вопросы, относящиеся к различным проблемам фольклора чувашского народа.

Понятно, что в наше время при оценке работ Н. И. Ашмарина с позиций марксизма-ленинизма ясно обнаруживаются их недостатки.

К одним из недостатков работ и высказываний Н. И. Ашмарина относится то, что в них отражается лишь проблемы устного народного творчества и этнографии чувашского народа дореволюционной эпохи. Но ставить это в упрек Н. И. Ашмарину совершенно нельзя. Член-кор. Академии Наук СССР С. Е. Малов в статье, посвященной памяти Н. И. Ашмарина,¹ отметил, что Н. И. Ашмарин свою главную и основную работу проделал до Октябрьской социалистической революции, а в силу физических условий он не мог заниматься вопросами устного народного творчества и этнографии чуваш в последние годы своей жизни.

В. И. Ленин указывал, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»².

Заслуги Н. И. Ашмарина в области изучения устного народного творчества и этнографии чувашского народа заключаются в том, что им накоплен большой материал, поставлен ряд проблем, сделаны попытки разрешения этих проблем. Отдельные положения Н. И. Ашмарина по вопросам народного творчества и

¹ С. Е. Малов. Памяти Н. И. Ашмарина, «Записки» ЧНИИ, вып. I, Чебоксары, 1941, стр. 138.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 166.

этнографии сохраняют свое значение и в настоящее время. Наследие Н. И. Ашмарина помогает раскрыть многие проблемы фольклористики и этнографии, в том числе проблемы новаторства и традиции в народном поэтическом творчестве, специфики языка народной поэзии, соотношения формы и содержания в фольклоре и многие другие.

Задача советских этнографов и фольклористов — тщательно изучить научное наследство Н. И. Ашмарина и умело использовать собранный им материал для научных выводов.

Г. Н. ВОЛКОВ,
кандидат педагогических наук

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ПОГОВОРКАХ И ПОСЛОВИЦАХ

Воспитание детей во все исторические эпохи составляло предмет серьезнейшего внимания общества.

Воспитание возникло в глубокой древности, еще в первобытно-общинном строе. Марксистско-ленинская история педагогики считает, что воспитание возникло в процессе трудовой деятельности людей и обусловлено развивающимися общественными отношениями. Следовательно, воспитание нельзя представлять себе только как школьное воспитание. «Школьное воспитание далеко не составляет всего воспитания народа»¹.

Великий русский педагог К. Д. Ушинский писал: «...только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития»². До возникновения письменности педагогические идеи передавались из поколения в поколение в произведениях устного народного творчества. Сказки, поговорки, пословицы, предания и песни являются замечательными памятниками народной педагогики. В них содержатся оригинальнейшие педагогические мысли.

К. Д. Ушинский сказки русского народа назвал первыми и блестящими попытками русской народной педагогики. По мнению К. Д. Ушинского, никто не в состоянии состязаться с педагогическим гением народа.

Н. К. Крупская в своих выступлениях, статьях и книгах нередко приводит поговорки и пословицы, раскрывает их педагогическое содержание³.

Подлинным творцом педагогики является народ. Народная

¹ К. Д. Ушинский.—Избранные пед. сочинения, т. 1, стр. 121.

² Там же, стр. 132.

³ Н. К. Крупская. О воспитании и обучении, 1946, стр. 222.

педагогика—самая прогрессивная педагогика, она отражает интересы народа, служит интересам народа. Нет реакционной народной педагогики, есть только реакционные педагоги. Однако, это не следует понимать так, как будто бы народная педагогика носит надисторический и надклассовый характер. Имеются в ней, конечно, отсталые, устарелые и неверные положения. Характерной чертой всех реакционных педагогических теорий является антинародность.

В сочинениях буржуазных историков педагогики, как правило, отсутствует творец педагогики—народ. Следует отметить, такая антинаучная точка зрения на развитие педагогики до сих пор не преодолена еще до конца и нашими педагогами. Особенно сильно это чувствуется в работах по истории домарксовской педагогики. До сих пор пор в них главное место занимает воспитание детей господствующих классов: афинское и спартанское воспитание, римское воспитание (грамматические школы и школы риторов), воспитание светских феодалов, иезуитское воспитание и т. д. О воспитании детей рабов и крепостных крестьян, составлявших большинство в рабовладельческом и феодальном обществе, по существу, ничего не говорится. Рабы не принимались ни в какие школы, в России крепостных крестьян не принимали даже в цифирные училища. Но нельзя на основе этого делать вывод о том, что рабы и крепостные крестьяне не получали никакого воспитания. Искусственный отрыв воспитания трудящихся от их борьбы за свое освобождение, отрыв от участия народных масс в исторических движениях вообще имеет место почти во всех работах, освещающих историю воспитания и просвещения до возникновения марксизма. Причина этого в том, что, во-первых, отдельные вопросы истории педагогики изучаются нередко по сочинениям представителей официальной педагогики, отражающих интересы господствующих классов, во-вторых, до сих пор изучаются крайне недостаточно памятники «неофициальной», *народной педагогики*.

Много ценных и интересных мыслей можно найти в устном педагогическом творчестве народа. В памятниках народной педагогики говорится об уважении к родителям, о чутком и вежливом отношении к старым и старшим, о верности и справедливости, о любви к труду и презрении к бездельникам и лентяям, о ненависти к угнетателям, о бесстрашии перед врагами и перед грозными силами природы, о любознательности и т. п. В памятниках народной педагогики, созданных сотни, быть может, и тысячи лет назад, имеются уже определенные принципы, способы и приемы воспитания, даже педагогические законы, сформулированные, правда, очень элементарно, просто.

В произведениях устного народного творчества нашли отражение многие отрасли педагогики. Например, колыбельные песни содержат зачатки педагогики «дошкольной» (конечно, весьма условно).

Народ является подлинным создателем педагогики. Поэтому можно смело говорить о педагогических воззрениях не только отдельных деятелей, но и целого народа. Данную статью мы посвящаем изложению педагогических воззрений чувашского народа. Не имея возможности подробно останавливаться на всех памятниках народной педагогики и считая это задачей специальных исследований, мы ограничиваемся разбором педагогических мыслей, содержащихся в поговорках и пословицах чувашского народа¹.

Педагогические воззрения чувашского народа, отразившиеся в поговорках и пословицах, являются прямой противоположностью тем, которые признавались и проповедывались официальной, монархической педагогией. И, наоборот, они находятся в полном соответствии с педагогическими воззрениями великих русских педагогов-демократов. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что педагогические идеи русских педагогов-демократов отражали не только интересы русского народа, но и других народов России.

Педагогическая теория выдающегося чувашского педагога И. Я. Яковлева своими корнями глубоко уходит в передовую русскую педагогическую мысль и чувашскую народную педагогику. Один из замечательных учеников и последователей К. Д. Ушинского И. Я. Яковлев высоко ценил народную педагогическую мудрость. В «Букваре для чуваш» (изд. 1888 г.), являющемся весьма оригинальным творением И. Я. Яковлева, приводится свыше 400 чувашских пословиц и поговорок. Эти поговорки и пословицы расположены в строгом соответствии с внутренней логикой «Букваря», притом настолько удачно, что они в значительной мере повышают воспитательную ценность букварных статей и рассказов. Пословицы подобраны так умело, что они звучат как умные советы, поучения старых, опытных и авторитетных людей детям, только начинающим жить. Самое название говорит о характере содержания этих пословиц².

Представляет несомненный интерес группа поговорок и пос-

¹ В работе над данной статьей мы, главным образом, пользовались фондом рукописных материалов Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, в частности, сборником «Чувашские пословицы и поговорки на чувашском, русском и французском языках», составленным проф. Н. В. Никольским. Перевод некоторых пословиц с чувашского на русский язык мы сочли нужным пересмотреть с целью уточнения их содержания.

Пословицы, которыми мы пользовались, записаны во второй половине XIX и в начале XX века (до великой Октябрьской социалистической революции).

² Русским терминам «поговорки, пословицы» в чувашском языке соответствует выражение «ваттисен самахёсем», точный смысл которого — «изречения умудренных жизненным опытом пожилых людей».

ловиц, в которых говорится об отношении чувашского народа к учению, книге, уму и др.

В ряде пословиц буквально воздается хвала уму, ученым людям¹ (если судить по чувашским пословицам, ученые люди как правило, мудрые).

«Вёреннэ сын ҫаватать, вёренменни ун хыҫҫан утать»— Ученый идет, неуч за ним бредет», «Вёреннэ сынпа виҫе вёренмен сынна улаштармаҫҫе»—«Ученого не меняют на трех неученых»— говорится в пословицах.

О качествах человека народ судит прежде всего по его уму: «Кайак хитре—тёкёпе, этем ыра—асёпе»—«Птицы красивы оперением, а человек хорош умом». «Асне пах та, пёвне пах»—«Сперва ум испытай, потом на стан посмотри», «Укҫапа пуйиччен пуҫпа пуй»—«Будь богат не деньгами, а умом», Капар пулас тесе ан шухашла, асла пулас тесе шухашла»—«Не заботься о том, чтобы быть нарядным, а думай о том, чтобы быть умным», «Сана сётел ҫине хумаҫҫе»—«Лицо на стол не кладут» (прежде всего ум нужен, а не красота). «Лайаха санран пёлмеҫҫе, асран пёлеҫҫе»—«Хорошего человека узнают не по лицу, а по уму».

Любовь и уважение к уму отражается в таких чувашских поговорках и пословицах: «Асла сын пурне те юрахла»—«Умный человек приятен всем», «Асла сынпа пёрле пул, умаххран тар, теҫҫе»—«С умным будь вместе, а от дурака беги прочь», «Асла сынпа ҫүресен, асла пулан»—«С умным водясь, умным станешь». При этом народ определяет и критерий ума—умного человека узнают не по разговорам, а прежде всего по делу: «Асла сыннан самах ҫук, умах сыннан самах пётмест»—Умный человек немногословен, у глупого же—слово не переводится.

По твердому народному убеждению, чтобы заслужить любовь и уважение народа, необходимо быть умным: «Этем ывал-хёрё ыра асёпе хисеплө пулатъ»—«Приносит славу людям ум», «Ялан аспа ҫүресен, ялти вата ятламан»—«Всегда поступай с умом, старики не будут ругать». Ум приобретается учением. Учение—трудное дело. «Шухашпа пуякан час ваталать»—«Быстро старится тот, кто богатеет в мыслях». Учиться следует только у тех, которые хорошо знают свое дело: «Хай пёлмен сынна вёрентерсен, ху та ним те вёренеймён»—«Если будешь учиться у человека, который сам ничего не знает, не научишься ничему», «Ху вёренсе ҫитмесёр, сынна вёрентме ан тытан, теҫҫе»—«Если сам не доучился, не берись учить других». Имеется много пословиц аналогичного содержания.

В процессе учения развиваются умственные способности человека. Ум—одно из серьезнейших орудий познания окружающей действительности: «Куҫ катарине курать, ган тата аякрине пёллет»—«И глаз видит далеко, но ум видит гораздо дальше». Ум имеет неограниченные возможности, потому что учение, понимае-

¹ «Ученые люди» здесь «образованные, грамотные люди»,

мое чувашским народом как процесс обогащения ума знаниями и умениями, нельзя ничем ограничить: «Ёмёр пуран, ёмёр вёрен, шапах вёренсе вёсне тухайман»—«Век живи, век учись, все-таки всего не постигнешь» (другой вариант: «...всю премудрость не постичь»). В ряде пословиц и поговорок дается обоснование того, почему же нет конца учению. В одной из таких поговорок сказано: «Пёлнинчен пёлменни нумай, теççё»—«Неизвестного больше, чем известного».

Этим, повидимому, частично объясняется трудность обучения. Но трудность обучения усугубляется еще тем, что не все люди одинаково стремятся к знаниям. «Пёлмен сынна вёрентме вилнё сынна чётнинчен те хён»—«Учить невежду труднее, чем лечить мертвого». В другом варианте говорится: «Пёлмен сынна вёренниччен вилнё сынна чётён»—«Скорее воскресить мертвого, чем выучишь невежду».

Народ всегда ценил практическую пользу учения, грамотности. В пословицах указывается, что учение всегда нужно человеку, оно приносит человеку только пользу. Учение понималось народными массами широко, оно включало в себя не только изучение грамоты, но и приобретение трудовых навыков, овладение ремеслом и т. п. Учение никогда не лишне, пусть даже пока не видишь в нем конкретной пользы: «Вёреннине çёклесе сурес сук; вал сакар ыйтмасть»—«Знание—не тяжесть, которую носишь на спине; оно хлеба не просит». Но не подлежит никакому сомнению, что знания, грамотность необходимы человеку, что «знание—сила»: «Кто держит в руках перо, тот поруган не бывает» (сумеет сам за себя постоять, не даст себя в обиду)¹. В этой пословице—и призыв к свету, и вековая обида дореволюционного чувашского народа на отсутствующие грамотности, на недоступность культуры. «Были бы мы грамотны, мы не дали бы себя в обиду волостному писарю, старосте, хозяину, они бы нас так не обманывали»—вот что хотели сказать старики, обращаясь к молодежи и призывая ее к свету, к знаниям.

Трудовые массы, умудренные многолетним жизненным опытом, знали, что нет ничего дороже умения, знания, грамотности. Поэтому нельзя останавливаться ни перед какими трудностями, встречающимися на пути к знаниям. Допускалась возможность, что придется трудиться на других во имя приобретения новых знаний и умений. И перед этим нельзя останавливаться: «Ёслени сыншан пулсан та, вёренни хаваншан пулё»—«Пусть ты работаешь на других, но знания, приобретаемые в этом случае, останутся при тебе же». Эта пословица записана в 1907 году в д. Акулево Чебоксарского района. Но возникла она, конечно, гораздо раньше. Повидимому, пословица появилась еще в годы

¹ Поэтично звучат слова этой пословицы в оригинале: «Хур шамми тытан хур пулман». «Хур» в начале предложения означает «гусиное» (перо), а в конце—«обида», «несчастье».

возникновения чувашского ремесленного ученичества, когда ученик вынужден был для приобретения ремесленных навыков работать бесплатно на своего учителя—опытного ремесленника. Иногда приходилось работать на своего учителя годами, чтобы стать настоящим мастером.

Чувашский народ прекрасно знал, что учение нельзя сводить только к приобретению навыков и умений в области какого-либо ремесла. Грамотность нужна была народу, народ стремился к свету. Народ ясно понимал, что без книги не может быть просвещения, грамотности. Нет книги—нет и образования. Царское самодержавие не хотело, чтобы у чуваш была книга. Чуваши это в одной из поговорок образно выразили так: «Чаваш кёнекине синё, тет, ёне»—«Чувашскую книгу корова съела». В поговорке уже не только горькая обида народа на отсутствие просвещения, но и злая ирония над царским самодержавным строем.

Интересно решается в народной педагогике важнейшая педагогическая проблема—взаимосвязь наследственности, среды и воспитания. Следует отметить, что трудовые массы народа в решении аналогичных проблем методологического характера всегда стояли на позициях стихийного материализма.

Наследственность конечно признается: «Ашшё-амаш асла пулсан, ачи-пачи асла пулать»—«Умны родители, умны и дети», «Ашшё таррах ывалёсем»—«По отцу и сыновья», «Амашё епле, хёрё те ҫапла»—«Какова мать, такова и дочь». Однако, народная педагогика не признает того идеалистического положения, что все в ребенке якобы заранее предопределено наследственностью. В народной педагогике молчаливо предполагается, что ребенок от своих родителей получает определенные задатки. Но эти задатки не играют решающей роли в формировании личности. Самое главное в формировании личности—воспитание, притом влияние окружающей среды народной педагогией рассматривается как весьма сильный воспитательный фактор.

В утверждениях народной педагогики: «Ывалё ашшё пек, хёрё амаш пек»—«Сын подобен отцу, а дочь—матери», «Ыра анаран—ыр кёлте, ыра килтен—ыра ача»—«С хорошей полосы—хорошие снопы, из хорошего дома—хорошее дитя», «Ырран ачи ыра, усалан ачи усал»,—«У доброго дети добрые, у злого дети злые» нет ничего идеалистического. Здесь прежде всего имеется в виду воспитательное влияние родителей на своих детей. Пример и авторитет родителей—основа семейного воспитания. Моральные качества не передаются по наследству, они приобретаются детьми в процессе воспитания. Моральный облик родителей часто для детей является образцом. Поэтому «Ашшё-амаш кукар пулсан, ывалне те шанмалла мар»—«Если родители жили кривдой, нельзя полагаться и на сына».

Приведенные выше три утверждения обосновываются в ряде других пословиц. Почему же сын подобен отцу, похож на отца? На этот вопрос дается ответ: «Ашшё мён тунә, ывалё те ҫавна

тума тарашать»—«Что делает отец, тоже старается делать и сын», «Ашшэпе ывалё пёр урапапах чупащэ»—«Отец и сын катаются на одной телеге». (Смысл пословицы: отец и сын по своим личным качествам похожи друг на друга, они—единомышленники).

Дети должны уметь отличать хорошее от дурного в своих родителях, не все моральные черты родителей можно перенимать детям: «Усал ашшэ-амаш хыссан кайсан, ачисене хурлах»—«Дети станут несчастными, если последуют за дурными родителями». Эта пословица свидетельствует о том, что в народной педагогике отрицается передача моральных качеств по наследству. Моральные качества родителей передаются детям не по наследству, а приобретаются последними в процессе совместной жизни, в результате воспитательного воздействия родителей. Поэтому для детей чрезвычайно важно то воспитание, которое их родители получили, и те знания, которые родителями накоплены за их долгую жизнь, ибо все это будет передано родителями своим детям. Воспитание детей—сложное дело. Для умелой постановки семейного воспитания родителям необходимо узнать многое и многое научиться: «Пёлмен ашшёнчен ыйтсассан, ывалё те нимён те пёлеймест, тещэ»— «Если сын спросит невежественного отца, то он ничего не узнает». Как же быть с «невежественными отцами»? Выход один: «Ачи-пачине вёрентейменнине хайне вёрентес пулать»—«Кто не умеет воспитывать своих детей, того надо самого воспитывать». Невольно вспоминаются слова Н. К. Крупской: «*Семейное воспитание для родителей есть прежде всего самовоспитание*»¹. Да, многие педагогические мысли народа сходятся даже со взглядами выдающихся представителей педагогики.

В народной педагогике влияние родителей рассматривается как один из частных случаев влияния окружающей среды. Разница здесь только в том, что ребенок со своими родителями общается чаще и находится к ним ближе, чем к другим людям.

Народная педагогика рекомендует молодежи быть подальше от дурных людей: «Ыра сынпа сыпасан—асна хушан, усалпа—пётэрён»—«Свяжешься с хорошим человеком—прибавишь ума, с дурным свяжешься—себя погубишь». Влияние среды на формирование человека огромно: «Мён сумёнче сёркеленетён, сава сан сумна сыпасаать»—«Около чего трешься, то к тебе и пристаёт», «Пылчак ашне керсен, нихсан та пылчакланмасар сук»—«Залезешь в грязь—обязательно испачкаешься».

Воспитывать детей нужно с самого раннего возраста, даже с грудного: «Амаш сечэпе кёмenni ёне сечэпе кёрес сук»—«Что вошло с молоком матери, не войдет с коровьим молоком»². Уже

¹ Цитируем по брошюре А. А. Невского. «Основы воспитания детей в советской семье», стр. 38.

² Имеется вариант: «с козьим».

грудной ребенок способен воспринимать хорошее, доброе от своей матери. Воспитание успешнее проводится в детстве: «Хула чухне авмасан, патак пулсан авайман»—«Если не согнуть, когда прут, то не согнешь, когда станет палкой»¹. Это в одинаковой мере относится и к учению: «Ѕамракла вёренеймесессён, ваталсан вёренме хён вара» — «Учиться нужно смолоду, в старости трудно научиться»,—говорится в одной из пословиц, приведенных в «Букваре» И. Я. Яковлева. Пёчэк пуза чармасан, мака пуза чарма хён, тенё»—«Не заставил слушаться маленьким, едва ли заставишь слушаться взрослым»—говорится в одной из пословиц в том смысле, что если ребенка в детстве не воспитали, то трудно будет перевоспитать его, когда он станет взрослым.

О результатах воспитания можно судить уже в детстве. Именно поэтому чувашская народная педагогика утверждает: «Пулас сын самракрапах палла»—«Каков будет человек заметно с малолетства», «Вара пуласси ачаранах палла»—«Уже в детстве видно, кто будет вором». Следовательно, и честность вместе с другими моральными качествами нужно воспитывать с детства. В других пословицах эта мысль подчеркивается еще сильнее: «Лаша пуласси тихаран палла, сын пуласси ачаран палла»—«Какова будет лошадь, видно по жеребенку; каков будет человек, видно по ребенку», «Ыра ут пуласси тихаран палла, ыра сын пуласси ачаран палла»—«Хорошую лошадь видно с жеребенка, хорошего человека—с детства». Таким образом, детство—лучшее время для воспитательных воздействий на человека. В приведенных сравнениях человека с растениями (прут)², с животными (лошадь) и т. п. ярко выступает принцип природосообразности, известный в народной педагогике, по всей вероятности, еще задолго до Аристотеля и Я. Коменского. Принцип природосообразности ими был взят из народной педагогики.

Принцип же природосообразности привел народ к мысли, что утро—наиболее подходящее время для учения: «Каҫхи асран ирхи ас аслахах»—«Утренний ум сильнее³ вечернего» (Русская параллель: «Утро вечера мудренее»). Всякое серьезное дело нужно делать с утра: «Каҫхи ёҫ ир кулли, теҫҫё»,—«Вечерняя работа—смех для утра». Так как в народной педагогике учение рассматривается как весьма серьезное дело, то это указание прежде всего относится к учению.

В народной педагогике справедливо рекомендуется воспитывать детей на положительных примерах. При этом указывается, что ребенок быстрее перенимает дурное, нежели хорошее. Дурное влияние оставляет глубокий след на личности, дурные привычки

¹ Дается дословный перевод.

² Прут—тонкая отломанная ветка, чаще всего—отломанный побег.

³ Дословно: «умнее».

весьма живучи: «Шамā кашлама вёреннē ыйтā, нипле те кашлама парайхмать»—«Собака, привыкшая глотать кость, никогда от этого не отвыкнет». И поэтому желательно, чтобы ребенок был всегда подальше от всего дурного. «Лайаххи выртать, усалли чупать»—«Хорошее лежит, дурное бежит», «Усалли силпе вёсет, ыри суран сурет»—«Дурное летит по ветру, доброе ходит пешком». Следовательно, ребенок или сам должен идти к хорошему или воспитатель должен вести его туда. Когда ребенок находится в хорошем окружении, то это предохраняет его от дурного влияния.

В поговорках и пословицах подчеркивается необходимость учета индивидуальных особенностей детей. Нет абсолютно одинаковых людей: «Алара пурне пёр мар, саван пек сын асёсем те, теçсё»—«Не одинаковы пальцы на руках, так же и люди по умственным качествам». Это положение народной педагогики невольно напоминает слова великого русского педагога К. Д. Ушинского: «Как нет двух листьев на дереве, совершенно сходных между собой, так нет двух людей, природные темпераменты которых были бы совершенно сходны»¹. Еще раз хочется подчеркнуть, что основные положения народной педагогики, как правило, сходятся со взглядами выдающихся педагогов-демократов.

Только индивидуальный подход к детям обеспечивает успех в воспитании, поэтому всю воспитательную работу нужно строить с учетом индивидуальных особенностей детей: «Ачи май сапки»—«По ребенку зыбка», «Калапне кура савати, сыннине кура кёпи»—«По колодке лапти, а по человеку рубашка».

Чтобы успешно воспитывать, нужно обстоятельно изучить ребенка. Изучение детей—серьезное дело. Об этом в одной из пословиц сказано весьма образно: «Сын ашне таварса кёрёк санни мар»—«Человек—не рукав шубы: выворотить и рассмотреть его невозможно» или «Сыннан ашне кёме сук»—«Во внутрь (в душу) человека не влезешь».

Интересны меры воспитательного воздействия на детей, предлагаемые народной педагогией. Основным методом воспитания является убеждение. Важнейшим средством убеждения детей является беседа с ними. В беседах, в частности, указывается: «Лайах вёренекен ачана пуанма та аван пулё, теçсё»—«Мальчик, который учится хорошо и жить будет хорошо». В беседах детям разъясняется истинный смысл хороших поступков и отрицательные последствия многих проступков.

«Ура тёпелте салтакан ыр сын пулман»—«Кто разувается в переднем углу, тот—нехороший человек»,—говорится в одной пословице, записанной в начале этого века. До Великой Октябрьской социалистической революции у большинства чуваш

¹ К. Д. Ушинский. Избранные педагогические сочинения. т. 1. 1953, стр. 123.

были однокомнатные избышки. Семьи, как правило, были большие. Нужно было приучать детей уважать труд матери и сестер, убравших комнату. Именно эту цель и преследовала приведенная выше пословица.

Крайне бедно жили трудящиеся чуваши. В иные годы даже хлеб был редкостью. Пекли хлеб, может быть, в месяц раз, и только для детей. Хлеб покрывался плесенью. Но выбрасывать его было нельзя. И вот детям говорят: «Кавакарна ҫакар ҫиекен пуять, тет»—«Ешь черствый хлеб, богатым будешь» или «Кавакарна ҫакар ҫи — укҫа тупан»—«Ешь заплесневелый хлеб, деньги найдёшь». Это на детей, в самом деле, действовало. Быть богатым — для них это постоянно иметь хлеб, притом заплесневелый. Из числа пословиц, относящихся к мерам педагогического воздействия, можно привести еще одну, которая также свидетельствует о тяжелом экономическом положении чувашского народа в прошлом. «Ҫынсем патёиче апат ҫисен амашё вилет, тет»—«Кто обедает у чужих, у того мать умрет»,— говорят детям, которые часто бывают у соседей и иногда у них обедают. Это было весьма нежелательно, ибо у всех каждый кусок был на учете. Поэтому родители не разрешали детям питаться у посторонних, даже пугали их, чтобы отучить от этого.

Много можно привести аналогичных пословиц, свидетельствующих о характере бесед с детьми и степени их воспитательного влияния. Имеются пословицы, в которых не разбираются последствия того или иного проступка, а просто в них осуждается ребенок, совершивший данный проступок. Например: «Сёт шӑлӑ таӓанман, чӑлӑм туртма вӑреннӑ» — «Еще не выпали молочные зубы, а уже выучился курить». И сейчас еще чуваши, поучая детей, разговаривают с ними пословицами и поговорками.

Следует отметить, что применение телесных наказаний в народной педагогике вообще не рекомендуется. Прежде всего, нужно убеждать, уверять детей добрым, ласковым словом: «Патакпа ҫапнинчен йӑркелӑ самах ыраттарарах парать»—«Дельное слово бьет сильнее палки». Родителям, имеющим привычку бить детей, говорят: «Ачана ҫапиччен юпана кайса ҫап»— «Чем бить ребенка, лучше ударь по столбу».

Однако, нельзя не отметить того обстоятельства, что в некоторых пословицах предлагается применение телесных наказаний за особо тяжелые проступки. В одной пословице сказано даже так: «Ача-пача ўстерес-тӑк, чӑмӑри хатӑрле» — «Если хочешь растить детей, готовь кулак». В другой пословице говорится: «Патак такама та тем тума та вӑрентӑ»—«Палка научит кого угодно чему угодно». В этом вопросе в народной педагогике нет строгой последовательности. «Пӑчӑк ача-пачана ашӑ-амӑш хӑнени ачашланӑ пек анчах туйӑнать»—«Побой родителей малым детям кажутся только лаской»,—говорится в пословице. В этой пословице, повидому, имеются в виду такие шлепки, о которых

А. С. Макаренко писал, что они, по существу, являются не телесным наказанием, а просто проявлением характера, темперамента матери. Это тем более вероятно, что в пословице говорится о малолетних детях.

Одно ясно: родители не должны бить без разбора, из-за пустяков. «Ҫапсан—ытлашши пулӗ, ҫапмасан—хама пулӗ»—«Ударить — излишне, не ударить — самому достанется»,— гласит пословица. В приведенной пословице хотя и говорится о телесном наказании, но не проповедуется его применение.

Таким образом, народная педагогика и в вопросе применения физических наказаний, несмотря даже на некоторую непоследовательность, несравненно прогрессивнее официальной педагогики прошлого.

Семейное воспитание у чуваш до Великой Октябрьской социалистической революции было основным, чуть ли не единственным воспитанием. Лишь очень незначительная часть детей обучалась в школе. Поэтому понятно то внимание, какое уделяется в поговорках и пословицах вопросам семейного воспитания и влияния семейных отношений на формирование ребенка.

Прежде всего подчеркивается, что воспитание детей—чрезвычайно трудное дело: «Ача-пача ҫитӗнтернӗ чух пӗр алара—вут, тепӗр алара—шыв»—«Пока воспитываешь детей, в одной руке—огонь, в другой—вода», «Ача-пача устересси вутра ҫунна пек»—«Растить детей—что гореть в огне».

«Ача пахакан выҫса вилмен, йыта пахакан выҫса вилнӗ, теҫе»—«Кто водится с ребенком, с голоду не умрет; кто ходит за собакой, умрет с голоду». Из этой пословицы ясно, что воспитание детей— в интересах самих же родителей. Дети—опора родителей: «Ача-пача ҫук—куҫ ҫук»—«Нет детей—нет глаз», или другой вариант: «Йыш ҫук—куҫ ҫук»—«Нет семьи—нет глаз». Хорошо, когда в семье детей много: «Пӗр ача пуличчен, пӗрре те ан пултӑр»—«Лучше не иметь ни одного ребенка, чем иметь только одного».

Воспитание детей—дело трудное: «Ҫуратма такам та ҫуратӗ, пахса устерекен аттепе анне ҫеҫ»—«Родить всякий может, но вырастят только отец с матерью»,—говорит народная педагогика. Настоящие родители—это те, которые повседневно занимаются воспитанием своих детей. Родители должны заботиться больше всего не о передаче богатства своим детям, а о том, чтобы сделать их умными, добропорядочными: «Ача-пачана ашшӗ-амашӗ мул париччен ас патӑр»—«Детям родители должны передавать прежде всего ум, а не богатство». Богатство—не главное в жизни. Ум, здоровье—вот что нужно человеку в первую очередь: «Пуян пуян мар, сывлӑх пуянлӑх»—«Богатство не есть богатство, здоровье—богатство»,—говорят чувашаи.

Правильное отношение родителей к детям имеет большое значение в воспитании. Детей нужно заботливо, внимательно воспи-

тывать: «Ашшĕ-амаш юратна ача лайах сын пулна, юратманни—эсрелĕ»—«Любимое родителями дитя станет хорошим человеком, а нелюбимое—дурным». Но любить не значит баловать: «Ача хыссан кайса, сĕтел айне кĕрсе вилнĕ, тет»—«Если будешь потакать всем капризам детей, то придется забраться под стол и умереть». Всегда нужно помнить: «Ачаш ача ашшĕне йыварлах»—«Избалованное дитя отцу в тягость». Даже больше: «Ачаш ача ашшĕ пусне сұхатать»—«Избалованное дитя может погубить родного отца». Хвалить детей беспрепятственно нельзя, так можно их избаловать, а это к хорошему не приводит: «Ачине мухтасан, ачи ыр курмасть»—«Если хвалить дитя, оно не увидит добра».

Педагогические афоризмы чувашского народа о родительском авторитете также полны глубокого смысла и значения: «Ача-пачан пĕр шухаш, ваттан сĕр шухаш»—«У детей одна дума, у старших сто дум», «Ашшĕ-амашне йĕртекен пархатар курман»—«Кто доводит родителей до слез, и сам счастья не увидит», «Ашшĕ-амаш самахне итлемен ача-пача хайĕн пусне сұхатать»—«Дети, которые не слушаются родителей, погубят сами себя», «Асупа-аннуне хисепле, хавнах ыра пулĕ»—«Почитай родителей, тебе же будет хорошо»,—учит пословица. Детям нужно помнить: «Хĕвел панче аша, анне панче ыра»—«Около солнца тепло, около матери хорошо». (Около матери, как у солнца!).

Велико значение взаимоотношений в семье для правильного воспитания детей. Нужно, чтобы все члены семьи жили в добром согласии: «Кил-йышпе пĕрле пулсан, ашчик лапка пулатъ»—«Если в семье согласие, то и на душе спокойно», «Кил-йышри пĕр пек пураннине ним те ситмест»—«Нет ничего лучше, как единодушие семьи». Только в семье, отличающейся единодушием, может быть обеспечено единство педагогических воздействий.

Весьма отрицательно отражается на воспитании детей плохие взаимоотношения с родителями: «Упашкипе араме тунтерле пурансан, пурнас малалла каймасть»—«Если муж и жена живут плохо, то жизнь не пойдет вперед». Муж—отец должен с уважением относиться к жене—матери своих детей. От его отношения к жене будет зависеть отношение к ней и со стороны детей, и со стороны других людей.

Вопросам семейного воспитания в народной педагогике уделяется большое внимание. Этими вопросами народ занимается тысячелетиями, т. е. со времени возникновения семьи. Таким образом, зачатки семейной педагогики заложены еще в глубокой древности.

Представляют несомненный интерес пословицы, определяющие поведение молодого человека. Эти пословицы носят характер правил поведения молодежи. Правила поведения даются в виде назидательных советов, наставлений умудренных житейским опытом старцев молодым людям. Пословицы аналогичного содержания высоко ценились выдающимся чувашским педагогом

И. Я. Яковлевым. В его «Букваре» именно такие пословицы и составляют большинство¹.

Приведем ряд пословиц и поговорок, определяющих поведение молодежи в обществе. Нам представляется целесообразным разбить их по смыслу на несколько групп.

а) Вежливость: «Ватта курсан, җёлёке ил»—«Увидишь старого, сними шапку», «Ват җынна хирёҗ ан кала»—«Не перечь старому человеку», «Хавантан пысаккине ан тэкён»—«Не тронь того, кто старше тебя», «Ватисем калашна чох пошна чиксе итлесе лар, эпё пелетёп тесе малтан кашкарса ан тар»—«Когда разговаривают старцы, слушай опустивши голову, не перебивай, говоря: «я знаю», «Ухсах-суккартан ан кул: ёмёр тем курмалла пул»—«Не смейся над слепым и хромым: неизвестно, что придется пережить самому» (молодежь предупреждают: в жизни эта доля, может быть и тебя постигнет).

Надо дорожить мнением старых людей, они хорошо знают окружающее, у них имеется большой опыт, широкий кругозор: «Утмал җухрам кайса килсен, утмал җулхи җынпа калаш»—«Съездил за шестьдесят верст, поговори с человеком шестидесяти лет». От этой беседы молодой человек получит несомненную пользу, но, кроме этого, в данной беседе проявляется и вежливость молодого человека. Людям нельзя говорить грубости, ибо: «Калакан манна, илтекен манман»—«Кто сказал—забыл, но кто слышал—не забудет». Говорить всегда надо обдуманно: «Лаша вёсерёнсен тытмалла, самах вёсерёнсен тытмалла мар»—«Лошадь вырвалась—можно поймать; вырвалось слово—нельзя поймать», «Җакара чамласа җи, самаха шухашласа калаш»—«Хлеб ешь, прожывая; слово молви, обдумывая». Все надо делать обдуманно: «Шухашламасар туна ёҗшён кайран ан үкён»—«Не раскаивайся в безрассудном поступке посла времени». Спешка часто портит дело, поэтому не надо спешить: «Пиҗиччен кётнике сивёниччен те кёт»—«Ждал, пока варилось; подожди, пока остынет». Имеются и другие пословицы, требующие от молодежи вежливости: «Кирлё мар җёре самсуна ан чик»—«Не суй носа, куда тебе не следует». Ничего нельзя брать без разрешения: «Бйтмасар илни варланипе пёр»—«Взять без спроса—то же, что украсть».

б) Аккуратность. Народная педагогика требует от молодежи аккуратности: «Ирпе варансан, выран җинче ан йатанса вырт»—«Утром, проснувшись, не валяйся в постели» («Вставай немедленно по пробуждении»), «Ирпе иртерех тар, кашпа каш вырт»—«Утром вставай пораньше, а вечером ложись скорее»,

¹ Не лишне отметить, что в оригинальнейшем памятнике русской педагогики «Поучение Владимира Мономаха детям» значительную часть советов составляют несколько видоизмененные пословицы и поговорки. Следовательно, русская народная педагогика и в данном случае послужила тем источником, пользуясь которым Владимир Мономах написал свое педагогическое сочинение.

«Ир тар та питне су: питне су та сакар тыт»—«Вставши поутру умойся, лишь потом берись за хлеб», «Тухсан та, керсен те алака хупса суре»—«И при выходе, и при входе затворяй за собой дверь».

в) Правдивость и честность: «Туре ёс хёвелтен те сутя»—«Правое дело светлее солнца», «Лайах ят мултан та паха»—«Доброе имя дороже богатства»,—говорится в пословицах. Но чтобы иметь доброе имя, нужно быть правдивым: «Яланах чан пупле, сана пур сёрте те сул усалса пырё»—«Всегда говори правду и тебе дорога будет открыта всюду», «Чан вилёмрен хатарать, теңсё» — «Правда спасает от смерти», «Мён каланине суя ан ту, теңсё»—«Дал слово — сдержи», «Куç умёнче йапал-йапал, кут хысёнче макар-макар»—«В глаза—лесть без конца, а за глаза порицаниям нет конца».

Честный человек, как правило, лостью не занимается, поэтому: «Ятлакан патне кай, илёртекен патне ан кай»—«Иди к тому, кто грубо поучает, но не к тому, кто льстит». Молодежи дается совет: «Куç умёнче ан мухта, кут хысёнче ан хурла»—«В глаза не хвали, за глаза не поноси», «Элек парса сүриччен, ыр туса суре»—«Лучше делай доброе, чем ябедничать».

Жить нужно правдой, ложь никогда ни к чему хорошему не приведет: «Пёре улталан, иккё улталан, виçсёмёшёнче ларса йёрён» — «Обманешь раз, обманешь два, а в третий раз заплачешь», «Суяпа инсе каяймән»—«С ложью далеко не уйдешь», «Суяпа малалла кайсан та, каялла килеймён»—«Кривдой вперед пройдешь, а назад не вернешься», «Сынна улталап тесе ан шулла, хуна улталани анчах пулать»,—«Не думай, что обманываешь других, это самообман» (т. е. этим только себя обманываешь),—гласят пословицы.

Очень важно быть честным в труде: «Ёсне пёл, түррине ан маң, теңсё»—«Дело знай, а правды не забывай», «Ёслекен сын патёнчен уйралса ёссёр сын патне кай»—«Не мешай занятому человеку, лучше иди к незанятому», «Ёсне тумасар ан мухтан»—«Не хвались, пока не выполнена работа».

г) Скромность необходима каждому человеку: «Хавна ан мухта—сана сынсем мухтачёр»—«Сам себя не хвали, пусть тебя люди похвалят», «Алак патёнче выран пур чухне тёпеле кайса лармассё»—«Когда есть место у дверей, не садятся на передние скамьи» и т. д.

Бахвальство никогда не являлось признаком ума: «Пушя пучах пуринчен те сүлө»—«Пустой колос выше всех» (Пустой человек воображает себя выше других), «Мухтанчак пуфра суккипе палла»—«Хвастун заметен по отсутствию в голове ума». Хвастун—нечестный человек. «Мухтанчак сын ёсне хурлать, хай мухтава тухасшан анчах»—«Хвастун порицает чужую работу: ему, только самому бы прославиться». Гордец, нескромный человек может быть впоследствии наказан: «Малтан хайне асла хуракан,

кайран кёҕён пулё»—«Кто сначала себя ставит высоко, потом будет унижен».

Скромные люди немногословны: «Нумай калаҕнин усси ҕук, теҕ-ҕё»—«Нет пользы в многословии», «Нумай калаҕса ҕу тухмасть, теҕҕё»—«Многословием масла не выжмешь», «Хавантан ытлашши ан самахла»—«Не говори больше, чем тебе следует». Бесплезно болтать языком по-пусту, делом нужно заниматься: «Еҕупе васка, чёлхупе мар»—«Спеши делом, а не языком». Интересен совет: «Нумай пёл, сахал калаҕ»—«Знай много, говори мало», смысл которого раскрывается так: нужно слушать знающих людей, учиться у них, но не стараться выказывать свои знания, не бахвалиться ими.

д) Выбор друзей и товарищей. Друг, товарищ должен быть честным, хорошим человеком. Поэтому молодежи дают советы: «Усал хыҕҕан ан кай» или «Усалан йёрне ан пус, теҕ-ҕё»—«Не следуй за негодяем», «Усалтан тар, ыра патне пыр»—«Беги от дурного, иди к доброму», «Ухмах ҕынпа ҕүресен, ухмах пу-лать»—«Поведешься с дураком, сам станешь дураком», «Юлташу хавантан лайахрах пултар»—«Твой товарищ должен быть лучше тебя», «Пули-пулми ҕынпа ан ҕыхлан, теҕҕё»—«Не связывайся со всяким».

«Нам без друга жизнь не в радость, как сладка она ни будь»,— писал Ш. Руставели, рифмуя мысли грузинского народа. Чувашская народная педагогика тоже советует молодежи дорожить дружбой: «Юлташ ҕук пулсан шыра, тупсан астуса усра»—«Нет друга—ищи, нашел—береги», «ҕёнё тус тупсан та, киввине ан ман»—«Если и завел нового друга, старого никогда не забывай», ибо: «Кивё тус икё ҕёнинчен лайахрах»—«Старый друг лучше двух новых».

е) Бдительность: «Таранашне пёлмесёр шыва ан кёр, тенё»—«Если не знаешь глубины, не заходи в реку». «ҕын тулашёнчен хитре пулин те, унан ҕсне пёлмесёр ан мухта»—«Не хвали человека прежде, чем не узнаешь его душевных качеств, хотя бы он был внешне и красив»—говорится в пословице. Следовательно, мало внешних данных, чтобы можно было судить о человеке. Много аналогичных пословиц, требующих от молодежи бдительности, осторожности.

ж) Умеренность: «Нумай хапсансан, сахал та ҕук»—«Пожелал многого—и малого не досталось», «Халантан килмесе-н, ан тытан»,—«Не берись за то, что тебе не по силам».

з) Требовательность к себе: «Ытисене айапличчен хавна тараххан пахса ил»—«Прежде чем судить других, проверь себя», «Эпё—ыра, ҕын усал темелли ҕук, муш хамар унтан та усал»—«Нельзя говорить: «Я добр, а другой дурной», может быть, мы сами хуже его», «ҕын машкалё ан пул, ҕынна машкал ан ту»—«Не будь пошлостью людей и сам не издевайся над другими». Интересен совет: «ҕилё кирек каман та пур, ана ви-селлё тытас пулать»—«Гнев есть у всех, нужно уметь себя сдер-

живать». Иронизируя над теми, кто быстро сердится, но ничего особенного не в состоянии сделать, говорят: «Чаххан та сilli пур та, нимён те таваймасть»—«И курица сердится, но ничего не может сделать».

Как уже указывалось, пословиц и поговорок, определяющих поведение молодых людей, большое множество. В них изложены требования ко всем сторонам жизни и деятельности молодежи.

Следует особо подчеркнуть, что пословицы и поговорки разобранной выше категории весьма популярны в чувашском народе. Назидательные советы, выработанные самим народом на протяжении веков, в большинстве своем сохраняют актуальность и ценность и до сих пор. Значение их в воспитании детей, особенно — в семейном, огромно, и это не подлежит никакому сомнению.

Поговорки и пословицы—выдающиеся памятники народной педагогики, в них—философская и педагогическая мудрость народа, накопленная тысячелетиями. Чрезвычайно важно значение пословиц и поговорок для выяснения национальных традиций чувашского народа. В пословицах и поговорках находят широкое проявление национальные традиции чувашского народа. Поэтому мы считаем необходимым остановиться на основных чертах чувашской народной педагогики. Несомненно, в основе этих черт лежат национальные традиции народа.

Прежде всего следует отметить как основную черту чувашской народной педагогики *воспитание любви и уважения к великому русскому народу и его культуре*. Эта черта народной педагогики наилучшим образом свидетельствует о традиционной дружбе чувашского и русского народов.

В чувашских поговорках и пословицах встречается выражение «вырас тухас», буквально означающее «выйти в русские». Это выражение обычно переводят одним словом «обрусеть». На наш взгляд, такой перевод исказит смысл выражения «выйти в русские». Сопоставление ряда пословиц, содержащих данное выражение, привело нас к убеждению в том, что «выйти в русские» означает не обрусеть, а учиться, получить образование. В одной из пословиц, записанных в д. Кошки-Ново-Тимбаево (родина И. Я. Яковлева), высмеивается некий Васька, который проклинал тех, кто заботился о его учебе, потому что он не желал «выйти в русские». Не подлежит никакому сомнению, что здесь речь идет с человеке, не желающем учиться. Понятно, в выражении «вырас пек» имеются в виду не только культурность и образованность, но и другие положительные качества русского человека, отмеченные И. В. Сталиным в его исторической речи о великом русском народе.

Первыми грамотными, образованными людьми в Чувашии были русские, чаще всего—приезжие. Для чуваш стать грамотным, получить образование первоначально означало быть как «эти рус-

ские», а затем—вообще быть как русские. Выражения «выйти в русские», «стать как русские» прочно вошли в чувашскую народную педагогику как основные педагогические понятия: получить образование, стать грамотным, учиться. Для большей убедительности можно добавить, что и сейчас об образованных чувашах говорят: «стал совсем как русский», но особенно часто говорят так об образованных чувашках: в сельской местности то и дело можно слышать: «Она окончила такой-то институт, ее не узнать, она совсем майрой¹ стала». Здесь уже обычно «как» опускается: «она совсем майрой стала».

Вышеизложенное с достаточной яркостью говорит о том, что образование, просвещение к чувашам пришло от русских, притом не очень давно. Именно этим объясняется тот факт, что в чувашском языке нет слова, которое в полной мере соответствовало бы слову «образование».

Имеет глубокий смысл пословица: «Вырәсла сын урахла»— «Человек, подобный русскому,— совершенно иной человек». В этой пословице имеется в виду именно чуваш, «подобный русскому», т. е. образованный. Некоторые эту пословицу переводят неверно: «Русский человек—совершенно иной человек». «Русский человек» на чувашский язык переводится «вырәс», «вырәс сынни». «Вырәсла» в пословице означает именно «как русский», «подобный русскому». Поэтому мы несколько не сомневаемся в точности нашего перевода.

Чуваши о невозможном говорят: «Скорее хмель утонет, чем произойдет то-то» или «Скорее камень всплывет на поверхность, чем случится то-то». Чувашский народный поэт Петр Хузангай, отражая мысли родного народа, пишет о нерушимости дружбы чувашского и русского народов:

„Хмель скорей в воде утонет,
И всплывет скорее камень,
Чем нарушим нашу дружбу,
Закрепленную в боях“².

В связи с разбором основной черты чувашской народной педагогики следует отметить, что влияние народной педагогики на воспитание чуваш, не имевших письменности, была несравненно сильнее влияния официальной педагогики. Официальная педагогика, или, как называл ее В. И. Ленин, «казенное народное затемнение», ставила цель одурманивания народных масс, разжигания национальной розни. Она была антинародна. Народная же педагогика, народная система воспитания ставила иную цель—воспитание борцов за народное счастье, укрепление дружбы чувашского народа с великим русским народом. Именно она вырабатывала убеждение в том, что подлинным защитником нацио-

¹ Майра — русская (женщина).

² П. Хузангай. Дружба, Чувашгосиздат, 1950, стр. 161.

нальных интересов чувашского народа является русский народ. За 400 лет, прошедших со дня присоединения Чувашии к Русскому государству, нельзя назвать ни одного значительного события в истории России, в котором не приняли бы посильного участия чувашаи. Особенно характерны в этом отношении крестьянские войны под руководством Разина и Пугачева, в которых чувашские крестьяне приняли активное участие. Это—один из источников национальной гордости чувашского народа, во всем этом, в свою очередь, проявляется сила народной педагогики.

Воспитание гуманизма. Народная педагогика учит молодежь с уважением относиться к старым людям, использовать в жизни их богатый опыт: «Ват сын—тават сын тесе ахаль каламан»—«Старый человек—четыре человека, говорят недаром», «Ват панче ват пул, самрак панче самрак пул»—«Около старого будь стар, около молодого будь молод», «Ватаран куличчен йытаран кул»—«Чем смеяться над стариком, смейся над собакой», «Ват сынтан ан кул, ху та ват пулан»—«Не смейся над старым и сам будешь старый».

Ценен совет: «Ват сынна итлес пулать, самраккине вёрентес пулать»—«Старого человека надо слушаться, молодого человека надо учить». Другая пословица дополняет эту мысль: «Ват сыннан пу сакки сарлака»—«Старый человек имеет богатый опыт жизни»¹. Следовательно, молодежь обязана учиться у старых, пожилых людей.

Народная педагогика всячески культивирует гуманизм, чуткое, заботливое отношение людей друг к другу. «Этем евёрлэ сынна сын манас сук»—«Гуманного² человека люди никогда не забудут». Гуманный человек или «сын чунлэ» («человек с подлинно человеческой душой»), как говорится в пословицах, это—прежде всего, человек, живущий общественными интересами, человек, готовый в любую минуту притти на помощь людям: «Ху камалу юлсан та, сын камалэ тупантар»—«Себя обидь, а другого уважь», «Сыншан та, хушан та макар»—«Плачь и за людей, и за себя». Гуманист чужое горе воспринимает как свое собственное: «Камалла сыншан сын чирё те чёре патне пырать»—«Добрый человек душой болеет даже за болезнь постороннего». В народной педагогике подчеркивается, что настоящими гуманистами являются люди, выдавшие нужду, т. е. *трудящиеся*: «Инкек курман сын сынна хёрхенме пёмест»—«Человек, который не видал беды, не сочувствует человеку в беде», «Высса килекене тарантарса яма каланә»—«Голодного путника велено накормить», «Шанса килекене ашатса яр, высса килекене тарантарса яр»—«Замерзшего—отогрей, голодного—накорми»—эти пословицы, безусловно, обращены не к богачам, а к бедным людям, к представителям трудящихся, ибо: «Юрлә сын юлашки чәххине пусса панә»—«Бедный

¹ Приводим перевод проф. Н. В. Никольского.

² Буквальный перевод: «человечный», «с человеческой душой».

человек заколет последнюю курицу» (бедные—открытые, они не скупятся, они ничего не пожалеют для человека, оказавшегося в беде). Поэтому в народной педагогике гуманизм означает любовь и уважение к трудящемуся человеку. Недаром в одной из пословиц говорится: «Аван ҫапна чух пёр ҫынна чёнсен, паттине ҫинё чух ураххине ан чён»—«Если звал молотить одних, то не зови кашу есть других», т. е. угощать надо не бездельников, а тех, кто трудится.

Народная педагогика учит чутко, внимательно относиться к людям. «Ыра ут та таканать, ыра ҫын та йанашать»—«И добрый конь спотыкается, и хороший человек ошибается»,—предупреждает пословица, требуя разграничения сознательных поступков и проступков от ошибок, совершаемых людьми чаще всего случайно, по неосмотрительности и незнанию.

В народной педагогике указывается на то, что недостаточно сочувствовать людям или жить только их сочувствием: «Яланах ҫын йапатнипе пуранайман, теҫҫё»,—«Всю жизнь людским утешением не проживешь». Нужно в себе найти мужество, чтобы перенести трудности, чтобы бороться с ними и преодолеть их.

Народная педагогика проповедует любовь между людьми: «Аҫта юрату, унта ҫута»—«Где любовь, там и свет». Но эта любовь—далеко не всеобщая человеческая любовь, не всепрощение человеческих грехов. В поговорках и пословицах говорится о борьбе с врагами трудящихся, о непримиримости со злом. Таким образом, гуманизм тесно связан с другой чертой чувашской народной педагогики, это—*воспитание ненависти, презрения к врагам народа.*

В народной педагогике убедительно разъясняется молодежи, детям трудящихся, что врагами их являются богачи, эксплуататоры. Богатые и бедные не могут жить в мире, между ними идет постоянная борьба: «Ялта сакар пуян ҫын, тахӑр начар ҫын пёрле пуранмаҫҫё, теҫҫё»—«В деревне восьмеро богачей и девять бедняков не уживаются вместе». Народная педагогика вырабатывает убеждение у молодежи в том, что для них богачи никогда ничего хорошего не сделают: они кровопийцы. В одной пословице, записанной в 1903 году, прямо сказано: «Пуян ҫын чухан ҫын юнне ёҫет»—«Богатый пьет кровь бедного». В другой пословице указывается на то, что богачи—душегубы: «Чун асапакан мул тупакан»—«Находит богатство тот, кто заставляет страдать души».

В поговорках и пословицах дается богачам самая отрицательная оценка: «Пуянӑн куҫ выҫӑ, теҫҫё»—«У богатого глаза жадные», «Варламан ҫын пуяймасть»—«Без воровства не разбогатеешь» и т. п. Следовательно, богачи—воры, душегубы, кровопийцы. Народная педагогика советует молодежи: «Пур ҫын ҫумне ҫыпӑҫиччен, ҫук ҫумне ҫыпӑҫ»—«Чем иметь дело с имущим, имей дело с неимущим». Эта пословица проповедует единство бедных, призывает их к объединению.

Эта черта народной педагогики поражает глубиной демократизма. В известной мере можно, пожалуй, говорить даже о *революционном демократизме*, ибо здесь содержится прямой призыв к борьбе с эксплуататорами. Поясним это примерами. «Кунё сын на кун сук, киревсёре вилём сук»—«Смирному нет житья, негодяю нет смерти»,—говорится в пословице. Поэтому нельзя быть смирным, нужно всеми силами бороться с негодьями: «Вай ситмесен шалпа кышла»—«Не хватит сил грызи зубами»,—рекомендуется молодежи. Понятно, сила пока на стороне богатых. Но этого не надо бояться: «Паттәр сине паттәр тупанать»—«На богатыря богатырь найдется».

Народная педагогика ставит задачу воспитания борцов за народное счастье, людей храбрых, которые были бы готовы умереть за интересы трудящихся: «Вәрсә вәрсма паттәр кирлө»—«Чтобы воевать, нужны богатыри». «Вилёмрен ан сехёрлен»—«Смерти не страшись»,—говорится в другой пословице. В народной педагогике воспевается героизм, храбрость, а трусость презирается. «Паттәрән пуç вьртна, тараканан йёр вьртна»—«Храбрый сложил голову, а трус оставил след после себя». Хорошего человека, сложившего голову за народное дело, люди не забывают: «Ыр сын вилет, ун ёсё пуранать»—«Добрый человек умирает, но дело его живет».

Народная педагогика требует от молодежи непримиримости к врагам, ко всякому злу. Лицемерие, «кокетничанье со злом» не должно иметь места: «Усала ырлакан усал тавакан»—«Поощряющий (или: одобряющий) зло творит зло». У молодежи с детства нужно воспитывать нетерпимое отношение ко злу: «Усала түсекен усал үсекен»—«Терпящий зло растет злым».

Как уже указывалось, народная педагогика призывает молодежь к борьбе с врагами трудящихся. В то же время здесь убедительно показано, что эта борьба может быть успешной только в том случае, если массы объединят свои силы. Таким образом, *народность*¹ или *коллективность* является следующей особенностью чувашской народной педагогики.

В народной педагогике в элементарной форме подчеркивается общественный характер труда: «Пёр сын тунине сёр сын тытатъ»—«То, что сделал один человек, сто человек держат» (т. е. пользуются). Люди всегда нуждаются друг в друге: «Саккаран аван сәпма, сиччён сине, иккён кәрешме, пёччен шухашлама аван, теҫсё»—«Восьмером хорошо молотить, всемером—обедать, двоим—бороться, в одиночку—думать». Правда, размышлять хорошо одному, но все-таки едва ли можно жить одним своим умом: «Пёр ас аван, сиччё тата аванрах»—«Один ум—хорош, а семь—лучше того».

В поговорках и пословицах убедительно показывается, что «*Пёрлешүре вай*»—«*В единении сила*». Народная педагогика в

¹ Здесь: условно, в значении—«*быть вместе с народом*».

соответствии с принципом природосообразности и здесь обращается к сравнениям, сопоставлениям. «Вёлле хурчѣ пѣччен пыл нумай таваймѣ»—«Одна пчела много меду не принесет», «Каткă пысак мар та, тавайкки чакалать»—«Муравей не велик, а роет склон горы». Маленькие муравьи, объединившись, представляют значительную силу.

Народная педагогика призывает трудящихся к объединению: «Нумай та пѣтет, сахал та џитет, пѣрле пураннине мѣн џитет?!»—«И многое кончается и малого достаточно, но что может быть лучше, чем жить с людьми?!» В пословицах—«Тавар пулсан та, пѣрлех лайах» «Хоть и тесно, вместе лучше», «Халахпа пур ёс те пулать, пѣччен ним те пулмасть»—«Вместе с людьми сделаешь любое дело, а в одиночку ничего не выходит», «Харах алапа тѣвѣ те салтаймастан»—«Одной рукой и узла не развяжешь»—содержится призыв к совместным действиям, к объединению усилий трудящихся.

Трудящиеся только совместными усилиями могут добиться хорошей жизни, поэтому они должны жить дружно, в согласии: «Варсса пуранакан сын ыра кураймасть»—«Кто живет в ссоре с людьми, хорошей жизни не увидит», «Килѣштерни чол стенаран џирѣпрех, теџџѣ»—«Согласие¹ между людьми прочнее каменной стены». Как уже указывалось, согласия между бедными и богатыми быть не может. Следовательно, в приведенных пословицах имеется в виду единство неимущих. Нас в этом убеждает также пословица: «Пур пѣрле, џук џурмалла теџџѣ»—«Достатки вместе, бедность пополам».

Огромная сила заключена в народных массах: «Пѣччен сурать—типсех пырать, халах сурать—кулѣ пулать»—«Один плюнет—высохнет, народ плюнет—образуется озеро»,—говорится в одной из пословиц, приведенных в «Букваре» И. Я. Яковлева.

Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия жизни, чувашский народ никогда не терял надежды на свое освобождение, он верил в светлое будущее. В этом народная педагогика сыграла значительную роль. Поэтому *оптимизм* следует отметить как одну из черт чувашской народной педагогики.

Важнейшей особенностью оптимизма чувашской народной педагогики является вера в творческие силы человека, вера в огромные возможности воспитания. Как гимн воспитанию и обучению звучат слова пословиц: «Вѣрентсен, упа та таша вѣренет» — «Если обучать, то и медведь научится плясать», «Лайах йѣркеллѣ вѣрентсен, вѣренеймен сын џук»—«Если при обучении есть порядок, то всякого можно обучить». Невольно вспоминаются слова великого славянского педагога Я. А. Коменского: «Из всякого ребенка можно сделать человека». «Нет ребенка, настолько тупого, ленивого и упрямого, чтобы нельзя было его воспитать,

¹ Здесь: единодушие, дружественные отношения.

обучить чему-нибудь»,—такой вывод с необходимостью вытекает из приведенных пословиц.

Народная педагогика отличается верой в высокие моральные качества трудового народа. Честные люди, как правило, верят в честность и других людей: «Вара варра шанмасть, ясар ясара шанмасть»—«Вор не верит вору, распутный—распутному».

Никогда не терять веры в хорошее будущее, не бояться трудностей, встречающихся на пути к этому хорошему — такая мысль содержится во многих пословицах и поговорках: «Кама мён кирлĕ, вал çавна тупать»—«Кому что нужно, тот всегда это найдет», «Хыçалтан пулсан та, ут, юлсан — талăха юлан» — «Хоть и позади остался, все равно иди, иначе останешься совсем один», «Хёнсёр ёç пулмасть»—«Без трудностей дела не бывает» (но их не надо бояться!).

«Хуйха пуçа устарать»—«Печаль клонит голову»,—говорится в поговорке. Но нельзя терять надежды: «Хуйха хыçсан саванаç килет» — «После горя приходит радость»,—говорит другая пословица.

«Ырлаха кётмен сын çук» — «Нет человека, который не мечтал бы о счастье»,¹—говорится в пословице. Тем самым подчеркивается, что «Человек рожден для счастья, как птица — для полета». Таким образом, оптимизм чувашской народной педагогики прежде всего проявляется в ее важнейшей задаче, это — вселение в представителей трудового народа уверенности в светлое будущее.

Счастья добывается человек в борьбе и труде. *Воспитание трудолюбия* — одна из важнейших черт чувашской народной педагогики.

Народная педагогика учит, что без труда нельзя жить, что труд — источник человеческого существования: «Вут хутмасар çакар пиçмест, ёслесе пиçмесёр сурт-йёр пулмасть, теçсё» — «Не истопив печь, хлеба не испечешь; без привычки к труду хозяйство не наживешь», «Ёсле, ёсле, ёсле си, ёслемесен ан та си» — «Трудись, трудись, трудись и ешь; если не трудишься — не ешь». Здоровый человек не должен сидеть без дела: «Ахаль ларсан, урасар-алсар сынпа пёрах» — Сидеть без дела то же, что быть лишенным рук и ног», «Ала-ура пур синче ахаль ларни килёшмест» — «Руки, ноги целы — не сиди без дела».

«Ахаль ыртыччен урла ыртакан япалана тарăх илсе хур»— «Чем лежать без дела, положи вдоль предмет, лежащий поперек»,— советует пословица. Иронизируя над теми, кто сидит без дела, поговорка рекомендует: «Ахаль лариччен кёрёк аркине те пулин йавала» — «Чем сидеть без дела, по крайней мере, хоть подол шубы разминай».

Народная педагогика сурово осуждает леность и лентяев: «Ёç тарантарать, кахал пасать»—«Труд кормит, лень портит»,

¹ Дословно: «Нет человека, который не ждал бы благ».

«Ёсчене пёр самах, кахала сёр самах»—«Трудолюбивому—одно слово, ленивому — сто слов», «Кахал — пур инкекён амашё» — «Лень — мать всех несчастий и пороков». Удачно сопоставляются результаты труда человека, который все делает с огоньком, с результатами труда человека, делающего все лениво: «Валт-валт утакан, тавра кайсан, су хыпна; ленк-ленк утакан, турё кайсан, йёкел юман сиччен укнине курна та, сапах ана тупайман, теҕсё»—«Шагающий бодро, пойдя окольным путем, отведал масла, а шагающий вяло, пойдя прямым путем, увидал, как с дуба упал желудь, но все-таки не нашел».

В поговорках и пословицах содержится предупреждение о том, что работа часто бывает трудной, но трудностей не надо бояться: «Ёсрен ан хара, вал хай санран харатар» — «Не бойся работы, пусть она тебя боится», «Ёсрен куҕ харать, алә харамасть, теҕсё» — «Работа страшна глазам, а не рукам». Но берясь за работу, нужно знать, посильна она или нет, свои возможности всегда нужно учитывать: «Вайантан ытлашшине ан сёкле» — «Не поднимай, что не по силам», «Йывар тийён, киле ситереймён» — «Нагрузишь тяжело — не довезешь до дома». Надо браться за такую работу, которую можно с успехом выполнить.

Требуется своевременное выполнение работы: «Варана юлсан, вараланать, теҕсё»—«На «ужо» останется — запачкается», «Ырана хаварсан, ырать, теҕсё» — «На завтра останется — устанет», «Ёсе тыгансан, пётерме тараш» — «Коли взялся за дело, доведи его до конца», «Паян тумалли ёсе ырана ан хавар»—«Не оставляй до завтра то, что можно сделать сегодня».

Нужно быть последовательным в достижении целей: «Пусра пулна ёмёте ёсе күртсе пыр» — «Все намерения, какие были на уме, проводи на деле», «Ёсе йёркине пёлсе ёсле» — «Дело делай, зная порядок».

Результаты труда позволяют судить и о личных качествах человека: «Сынни мёнле, ёсё те савнашкал»—«Каков человек, такова и работа». Поэтому естественно и желание любого труженика выполнить всякую работу тщательно, ибо результат работы — не только условие его существования, но источник его профессиональной гордости.

Трудолюбивому человеку работа доставляет удовольствие: «Нумай сываракан ыйхинчен киленнё, тет; ир таракан ёсёнчен киленнё, тет» — «Кто долго спал, нашел удовольствие во сне; кто рано встал, нашел удовольствие в работе». Но удовольствие во сне проходит вместе со сном: «Нумай сываракан сын ыра кураймасть» — «Кто спит долго, никогда добра не увидит».

Цель всякой работы — создание определенных ценностей, а не разрушение: «Ватасси лайах та, тавасси хён»—«Легко разрушить, но трудно сделать», «Ватасси тавассиех мар»—«Ломать — не делать». Но в эксплуататорском обществе человек как бы ни трудился и какие материальные ценности он создавал, никогда не станет богатым: «Пуян — минутлах, сук — ёмёрлөх»—«Богатст-

во—на минуту, бедность—на всю жизнь»,—говорится в старой народной пословице. «Темле ёслесен те, сителёклё пуранас сук» — «Как ни трудись—бедным будешь вовек»,—дореволюционный чувашский народ знал это. Но голод заставлял их работать на эксплуататоров. Народ мечтал о хорошей жизни, о коллективном труде.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала возможность коллективно трудиться, коллективно создавать счастье трудящихся.

Народная педагогика, руководствуясь принципом природосообразности, утверждает: Йывăç самракла авăнат, ача-пăча самракла вĕрентсен, ёсе вĕренет» — «Дерево молодое согнуть легче, ребенка с малолетства приучить к труду легче». В этом утверждении содержится совет — начинать трудовое воспитание с раннего детства. Народная педагогика требует, чтобы дети сознательно выполняли трудовые операции, только сознательный труд может быть творческим. В пословице, записанной в 1905 г. в с. Покровское Марпосадского района, сказано: «Аллуна ту, пуçуна шухашла» — «Руками делай, головой думай».

Как уже указывалось, прямых советов применять наказание в трудовом воспитании нет. Пример родителей здесь играет решающую роль: «Ашше мĕн тунă, ывалĕ те савна тумă тарашать» — «Что делает отец, то старается сделать и сын». В трудовом воспитании применяются те же самые меры педагогического воздействия, которые уже упоминались выше.

Воспитанию трудолюбия в чувашской народной педагогике придавалось огромное значение. Трудовое воспитание являлось одной из центральных проблем народной педагогики.

В. Г. Белинский в своем письме к Н. В. Гоголю писал:

«Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит: годиться — молиться, не годиться — горшки покрывать. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия но нет и следа религиозности»¹. То же самое можно было сказать и о чувашском народе. Поэтому *атеизм* нельзя не считать одной из черт чувашской народной педагогики.

В чувашских пословицах и поговорках нет религиозности и суеверного страха: «Тураран хăрама вал писăр мар-ске» — «Что мне бог: он ведь не писарь!»—заявляет поговорка. «Турра шанса сулханра ыртакан пĕр татак сăкарсăр юлна» — «Кто лежал в тени и надеялся на бога, остался без единого куска хлеба»,—говорится в пословице. Все, что человеку надо, он может сам сделать, поэтому ему нечего надеяться на бога: *человек сильнее*

¹ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, АН СССР, 1952, стр. 504.

бога. Основоположник чувашской поэзии К. В. Иванов, выражая мысли чувашского народа, возглашал:

„Нет сильнее человека,
В целом свете никого“.

В этих словах не только гуманизм, святая вера в человека, но и атеизм.

Атеизм проявляется также и в пословице: «Чун пулсан, чул хушшинче усрапар» — «Если есть душа, просодержим и под камнем». А когда чувашский народ говорит: «Уркенмен аста пулна, ватанман юмаç пулна» — «Трудолюбивый трудится, бессовестный гадает», — он выступает уже против суеверий.

Поговорки и пословицы имеют большую воспитательную ценность. С ними нужно знакомить учащихся, раскрывать им их смысл. Учебники и книги для школ, и в первую очередь книги для чтения по родному языку, должны широко отражать народную мудрость. То же самое нужно сказать и об учебниках по русскому языку для чувашских школ. Здесь необходимо приводить чувашские пословицы, наряду с переводом их на русский язык приводить русские пословицы. Целесообразно также приведение параллельных пословиц и других народов, в них находят отражение общие интересы трудящихся всех стран. Например, китайцы говорят: «Народ вздохнет разом — будет буря», чувашаи: «Один плюнет — высохнет, народ плюнет — образуется озеро». Все эти пословицы призывают трудящихся к объединению. Чувашаи говорят: «Ученого не меняют на трех неученых», татары: «Один грамотный дороже трех неграмотных». Классик татарской литературы Габдула Тукай эту пословицу дает в виде двустушия:

«Стоил грамотный дороже трех неграмотных вовек,
Вечно к знанию стремится настоящий человек»¹.

Русские говорят: «Не оставляй на завтра то, что можно сделать сегодня», чувашаи перевод этой пословицы употребляют как собственную пословицу, у них имеется также пословица: «На завтра останется — устанет», армяне: «Не говори: «Это дело завтра сделаю» — завтрашний день свое дело имеет».

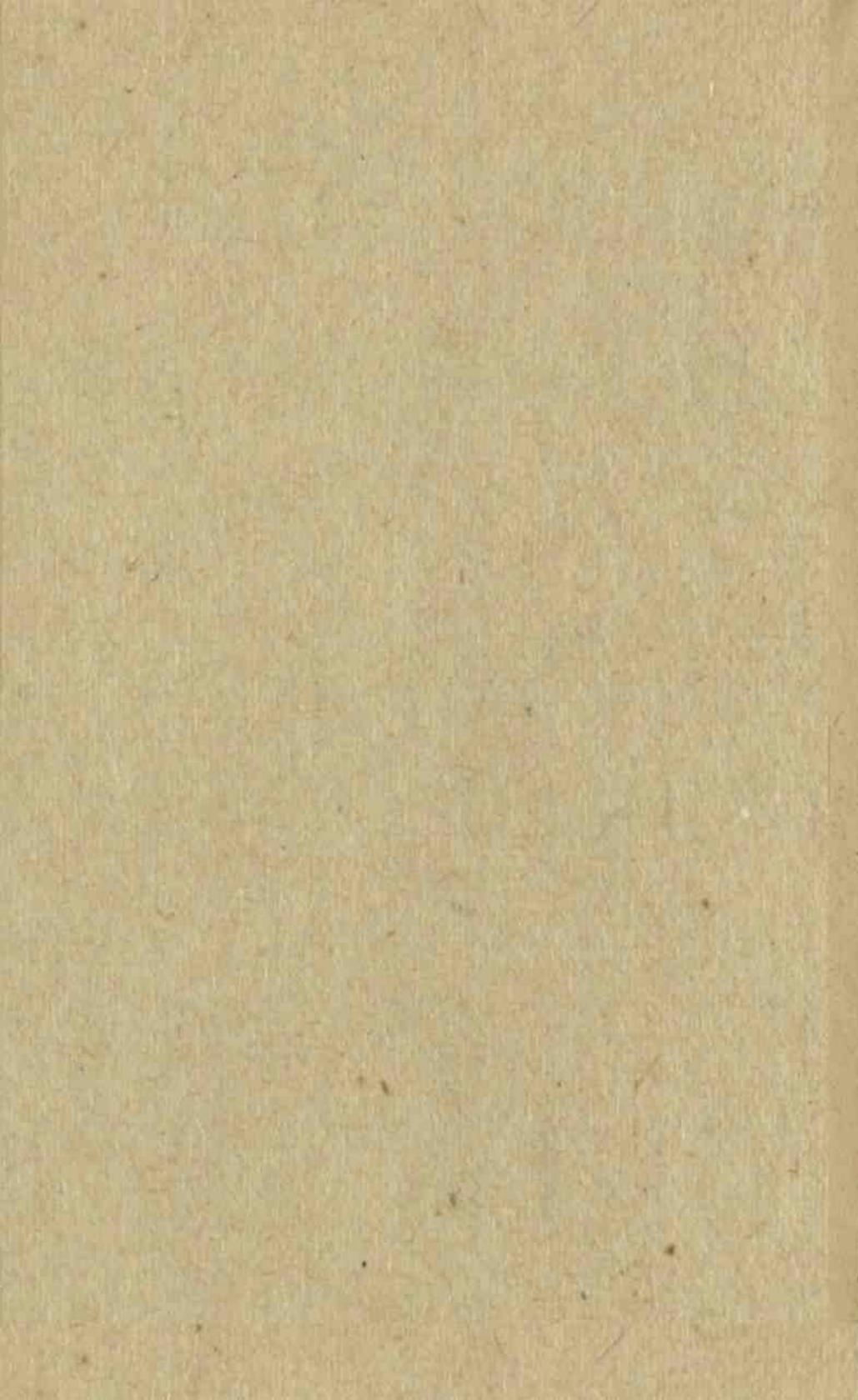
Отдельные народы в процессе совместной жизни перенимали друг у друга поговорки и пословицы, переделывали их на свой лад с учетом условий жизни. Вот, например, татары в упрек тем, кто игнорирует свои обязанности в отношении к родителям, говорят: «Любовь матери на ребенке, а любовь ребенка в степи», а чувашаи о таких же людях говорят: «Ашшĕ-амаш чĕри ачара, ача чĕри упара» — «Сердце родителей в ребенке, а сердце ребенка в медведе». В отношении некоторых пословиц русского, чувашского

¹ Г. Тукай. Стихи, поэмы, сказки, Тат. осиздат, 1951 стр. 107.

и татарского народов трудно даже сказать, которому из них они принадлежат. Это свидетельствует о том, что чуваша и татары, как и другие народы России, находились в чрезвычайно тесных экономических и культурных связях с великим русским народом. Значение пословиц и поговорок в воспитании детей, особенно в воспитании чувства интернационализма, трудно переоценить. Составители учебников по грамматике и книг для чтения должны учитывать это обстоятельство.

Известно, что изучение созидательной роли народных масс в развитии духовной культуры имеет особое значение. Следовательно, и устная народная педагогическая мудрость, как важная составная часть духовной культуры народа, нуждается в тщательном изучении. Памятники народной педагогики со всей очевидностью и убедительностью показывают великую роль народных масс в развитии педагогической мысли. Несомненный интерес представляют произведения устного творчества у народов, не имевших до революции письменности. По этим произведениям можно судить о древней педагогической культуре народов. Народная педагогика всегда была источником, питающим идеи прогрессивных педагогов. Народ является автором многих педагогических принципов, систем и теорий. Окончательное преодоление пережитков и «традиций» старой, буржуазной и дворянской историографии в историко-педагогических исследованиях—неотложная задача советских историков педагогики. Народу, подлинному творцу истории, и в истории педагогики принадлежит решающая роль. В историко-педагогических исследованиях народ должен занимать то место, которое он в действительности занимал в развитии педагогической мысли.

Цена 7 руб. 75 коп.